

84(4205)
Г82

-ЗМ17

Жан Грива

ПО ТУ СТОРОНУ ПИРЕНЕЕВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

1101—1000000

Зал
национальных
литертур

52

Ман Грива

✓ 1-82

ПО ТУ СТОРОНУ ПИРЕНЕЕВ

746 136
549
161356
958191
569
1095

ЧЕЛ

276 352

Б. ...
Окс. ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

МОСКВА—1950

24(4104)
Г82

УЧЕТ

МУК «Централизованная
система муниципальных

190533

✓ 2016

Зал
национальных
литертур

Н

а полпути между Пособланко и Дон Бенито, в горах Кастилего расположен небольшой городишко Кабеза дель Буэй, что означает — бычья голова. Вопреки такому названию, быков здесь никогда не было, и в окрестных горах пасутся только овцы да козы.

Кабеза дель Буэй ничем не отличается от других городов Испании. В его садах также цветет миндаль и растут

инжирные деревья; маслины, как и всюду, созревают здесь в январе, а виноград, арбузы и дыни не менее сладки, чем в Валенсии. И если бы в свое время алкад* и аббат местного монастыря, подбиравшие имя для городка, были немного находчивей, они прозвали бы его не бычьей головой, а раненым быком. Но тупость тогдашних городских голов всем известна, да и служители церкви тоже никогда не блистали умом, а поэтому городок до сего времени называется Кабеза дель Буэй.

Ошибку замечаешь, подъезжая к нему по дороге из Пособланко, еще за несколько километров. Внимание путника привлекают не выбеленные мелом дома и не зеленые сады, а выступ горы с западной стороны городка; и если приходится въезжать в Кабеза дель Буэй на закате, гора так напоминает раненого быка, упавшего на колени на песке арены, с красным

* Алкад — городской голова.

плащом тореадора, брошенным на рога, что картина эта надолго остается в памяти.

Так вот, в этом самом городке много десятилетий, а может быть и несколько веков, тому назад жил бедный пастух Карло. Когда ранним утром он появлялся на улицах и начинал играть на свирели, двери распахивались и наружу выходили овцы и козы. Не отнимая свирели от губ, Карло удалялся в горы, а стадо послушно следовало за ним.

В конце дня, когда за городскими воротами снова слышались звуки свирели, дети бежали по домам, радостно крича:

— Мамита, отворяй дверь, овечий король идет!

И матери отворяли двери и загоняли в хлева овец и коз.

По вечерам Карло брал гитару и шел на рыночную площадь, а молодые черноволосые красавицы и парни сопровождали его. Карло садился у колодца и принимался играть на гитаре и петь. Певцом он был превосходным, и слава о нем облетела даже отдаленные города и селения.

Крестьяне, приезжавшие на рынок, не торопились в обратный путь: они ждали вечера, чтоб послушать, как поет Карло.

— Ну и голос у этого овечьего короля! — задумчиво говорили мужья, выколачивая о камни мостовой свои длинные трубки.

— Да, не хуже, чем у канарейки! — отзывались жены и угощали пастуха ломтями сухого овечьего сыра. А молодые девушки пускались в пляс, подпевая Карло.

— Спой, спой еще, овечий король! — просили восторженные слушатели, в то время как за скалой, похожей на раненого быка, догорал закат.

Однажды вечером по рыночной площади проходили алкад Антонио Заячий Хвост и судья Фредерико Капустный Кочан.

— Послушай, — сказал Заячий Хвост судье, — этого оборванца они называют королем, а настоящему королю податей не платят. Как ты думаешь, правильно это?

— Нет, это не по закону, — ответил судья Капустный Кочан. — За это надо судить.

На другой день у Антонио Заячьего Хвоста и Фредерико Капустного Кочана собрались все именитые мужи города и долго совещались, имеет ли право пастух Карло называться королем. Подконец судья обмакнул длинное петушиное перо в баночку с чернилами и на высушенной свиной коже написал:

«Запрещаю жителям города Кабеза дель Буэй и его ближних и дальних окрестностей называть пастуха Карло королем, ибо королем подобает именовать только законного короля Испании, которому следует также исправно платить все подати.

За оскорбление королевского имени все будут привлечены к ответственности, начиная с пастуха Карло, которого завтра

на рыночной площади нашего славного города будет судить королевский суд».

Глашатай алкада с небольшим рожком в руках прошел по улицам города. При звуках знакомого всем рожка раскрывались окна, и люди, высовываясь, слушали приказ городского головы и судьбы.

На следующий день, задолго до назначенного времени, все, от мала до велика, собрались на рыночной площади, где должен был происходить суд. Разнесся слух, что пастуху Карло отрубят голову.

Однако сам Карло не волновался. Он отыскал большой арбуз, срезал донышко и с помощью деревянной ложки отправил себе в рот содержимое. Пустой арбуз Карло надел на голову и зашагал на рыночную площадь.

Рожок глашатая возвестил о прибытии королевского суда. Все сняли шапки. Только пастух Карло остался с арбузом на голове.

— Почему ты не снимаешь шапки перед лицом суда? — спросил алкад Заячий Хвост.

— Потому что нет у меня шапки. Находясь на службе у короля, я не заработал ее. И если его величество будет еще долго здравствовать, то я не надеюсь когда-либо ее получить.

— Тогда сними со своей головы этот огурец, — сердито сказал судья Капустный Кочан.

— Это арбуз, а не огурец, — ответил Карло. — Вам, как судье, следовало бы в этом разбираться, иначе вы легко можете перепутать правого с виноватым.

— Ладно, сними с головы арбуз и слушай, — сдерживая гнев, сказал Капустный Кочан.

— Это не по закону, господин судья! Во-первых, на судебных церемониях, перед лицом суда, полагается снимать шапку, но нигде не сказано, что надо снимать с головы арбуз. Если бы вы заставили меня сделать это, то сотворили бы беззаконие и вам грозила бы кара. Во-вторых, это единственный принадлежащий мне арбуз, а моя голова — единственное место под солнцем, где я могу выращивать арбузы, так как ни сада, ни поля у меня нет. И если бы вы судили богача, что, правда, случается очень редко, неужели вы приказали бы ему сорвать все арбузы с его бахчи?

Среди судей произошло некоторое замешательство. Они принялись спорить. Одни были за то, чтобы Карло снял арбуз, другие возражали. Наконец послали двоих вооруженных стражников за сводом законов. Те впрягли осла в двуколку и привезли целый воз свиной кожи и пергамента.

Как выяснилось, действительно нигде не было сказано, что перед лицом суда надо снимать с головы арбуз. И суд решил:

«Поскольку арбуз не шапка, Карло может не снимать его с головы».

Затем председатель суда спросил:

— Пастух Карло, почему ты величаешь себя королем? Разве тебе не известно, что не подобает нищему пастуху ставить себя на одну доску с высокородным главой государства?

— Во-первых,— ответил Карло,— я никогда не величал себя королем, а величают меня королем другие. Во-вторых, король ничуть не более высокороден, чем я, так как, судя по рассказам моей матери, я родился на самой высокой горе Кастилего. В-третьих, я думаю, что неправильно называть короля главой государства. Сами видите, у каждого из нас своя голова на плечах!

И Карло показал на рыночную площадь, полную людей, которые, задрав кверху головы, слушали, не пропуская ни одного слова, и поддакивали:

— Верно, Карло, у каждого своя голова на плечах.

Это окончательно взбесило судью.

— Ты что-то уж слишком умен для нашего города, а за твои мятежные речи тебя следует наказать. Вижу, ты успел уже посеять смуту среди горожан. Чего доброго, люди станут охотней слушаться тебя, чем меня, алкада или короля. Поэтому мы решили укоротить на два вершка твой мудрый затылок.

— Ему отрубят голову!— заволновался народ.

Карло же был попрежнему спокоен, и на лице его не отразилось ни тени отчаяния.

Когда вооруженная стража подвела Карло к месту казни, пастух сказал:

— Пошевеливайтесь проворней, я должен еще поспеть к ужину, я ведь с утра ничего не ел.

Стражники переглянулись между собой и заключили: «Он спятил с ума от страха!»

Карло расслышал это и сказал:

— Дуракам вечно кажется, что глупы другие... Отмерьте-ка два вершка от моей макушки да выполняйте решение суда, чтобы я мог поскорей освободиться. Дома ждет меня ужин из улиток и соленых маслин.

— Ладно,— сказал стражник.— Сними арбуз.

— Арбуз я не сниму, суд сам постановил, что я могу оставить его на голове. А если вы заставите меня снять его, то за ваше противозаконное действие судья прикажет отрубить вам головы.

Стражники оторопело поглядели друг на друга, потом один из них отмерил два вершка от макушки арбуза и нанес шпагой царапину на зеленой корке, чтобы знать, где рубить.

— Подсудимый, сообщи нам свою последнюю волю,— обратился к Карло стражник со шпагой в руках.— Мы обязаны передать ее судье.

— Мое первое и последнее желание,— ответил Карло,— чтобы, начиная с этого дня, в Испании не появлялось на свет новых дураков и тиранов и чтобы все старые поскорей переродились. Скажите об этом судье и передайте, что я очень прошу исполнить мою последнюю волю.

Третий стражник размахнулся и рубанул мечом. С головы Карло слетел кусок зеленого арбуза. Карло невозмутимо снял оставшееся арбузное кольцо, протянул изумленной страже и сказал:

— Скажите судье, что Карло посылает этот кусок арбуза его белой козе. Он будет очень рад. Ведь, кроме оставшегося у меня дома ягненка, это все мое богатство.

Карло исчез так быстро, что стражники не успели даже опомниться. Все двери в городе были на запоре, и жители в тишине оплакивали своего любимого пастуха.

Когда стража доставила судье кусок арбуза, подробно рассказав обо всем, что произошло, и передав последнюю волю Карло, судья побагровел от ярости и надулся, как бурдюк, переполненный вином.

— Это бунтарь!— раскричался он.— Если все станут такими умными, как этот пастух, то не мы будем управлять ими, а они нами! По древнему обычаю, раз вам не удалось отрубить Карло голову, повторить наказание нельзя. Ступайте, отыщите его и повесьте его овечью душу за ноги в моем оливковом саду. Пусть высушит его солнце, как сушит оно сорванную гроздь винограда! Скорей, а то он успеет скрыться в горах...

Стражники направились к лачуге пастуха, распахнули дверь и увидели Карло, уплетавшего за обе щеки соленые маслины и улиток.

— Мы пришли к тебе от имени судьи. Так как по древнему обычаю отрубить тебе голову теперь уж нельзя, судья приказал повесить твою овечью душу в его оливковом саду, выбрав для этого самый надежный сук.

— Мою овечью душу? — переспросил Карло. — Неужели бедная овечка должна отвечать за мои грехи? Ну, да если уж судье так уютно, вот она, берите!

И Карло отдал вооруженным стражникам своего единственного ягненка Белохвостика.

Исполнив приговор, стража поспешила донести судье:

— Ваша милость, все исполнено, как вы приказали, его овечья душа висит вверх ногами в вашем оливковом саду.

Судья отпил глоток вина и, довольный, погладил свою острую бородку:

— Хорошо, хорошо! За верную службу я награжу вас...

На следующее утро Карло, как обычно, шагал по городу и наигрывал на свирели. Все двери радостно раскрывались, и скоро улицы стали полным-полны белых овец и коз. Один только ягненок Белохвостик брыкался, подвязанный к оливковому суку, и блеял:

— Ме-е-е-е!..

Прислушавшись, судья и алкад решили, что это стонет душа казненного Карло. Они вышли в сад поглядеть на него, но, увидав ягненка Белохвостика, в ужасе грянулись оземь, да так и не смогли подняться.

Городские мальчишки освободили Белохвостика от пут, и он побежал в горы лакомиться сочными листьями кустарников.

Вечером на рыночной площади Карло снова играл на гитаре, а люди толковали между собой:

— Судья Капустный Кочан и Антонио Заячий Хвост с перепугу разбиты параличом...

— Они исполнили мою последнюю волю,— добавил Карло.— Так будем же рады, что двумя деспотами, дураками и прислужниками короля стало в Испании меньше!

В тот вечер Карло играл и пел лучше, чем когда-либо, а горожане веселились до самого утра.

Кастилии, недалеко от Мадрида, в маленьком селении жил кузнец по прозвищу Богатырь. Уже лет десять как местные жители и не называли его иначе. За это время настоящее имя кузнеца было совершенно забыто, зато каждый чико* мог рассказать, почему кузнеца прозвали Богатырем.

Это произошло после первой мировой войны, когда Испанией правил король Альфонс XIII. Люди в те времена поговаривали, что тяжелая золотая корона

сидит не на голове монарха, а на горбе народа. Сам же король был на этот счет другого мнения и всех, кто не соглашался с ним, называл бунтарями и предавал смертной казни.

Однажды на охоте король отстал от своей свиты и заблудился. Случилось так, что конь его потерял золоченую подкову. Бедное животное начало сильно прихрамывать и видом своим уже никак не напоминало королевского коня, а скорей измученную крестьянскую лошадь.

Глядя на то, как король на своем хромоногом одре еле тащился по селениям, люди хохотали, держась за животы. Никому в голову не приходило, что человек, восседающий на такой убогой кляче,— король Испании. При виде нелепой фигуры

* Чико — мальчик.

всадника чикос швыряли в него камнями, а старики показывали на него пальцами и говорили:

— Вот так же, как этот сумасброд загнал свою лошадь, король Испании загнал свой народ. Но мы-то сбросим его с седла! Бедная кляча, если б и ты могла поступить так с этим проклятым мешком, сидящим на твоей злосчастной спине!..

Услышав это, король расвирепел и соскочил с коня, чтобы проучить насмешников. Но так как люди не верили тому, что жалкий всадник — властелин Испании, все пропускали королевские слова мимо ушей. И его величеству пришлось плестись дальше, так ничего и не добившись.

В одном из селений он вдруг услышал мощные удары молота о наковальню.

— Это кузнец! — радостно воскликнул король. — Наконец-то я смогу подковать своего коня, а то, того и гляди, подданные мои растеряют остатки уважения к своему монарху. До сих пор они хоть боялись меня и восхищались моим конем...

Король свернул к кузнице. Конь его еле волочил больную ногу. В открытую дверь кузницы Альфонс XIII увидел могучую фигуру кузнеца с молотом в руке. Он с силой бил по наковальне; искры, как маленькие алые звездочки, брызгами разлетались во все стороны. Король остановил коня и с минуту глядел, как работает кузнец.

«Да, есть еще в моем государстве силачи, — подумал король. — Будь их побольше, трон мой был бы несокрушим и я мог бы спокойно править, никого не боясь!»

— Эй, кузнец! — скомандовал он. — Ступай сюда и подкуй коня королю Испании.

Кузнец вскинул молот на плечо и презрительно смерил взглядом незнакомца и его клячу.

— Испокон всков было так, что на королевском троне Испании сидели дураки и прохвосты. Неудивительно поэтому, что все наши оболтусы воображают себя королями. Проваливай-ка ты прямехонько в сумасшедший дом и не мешай мне работать!

Взбешенный король чуть не свалился с коня.

— Кузнец! — закричал он. — Как ты смеешь так отвечать своему властелину? Немедленно подкуй мне коня!

— Я слишком горд, чтобы гнуть спину перед твоей хромой клячей, — сказал кузнец. — Но если бы ты вправду был королем Испании, — чему я, конечно, не верю, — я с удовольствием отправил бы тебя на тот свет. Счастье твое, что ты не король! Гляди, я кую оружие для крестьян, — кузнец, как перышко, поднял тяжелую саблю и показал ее незнакомцу. — В тот день, когда этого оружия хватит на всех, король Испании прикажет

долго жить. Знаешь ли ты, баранья голова, что такое гнев угнетенного народа? Да нет, ты слишком глуп, чтобы понять это... Так убирайся поскорей и не мешай мне.

Кузнец повернулся к наковальне и возобновил работу. Изпод молота снова полетели алые искры, а король от страха стал бледен и даже лишился языка. Он пришел в себя, только когда кузнец поставил готовую саблю в угол и воскликнул:

— Ты все еще здесь? Хорошо, голубчик! Ступай сюда и поработай немного этим молоточком. Разве тебя, проходимец, не интересует судьба испанского народа? Ну, бери молот в руки и помогай. Будешь стараться — дам гвоздей и подкову для твоего осла.

Тон кузнеца был настолько повелителен, что король не посмел ослушаться. Кузнец вручил ему молот и растолковал, как ударять им. На наковальне лежала полоса раскаленной стали.

— Бей сильнее, — не унимался кузнец. — Сабля должна быть острой и крепкой. Говорят, что Альфонс тринадцатый прикрывает свою шею броней. Разве ты, шатаясь по свету, ничего такого не слышал?

— Нет, я ничего не слышал, — пробормотал король. — Но почему вы куете столько оружия для одного короля? Я думаю, что эта сабля лишняя.

— Будь ты не так глуп, ты думал бы иначе. Мы прогоним его вместе со всей камарильей. Понятно? Все крупные землевладельцы, богатые церковники и банкиры полетят вместе с тронном Альфонса тринадцатого... Да бей же сильнее, бестолочь! Плохо поел, что ли?

Когда работа была закончена, кузнец протянул незнакомцу подкову и гвозди.

— На, — сказал он, — вот тебе за труды. Это, наверное, единственная полезная работа, которую ты проделал за всю свою никчемную жизнь. Подкуешь свою кикимору и отправляйся. А то я еще раз заставляю тебя пошевелить твоими ленивыми лапами.

Король подковал коня и поспешил убраться во-свояси.

После долгих скитаний совершенно измученный и насмерть перепуганный Альфонс XIII, наконец, достиг столицы Испании — Мадрида. Видом своим король напоминал оборванного нищего, исходившего, по меньшей мере, полсвета. Дворцовая стража подняла его насмех и не хотела пускать в ворота.

— Куда лезешь, вшивый оборванец! — кричали ему. — Ты, верно, слыхал, что Альфонс тринадцатый пропал без вести, и хочешь завладеть его тронном? Нет, голубчик, это тебе не уда-

стся! Мы рады-радехоньки, что Альфонс, этот ничтожный проходимец, сгинул, не оставив следа, а другого мы и не подумали сажать на его место. Нельзя сказать, что жизнь без короля стала хуже!

С великим трудом Альфонс XIII доказал, что он в самом деле испанский король. Попав, наконец, в дворцовые покои, он велел собрать всю камарилью во главе с генералом гвардии Примо де Ривера.

— Примо де Ривера, я знаю, что ты мой верный слуга. Рука твоя ни разу не дрогнула, если надо было пролить чью-нибудь кровь. Ступай и восстанови в испанском народе уважение к своему королю. По всей Испании куют оружие, чтобы свергнуть меня. На виселицы и в тюрьмы всех, кто поносит мое имя и снабжает оружием бунтарский народ!

Генерал звякнул шпорами, низко поклонился и вышел. С того дня во всей Испании полилась кровь, а король заперся во дворце, чтоб не слышать стонов и проклятий.

Однажды к кузнецу явился целый десяток наемников Примо де Ривера.

— Что это ты делаешь?— спросили они.

— Кую будущее народа,— ответил кузнец и вынул из горна раскаленную докрасна саблю. На земляной пол посыпались яркие искры.

— Будущее народа?— возмутились наемники.— В таком случае тебе надо строить тюрьмы, а не ковать сабли. Разве ты не знаешь, что король приказал убивать или бросать в тюрьму всех, кто поносит его или готовит оружие для его врагов? Мы разъезжаем по Кастилии и выполняем волю его величества.

— Волю его величества?— удивленно переспросил кузнец.— Все проходимцы теперь величают себя королями Испании. Недарно один из них пробовал выдать тут себя за короля и просил, чтобы я подковал ему его хромую черепаху. Я, понятно, и не подумал этого делать. Дал ему подкову и гвозди: пусть, мол, сам справляется со своим пугалом. За это он помог мне отковать саблю, которой отрубят голову Альфонсу тринадцатому. Вот эта сабля.

— Как ты выражаешься о своем властелине?— в ужасе завопил один из наемников.— То был не проходимец, а настоящий король!

— Настоящий король?— засмеялся кузнец.— Ладно, тогда ступайте и казните его. Как видите, он сам выковал для этого саблю. Раз король показывает пример, то скажите, пожалуйста, почему его подданные не могут последовать этому примеру?

Кузнец отыскал в углу саблю и показал ее королевским слугам. Те в страхе дивились и долго осматривали грозное оружие. Подконец они переглянулись и сказали:

— Кузнец, твое преступление ужасно! Ты силой заставил его величество Альфонса тринадцатого, господина и повелителя над всей сушей и водными пространствами Испании, размахивать твоим закоптелым молотом! Мы разыскиваем тебя вот уже несколько месяцев. Оскорбление, какое ты нанес священному дому королей Испании, ты можешь искупить только смертью. Оставь молот и следуй за нами.

— Нет, молот я заберу с собой. Воинская честь требует, чтобы солдат умирал с оружием в руках. Вы, конечно, верующие и понимаете, что без молота никто не пустит меня в царство небесное.

— Ладно, бери молот и ступай за нами. Мы не заставим тебя долго мучиться. Таких, как ты, в Испании много, и некогда нам терять время с тобой!

Кузнец вскинул свой молот на плечо и отправился на казнь, опережая стражу. Когда они проходили через селения, крестьяне и рабочие выбегали на дорогу и спрашивали:

— Кузнец, а кузнец, куда это ты шагаешь с этими бездельниками?

— На виселицу,— с гордостью отвечал кузнец и, высоко подняв голову, шел дальше.

— На виселицу? Один, с десятью провожатыми? Да ты же настоящий богатырь! Мы прихватим оружие и придем тебе на помощь. Шутка сказать — один против десяти!

Следом за кузнецом и десятью королевскими слугами вскоре двинулся целый полк вооруженных людей. Стража струсила и не знала, что делать. Дойдя до леса, кузнец остановился.

— Так,— сказал он наемникам.— Думаю, места здесь на всех вас хватит. Беритесь за дело и начинайте сооружать виселицы. Да поживей, я должен отковать до вечера еще несколько сабель. Сдается мне, что вы не последние, кого мы вздернем на сук. Ну же! Кто сделает виселицу первым, тот останется в живых.

У королевских наемников отобрали оружие, и каждый из них лез из кожи вон, чтобы соорудить виселицу первым. Когда приговор народного суда был исполнен, помилованного отослали в Мадрид.

— Иди и расскажи там обо всем, что ты здесь видел и слышал! Предупреди короля и его слуг, чтоб ноги их не было больше на земле нашей провинции. В Кастилии не так-то много лесов, но здешних деревьев хватит на то, чтоб наставить виселиц

для Примо де Ривера, его наемников и всей шайки. Да не забудь напомнить еще, что сабля, выкованная Альфонсом тринадцатым, с нетерпением ждет той минуты, когда она сможет коснуться его шеи!

Выслушав это, наемник пустился бежать к Мадриду, да так, что пятки засверкали.

С того дня кузнеца прозвали Богатырем, и он стал самым уважаемым мастером во всей Кастилии.

К

огда его спрашивали бывало: «Максильо, сколько же тебе лет?» — он смело отвечал: «Теперь десять, но когда я вырасту таким, как ты, мне будет столько же, сколько тебе».

Рудокопам Алмадэны было по душе остроумие мальчика. Они любили его и, может быть, именно потому, что любили, часто поддразнивали.

По вечерам, когда рудокопы кончали работу, у выхода из копей собиралась толпа ребят. Они ждали своих отцов, подымавшихся из тьмы подземелья после тяжелого трудового дня. Отцам вовсе не приходилось напрягать глаза, воспаленные от ртутной руды, чтоб отыскать в толпе своего любимца. Стоило воротам раскрыться — и дети сами прилипали к родителям, как саранча к деревьям эстремадурских садов. Максильо узнавал отца еще издали по характерной походке: во время одного из обвалов в шахте ему придавило ногу. Раньше отец имел обыкновение брать сына на руки и нести его через весь городок к их маленькой глинобитной хижине. Но теперь Максильо достаточно вырос, чтобы не быть больше обузой для отца. Он брал его за жесткую руку и, ступая медленно и большими шагами, старался приноровиться к отцовской походке.

Иной раз Максильо не успевал до встречи с отцом занести домой свой глиняный кувшин, в который он набирал для бога-

тых горожан ключевую воду из горного ручья. Видя его с кувшином, рудокопы спрашивали:

— Максильо-водонос, много ли продал нынче?

На такой вопрос Максильо обычно не отвечал. Конечно, не потому, что его сердила кличка «водонос». К ней он уже привык: весь город звал его так. Максильо не отвечал оттого, что вопрос ему слишком надоел. Отец с матерью по вечерам спрашивали его о том же. Поэтому Максильо, гордо вскинув голову, подымал руку с растопыренными пальцами, число которых означало, сколько продано кувшинов. Жест этот был понятен всем.

Мужчины ласково похлопывали его по плечу:

— Максильо, ты у нас молодец!..

Но бывали дни, когда Максильо никак не отвечал на вопросы. Чаще всего это случалось весной и в период осенних дождей. На смену суховету прилетал тогда прохладный и влажный морской ветер. Голубой прозрачный небосвод заволакивали тучи. С гор спускался туман, подбираясь к глинобитным лачугам; даже округлая гора ртутной руды куталась в пелену тумана. Воды тогда хватало на всех, и никто не покупал ее.

Случалось, что когда Максильо проходил в такой день по улицам городка со своим кувшином на голове, выкрикивая: «Агуа, агуа фриа!»* — прежние покупатели, приподымая тростниковые жалюзи, отпускали по его адресу бранные слова.

— Осел! Вода льет ему на голову, а он еще бегаёт за ней к горному ручью. Дурень...

Но Максильо не обращал внимания на такие слова. За свою короткую жизнь он слышался столько ругани и издевок, что они не выводили его больше из равновесия. На эту презрительную брань он умел отвечать не менее презрительно:

— Сеньорита, вы очень остроумны. Но я все же посоветовал бы вам не пить этот приторный дождевой сок из вашей грязной каменной колоды.

Или же:

— Сеньора, на ваше нежное высокородство ключевая вода может подействовать плохо.

Но колкие ответы мальчугана ничуть не озлобляли людей. В летний зной, когда под заборами засыхали даже кактусы, эти же горожане просили:

— Максилито, маленький Максилито, принеси нам кувшин воды!

Со звоном подпрыгивала на уличных камнях блестящая серебряная монетка. Максильо подбирал ее и отправлялся за водой.

* Вода, вода холодная!

Ложбину, отделявшую город от ближайшего горного кряжа, перескала узкая, покрытая щебнем тропинка. Высоко вверху виднелись зеленые вершины двух-трех пробковых дубов, лишайники, стелющиеся по камням, и свисающие с огромной скалы лозы дикого винограда. Там с журчанием переливалась вода горного ключа.

Камни раскалялись на солнцепеке. Полузасохший лишайник колол босые ноги Максильо. Чтобы, падая, не разбить кувшин, Максильо снимал его с головы и бережно обхватывал рукой. Свободной рукой он цеплялся за кустарники или же опирался о скалы, когда скользкий щебень разъезжался у него под ногами. Так мучился он обычно не меньше часа, прежде чем достигал зеленых пробковых дубов, в тени которых прятался ключ.

Поставив кувшин на берегу, Максильо растягивался на мшистой спине большого камня, лежавшего у ручья подобно громадной зеленоватой черепахе. В разреженной тени пробковых дубов он дремал, пока не проходила усталость. Тогда мальчуган очищал свою одежду от острых колючек и стирал кровь, сочившуюся из ссадин, покрывавших его ноги.

Только его пятки щебень уже не мог порезать, потому что они стали твердыми, как кора пробкового дуба.

Максильо любил сидеть на камне и вглядываться в прозрачную воду ручья. В ней, как в зеркале, отражались его курчавая голова, черные глаза на темнокоричневом лице и широкие плечи. Посредине ручья лениво кружились желтые песчинки, беспрестанно подталкиваемые невидимой струей, вытекающей из узкой расщелины скалы.

Мальчуган часто задумывался над тем, откуда берется эта холодная струя. Как-то он попробовал завалить расщелину скалы камнями. Труд пропал зря: вода пробилась сквозь булыжники, и на дне ручья, перегоняя друг дружку, снова задвигались желтые песчинки.

Отдохнув, Максильо набирал в кувшин прозрачной студеной воды, осторожно поднимал его и начинал спускаться по горной тропинке. Он проделывал это так ловко, что не проливал ни одной капли. Иногда вместе с ним к ручью ходили и другие ребята, но все они уступали ему в ловкости и выносливости. Максильо всегда первым добирался до ручья и первым возвращался в город.

Хижина, в которой жил Максильо, примостилась на самом краю городка, с южной его стороны. Она была серой и небольшой и напоминала издали каменную глыбу на склоне горы. Через отверстие, заменявшее окно и завешенное пестрой тряпкой,

летом проникал энной, а в период дождей просачивались струи воды. В одном углу хижины, отгороженном от остального пространства, помещалась белая коза, а в другом стояли плита, лохань для стирки белья, на глиняном полу были разостланы потрепанные мешки, на которых спали.

Мать Максильо была прачкой. По утрам, взяв большую тростниковую корзину, она обходила улицы городка. Возвращалась она с корзиной, полной грязного белья.

Иной раз она приносила в узелке для Максильо несколько апельсинов, арбуз или гроздь винограда.

— На, Максильо, это дала мне сеньора Дриго. Отведи козу на горку, а потом снеси в дом Дриго кувшина два воды.

Максильо любил мать и помогал ей, чем только мог. Когда она собиралась идти стирать белье, а Максильо — к ручью, сын всегда протягивал матери пустой кувшин и предлагал:

— Давай-ка мне твою корзину с бельем! Я донесу ее тебе до бассейна.

Бассейн находился за городом. Он был сложен из красного кирпича. Серая шиферная крыша и зеленые листья вьющегося винограда защищали прачек от солнечных лучей. На горячем песке и накаленных камнях сушилось разостланное белье. Вода в бассейне была иссиня-беловатой и густой, как козье молоко.

— Максильо, — шутили говорили мальчугану прачки, — если б ты отнес алкаду один только кувшин этой водички, он бы наверняка подарил тебе осла. Ты бы не ходил в горы пешком.

— А если б вы не стирали его рубаш, его сожрали бы блохи, и все его сады и белый дом достались бы вам! — отвечал Максильо, направляясь с кувшином в горы.

— Ишь, до чего остер на язык, — посмеивались женщины, продолжая тереть белье на покато́м краю бассейна.

Однажды в городе поднялась большая суматоха. Женщины и дети с плачем бежали к руднику. Сторож у входа сиделся.

— Налетели, как саранча! Что, впервые, что ли, обвал в шахте? Глашатай алкада сообщит потом о погибших.

Но женщины и дети не унимались.

— Падре*! — плакала маленькая девочка, уцепившись за юбку старухи.

* Падре — отец.

— Скажите, где мой сын? — кричала женщина, и слезы, сверкая, лились из ее глаз.

Максильо ходил за водой в горы. На обратном пути он издали разглядел толпу, бегущую к рудничным воротам. Максильо сразу же почувствовал, что произошла беда. Отец давно еще рассказывал о несчастном случае в шахте, когда ему повредило ногу. Сейчас этот рассказ ожил в памяти Максильо. Ему показалось, что он видит все собственными глазами. Он оступился и упал. Глиняный кувшин ударился о скалу и разлетелся на мелкие черепки. Холодная вода обдала ноги мальчика и тут же ушла в пересохшую землю.

— Разбит... — прошептал Максильо. Он дотронулся рукой до коричневых черепков.

— Разбит!

Затем он перевел глаза на рудничные стрессия, возле которых толпились люди, и побежал. Острый щебень резал ему подошвы, колючки вонзались в кожу. Несколько раз он падал, подымался и снова бежал.

Добежав до дому, он порывистым движением откинул тростниковую плетснку, висевшую над входом, и крикнул:

— Мама! Мама! В руднике...

Но дома никого не было. Только раскаленные угли глядели на него из плиты да в другом углу хижины отозвалась коза, обгрызавшая зеленые корки арбуза.

Максильо круто повернулся и бросился к руднику. У самых ворот на каменной скамье, сгорбившись, сидела его мать. Глаза ее были красны, словно она долго смотрела на яркое августовское солнце.

— Мама, где падре? — спросил Максильо, нежно глядя худые руки матери, ставшие жесткими и белыми от воды.

— Беда, сынок, — всхлипывая, ответила мать. — Но падре непременно вернется... Как же иначе?.. Без него мы тут умрем с голоду.

Она поднялась, взяла Максильо за руку, и они медленно пошли к дому.

За целый день мать не проронила ни слова. На душе у Максильо тоже было тяжело. Он присел у плиты, положил на угли сеточку и насыпал на нее желудей. Когда жолуди побурели, он снял их и стал остужать, перебрасывая с ладони на ладонь. Отколупнув пальцами шелуху, он нехотя принялся есть поджаренные жолуди.

Пламя в плите погасало. Последние огоньки блеснули в золе. Максильо поднялся.

— Мама, я отведу козу на горку.

— Ладно, Максильо, только не очень задерживайся. Может быть, придет отец... А если не придет... — И мать снова начала плакать.

Максильо отвел козу в горы. Животное стало спокойно обгладывать кустарники, а Максильо уселся на камень и сжал руками голову.

Внизу под палящими лучами солнца лежал городок. Возле рудничных ворот все еще стояла толпа. Максильо отыскал глазами свою хибарку. Из дверей вышла мать, закутанная в черный платок, с бельевой корзиной на голове. Еле передвигая ноги, она пошла по улице, по направлению к дому сеньора Дриго.

«Мать нуждается в поддержке, — думал Максильо. — Буду ей помогать, как помогал отец».

Максильо встал, кликнул козу и неторопливо зашагал вдоль склона горы. По ту сторону, за глубокой ложбиной, раскинулись необозримые виноградники и оливковые сады. Они принадлежали алкаду, сеньору Дриго. Там виднелись пестро одетые сборщики винограда, а в тени оливковых деревьев, отмахиваясь хвостами от мух, стояли ослы, тяжело навьюченные спелыми гроздьями.

«Поблизости никого нет, — подумал Максильо. — Спустишься я в виноградник и соберу улиток на ужин».

— А ты, — сказал он, оборачиваясь к козе, — не проказничай и спокойно объедай себе кустарники.

Максильо спустился по склону горы. Он долго и безуспешно искал на виноградных лозах улиток.

«Поздно, — решил мальчуган. — Они попрятались от солнца. Ну, да ничего, обойдусь без них, лучше нарву желудей». И он с ловкостью белки забрался на ветвистую верхушку дуба. С солнечной стороны жолуди были уже большие, как орехи, и красновато-коричневые. Максильо набрал полные карманы и начал спускаться.

Вдруг раздался оглушительный выстрел. Мальчуган почувствовал сильную боль в колене. Руки его разжались, и он свалился на землю.

Подняв голову, Максильо увидел перед собой Педро, сына сеньора Дриго. В руках Педро держал ружье. Злая охотничья собака стояла рядом с ним.

— Бродяга! Мало того, что ты виноград ворует, ты еще полез на деревья моего отца за желудями! — кричал Педро, угрожающе потрясая ружьем.

Максильо с трудом поднялся и, превозмогая боль, стал карабкаться в гору к своей козе.

— Кто бы мог подумать, что из этого малыша-водоноса получится такой здоровенный парень! — часто удивлялся друг отца Максильо, Пако Алканиз. — Глядите-ка — работает, как заправский рудокоп. Не угнишься за ним.

— И вправду замечательный парень, — поддакивал старший шахтер Хуан Перес. — И каким стал умницей! Газету читает не хуже учителя. Да, не будь здесь Максильо, жили бы, как в потемках, не знали бы, что происходит на белом свете!

— Свет-то светом, а вот почему никто не видит того, что делается у нас под носом? — сердито проворчал Роберто Кихондэ, работавший на откатке вагонеток. — Говорят, что в доме у Дриго творятся темные дела. Педро не показывается даже на виноградниках. Объезжает окрестные города и вербует себе сообщников.

Рудокопы переглянулись.

Морщинистое лицо Пако Алканиза словно окаменело.

В этот же день, когда рудокопы закончили работу, Пако Алканиз отделился от группы своих товарищей и взял под руку Максильо.

— На воздухе сегодня так хорошо, Максильо.. Я провожу тебя.

— Но, Пако, лучше я тебя провожу. У меня ведь ноги помоложе.

— Нет, Максильо, пойдем к тебе. Мне надо поговорить с тобой.

— Поговорить? — удивился Максильо. — Ну, пойдем, мать будет рада. Она все никак не может оправиться после смерти отца.

— Я тоже постоянно думаю об этом. Причины тогдашнего взрыва в шахте мне до сих пор не ясны. Разное говорят. Но поди докажи, что кто-нибудь причастен к этому делу, когда судьи жиреют от поросятины и сладких вин сеньора Дриго. Однако поговаривают совершенно определенно, что незадолго до взрыва в шахту, где произошел обвал, спускался Педро со своими друзьями... Если бы ты мог помнить, какое это было время, тебе стало бы понятно. Как раз тогда пала диктатура Примо де Ривера. Приверженцы его рассвирепели, как стая гончих псов Дриго. А твой отец пользовался среди нас особенной любовью и уважением...

Максильо вздрогнул. Тень прошла по его лицу. Ему показалось, что он опять почувствовал боль в ноге от застрявших дробинок.

— Пако Алканиз, и ты утверждаешь, что...

— Ничего я не утверждаю, утверждать можно только тог-

да, когда есть доказательства. Но думаю, что правда окажется на нашей стороне.

Курчавая голова Максильо ушла в плечи, словно кто-то взвалил на него тяжелую ношу.

В молчании переступили Максильо и Алканиз порог хижины и сели у плиты. Мать поднесла им кусок пшеничного хлеба, соленые маслины и кожаную бутылку с кислым вином. Мужчины ели молча и глядели на угли.

— Максильо! — заговорил первым Пако. — Откатчик вагонов Роберто рассказывал нынче, что Педро Дриго разъезжает по окрестным городишкам и собирает пистольерос *.

— Пистольерос? — удивленно переспросил Максильо и приложил ладонь ко лбу.

— Да, пистольерос. Надо полагать, что этот сукин сын Дриго — враг республики. После того как мы провалили его на выборах, от него можно ждать чего угодно. И если этим молодчикам не удастся теперь пробраться незамеченными в шахты, они могут выкинуть какой-нибудь другой номер. Вот о чем я хотел поговорить с тобой, Максильо.

Старый рудокopf обращался к своему шестнадцатилетнему товарищу по работе так, будто между ними не существовало никакой разницы в возрасте. Он положил руку на плечо Максильо и сказал:

— Теперь я пойду. Домашние, верно, заждались меня. Не забудь только о том, что я тебе рассказал. Ты самый молодой из нас, у тебя давние счеты с Педро. Может быть, ты лучше кого другого смог бы выяснить, в чем тут дело, чтоб мы знали, как себя вести.

Проводив Пако, Максильо присел на прохладную каменную скамью у входа в хибарку.

Был один из чудеснейших июльских вечеров, какие бывают только на юге Испании. Глубокие долины покрыла мгла, скалистые вершины гор поблескивали в закатных лучах солнца. Багряно-желтый край небосвода на западе постепенно угасал, а с востока, испещренная множеством звезд, тянулась над землей лиловая полоса.

Через несколько секунд померкло и последнее сияние заката. Над скалами то белым, то красным, то зеленым и синим светом загоралась вечерняя звезда. Кругом стало немного светлее, и все предметы отбросили расплывчатые, едва заметные для глаза тени.

Затем внезапно в серебряно-синем небе появился легкий золотистый отсвет. Звезды побледнели, а выступы скал начали

* Пистольерос — вооруженные бандиты.

загораться, как бы от зарева далекого пожара. По изогнутым горным хребтам заскользили изменчивые пятна.

Огромным пылающим шаром всплыла над оливковыми ро-щами луна. Освобождаясь от синей пелены, застилавшей край небосвода, она становилась все ярче и ярче. Величественная симфония красок кончилась. Стало настолько светло, что можно было ясно различить верхушки пробковых дубов и мшистую каменную глыбу над горным ручьем.

Максильо все еще сидел, погруженный в думы. Он часто сиживал здесь еще в детстве, когда был жив отец. Да, тогда он продавал воду и потихоньку искал улиток в виноградниках. А теперь он уже шестой год работает на руднике.

«Педро! Проклятый Педро!» — думал Максильо.

Кругом было так тихо, что на улице слышен был звон песчинок, которые легко подымало горячее дыхание земли. Но вдруг ночную тишину нарушили чьи-то быстрые шаги.

Из переулка выбежала собака. Максильо вздрогнул, на мгновение перестал дышать. Собака понюхала воздух и соскочила в ложбину. Следом за ней торопливо двигались пять темных силуэтов.

Максильо ощупал свои алпаргатос*. Они были плотно привязаны к ногам. Рука его скользнула в карман рабочей одежды, пальцы почувствовали холодное лезвие ножа.

Какая-то безотчетная сила подняла Максильо. Он стал тихо подвигаться к ложбине и вскоре слился с ее тенью.

Таинственные незнакомцы уже достигали противоположного края ложбины, освещенного луной. По извилистой тропинке они подымались к горному ручью. Максильо был знаком здесь каждый куст, каждый камень.

Дойдя до пробковых дубов над ручьем, темные фигуры внезапно исчезли.

«Что привело их сюда в такой поздний час? Чего они здесь ищут?» — недоумевал Максильо.

Он залег в лишайниках, метрах в двухстах от ручья. Из-за мшистого камня долетали обрывки разговора, однако Максильо не мог разобрать слов. Он хотел придвинуться ближе, но боялся, что его заметят.

Вдруг он вздрогнул. Из-под пробковых дубов выбежала собака и, обнюхивая землю, направилась прямо к нему. Максильо нытнулся глубже в лишайник.

Втягивая в себя воздух, собака подошла совсем близко. Максильо приготовился к броску. В последнюю минуту в ночной тишине раздался резкий, круто оборвавшийся свист. Собака подняла голову, оглянулась и побежала к хозяину.

* Алпаргатос — обувь на веревочной подошве.

Максильо отер холодный пот со лба. Если б собака выдала его, он бы не узнал, зачем пришли сюда эти люди.

«А может быть, они вышли на охоту? Может быть, и тайны-то никакой нет? — думал Максильо. — Нет, это не так!»

Он уперся локтями в землю, чтобы шипы не кололи ему ладоней, и подполз ближе к ручью. Но в тот момент, когда он начал различать слова, на берегу ручья зашуршала галька, и таинственные незнакомцы вышли из-под пробковых дубов. Они двинулись дальше, в горы. Максильо напился ключевой воды и, попрежнему крадучись, последовал за ними.

Это был долгий и трудный путь. Если бы Максильо сотни раз, с козой на веревке или с кувшином на голове, не ходил раньше по этой извилистой горной тропинке, он наверняка не смог бы поспеть за этими полуночниками.

Наконец, после двухчасового путешествия, они достигли неглубокой лощины. Шесть лет тому назад Максильо пригонял сюда козу. В конце лощины находились старые шиферные копи. Говорили, что хозяин их надеялся найти под толстыми слоями шифера ценную свинцовую руду. Но руда не была найдена, предприниматель обанкротился, а копи разрушились от времени. Уже несколько десятков лет ложбину эту посещали одни только пастухи с отарами овец и коз.

У входа в шиферные копи незнакомцы остановились. Они обступили большую глыбу, которой был завален вход, и сдвинули ее с места. На землю упало несколько пластинок шифера. Падая, они зазвенели. Вспугнутая шумом лисичка выбежала из кустов и помчалась в горы. Собака бросилась за ней.

— Так. Проход свободен, — сказал один из незнакомцев. — Ты, Педро, посвети нам.

Блеснул луч карманного фонарика, и темные тени вошли в шахту. Тяжелые шаги стихли в отдаленье. Сердце Максильо сильно билось.

— Это он, Педро, — проговорил Максильо сквозь зубы и в несколько прыжков очутился у входа. Он осторожно проскользнул в темноту шахты. Здесь было тихо. Только из глубины подземелья долетали звуки шагов и время от времени слышались неясные голоса.

Максильо ждал. Спустя несколько минут из-за скал выскочила собака и подбежала прямо ко входу в шахту. Максильо затаил дыхание, потом, внезапно бросившись вперед, обеими руками схватил собаку за горло. Собака повалилась на спину и, брыкаясь задними ногами, делала отчаянные попытки освободиться. Но железные пальцы Максильо все крепче и крепче сжимали ее горло. Тело животного ослабело, судорожно задрожало и вытянулось. Бросив труп собаки в кусты, Максильо снова вошел в шахту.

Далеко, в самом конце прохода, за черными глыбами шифера блестел луч электрического фонарика. Со сводов капала грязная вода. Максильо с большими предосторожностями продвигался вперед. Кругом валялись звонкие пластинки шифера. Каждый шаг мог его выдать.

Главный проход заканчивался круглым помещением, от которого во все стороны расходились темные коридоры. Посреди него возвышалось что-то накрытое зеленым брезентом. В свете электрического фонарика Максильо ясно различил худошавое лицо Педро, черные пряди волос, выбивающиеся из-под берега, и узкие усики над губой.

— Так вот, господа, — сказал Педро, сдергивая брезент. — Здесь наше оружие и боеприпасы. Позже мы получим все это в достаточном количестве из Италии и Германии. У республиканцев оружия нет, но зато у них много приверженцев. Поэтому в первые же дни надо будет уничтожить всех, кто вздумает оказать нам сопротивление. Самым крепким орешком для нас в Алмадэне будут рудокопы. Я слышал, Алканиз и Максильо пронюхали насчет взрыва в шахте... Этот народ может разорвать нас в клочья, как ящерицы змею. Завтра ночью мы раздадим оружие. По радиосигналу «Надо всей Испанией безоблачное небо!» выступать немедленно. Республика должна пасть, чтобы нам, сеньорам, жилось попрежнему. Арриба, Испания! Поднимайся, Испания! — хриплым возгласом заключил свою короткую речь Педро и снова накрыл ящики зеленым брезентом.

С величайшей осторожностью Максильо пустился в обратный путь и спрятался за скалой. Заговорщики вышли из копей, завалили вход шиферной глыбой и на минуту остановились передохнуть. В темноте прозвучал тоекратный свист.

— Что за чертовщина, куда делась Морэна? — злился Педро.

— Гоняет лисиц по горам, — предположил другой заговорщик. — А может, вернулась по нашим следам домой.

— Нет, такую штуку она откалывает впервые. погоди же, дома я тебя проучу, век не забудешь, как оставлять хозяина.

— Пошли, Педро, собака найдется, — сказал третий, и все двинулись вниз по той же тропинке, которая привела их сюда.

Максильо был вне себя. Стало быть, он, Алканиз и другие его товарищи-рудокопы приговорены к смерти!.. И все только ради того, чтобы эти сеньоры могли жить беспечно и тянуть соки из народа! Так же хладнокровно решили они шесть лет тому назад судьбу его отца...

«Убийцы, убийцы! — думал Максильо. — Но на этот раз ваши планы рухнут! Максильо-водонос вырос, и у него много-много друзей, больше, чем у тебя, проклятый Педро!»

Он по пятам следовал за заговорщиками. Были минуты, когда ему казалось, что необходимо их опередить, поскорей сообщить товарищам о том, что удалось разведать. Сердце бешено колотилось в груди, во рту у него пересохло. Но он старался подавить волнение, говоря самому себе:

— Это было бы неверным шагом, так я не должен поступать.

Когда заговорщики напились воды из горного ручья и, тихо переговариваясь, отправились дальше, в голову Максильо пришла одна мысль...

Чтоб освежить себя, он намочил волосы в холодной струе ручья, потом напился и подошел к зеленоватой каменной глыбе, знакомой ему с детства. Сколько раз он отдыхал на ней! Похожий на черепаху камень все лежал на старом месте, массивный и грозный. Максильо уперся плечом в замшелый бок камня и, напрягая все силы, попытался сдвинуть его. Глыба не шелохнулась. Казалось, она выросла в землю.

Максильо готов был отчаяться. Он обошел камень кругом и осмотрел со стороны долины. Глыбу задерживал выступ земли, нависшей над крутым скатом.

Максильо действовал быстро. Острым куском кремня он подрыл землю, подошел к глыбе со стороны ручья и снова налег на нее изо всех сил, пытаясь ее раскатать. Раз, еще раз, еще... Камень подался, затем начал накреняться и — покатился вниз. Он увлекал за собой тысячи камней, отбивал куски от скал. С горы понеслась целая каменная лавина.

Гора содрогнулась. Далеко-далеко в скалах отозвалось тысячекратное эхо. Казалось, что тишину летней ночи разорвала внезапная гроза. Кверху взлетело огромное облако пыли, затем в глубокой темноте долины все снова стихло.

В городе зажигались огни. Навстречу попадались встревоженные прохожие. Максильо, задыхаясь, бежал к домику Алканиза. Он ухватился за старое медное кольцо и стал колотить им в дверь. Но Алканиз был уже на ногах. Его тоже разбудил грохот в горах.

— Что такое, Максильо? Рассказывай, что случилось!

Силы оставили Максильо. Он упал бы, если б Алканиз не подхватил его. Старый рудокоп смотрел на изодранную в клочья одежду юноши, на его в кровь исцарапанные шипами руки.

— Максильо, мальчик мой, говори же, рассказывай...

Глоток прохладного вина оживил Максильо.

— Пако, нам нужно действовать решительно, — заключил он, подробно рассказав о своих ночных приключениях. — Педро и его спутников уже нет в живых. Все они погребены под кам-

нями в долине. Но сеньор Дриго знает обо всем не хуже Педро. Оружие надо перехватить этой ночью.

Пако поцеловал юношу в лоб, и губы старого рудокопа дрогнули, когда он сказал:

— Пойдем, Максильо!..

Минут десять спустя на колях завывала сирена, а наутро по улицам города шли вооруженные рабочие патрули с красными повязками на рукавах. И когда их спрашивали: «Кто ваш командир?», они с гордостью отвечали:

— Максильо...

МАЛЕНЬКИЙ ПРОДАВЕЦ ВИНА

Т о, о чем я хочу написать, не сказка, не вымысел, а подлинное происшествие. Поэтому я постараюсь рассказывать без прикрас, слово в слово, так, как сам слышал об этом от очевидца, испанского крестьянина из селения Монтеалегре.

В последних числах июля 1936 года из поселка Монтеалегре выехал большой обоз. Он состоял из десяти двухколесных фургонов, нагружен-

ных огромными бочками с вином.

По испанскому обычаю в каждый фургон были впряжены четыре мула и один осел. Таким образом, на десять фургонов приходилось сорок мулов и десять ослов. По правде говоря, осел чересчур умен для того, чтобы тащить фургон, когда тут же за ним следуют мулы. Об этой ослиной сообразительности знают все испанские крестьяне. И если осел и до сих пор впрягают в одну упряжку с мулами, то вовсе не ради того, чтобы они помогали тащить тяжелые фургоны, а чтобы они, шествуя впереди, вели за собой всю упряжку. Крестьяне в Испании ездят без вожжей и, когда нужно свернуть, просто выкрикивают: «Направо! Налево! Прямо!» — и лопоухая скотинка выполняет эту команду лучше, чем солдаты генерала Франко.

Обоз направлялся в Альбазет*. Крестьяне везли на

* Альбазет — город в Центральной Испании.

продажу перебродивший виноградный сок прошлогоднего урожая.

В одном из фургонов, двигавшемся в самой середине обоза, сидел мальчуган, сын крестьянина Адольфо Феррера. Звали его Хуанито.

Отец Хуанито чувствовал себя плохо и потому остался дома. Четыре года, проведенные им в сырых подвалах Чинчильской крепости, подточили его здоровье.

Чинчильская крепость издали напоминает гнездо хищной птицы. Она находится недалеко от Альбазета, на скалистой вершине горы. В подвалах ее были замучены сотни народных героев — борцов за свободу Испании. И только когда республиканцы пришли к власти, открылись ворота мрачного подземелья. Среди тех, кого освободили тогда, был и отец Хуанито, Адольфо Феррера.

Годы заключения не прошли для него бесследно. Он часто кашлял и порой ездил к врачу, в соседний городок Альмансу. Если отец брался за какую-нибудь спешную работу, Хуанито говорил:

— Давай-ка, я сделаю это не хуже тебя.

— Ладно, — соглашался отец, тихонько поглаживая черные волосы Хуанито. — Ты у меня становишься прилежным расторопным парнем.

И сегодня, когда крестьяне из селения Монтеалегре нагружали фургоны, Хуанито сказал:

— Незачем тебе ездить, отец, вино повезу я. Пока ты был в крепости, я не раз возил вино в город. Ты вполне можешь на меня положиться.

— Поезжай, Хуанито, поезжай, сынок! Я останусь дома. Ноги что-то ломят... Да и дни такие беспокойные... Того и гляди, грянет гром...

— Гром? Ты шутишь, отец! До дождей еще далеко...

— Ах ты, несмышленыш! — рассмеялся отец, запрягая мулов. — Да разве ты не слыхал, что бывает гром среди ясного неба?

— Ни разу еще не слыхал, — ответил Хуанито, взбираясь на бочку с вином. — Ну, отец, до свиданья! Надеюсь, молния не ударит в нашу бочку...

— Прямо! Направо!.. — послышались громкие выкрики, и двухколесные фургоны, доверху нагруженные винными бочками, выкатились на улицу. Хуанито присоединился к остальным возчикам, и обоз медленно тронулся в путь.

Было душно и жарко. Ртутный столбик термометра поднялся выше сорока градусов. Среди пересохших долин и серых гор зеленели, как оазисы в пустыне, виноградные поля и чахлые оливковые рощи.

У колодцев, на солнцепек, вращая большие колеса водокачек, лениво топтались ослы. Прохладные струи воды текли, сверкая, по каменным желобам и дальше, по зигзагообразным канавкам, извивающимся между грядками земляных орехов, помидоров и огурцов.

Дорога была ухабистая и каменистая. Фургоны со скрипом переваливались из одной колеи в другую. Перед крутыми подъемами и спусками возницы прыгивали со своих бочек и подкручивали тормоза. Шевеля длинными ушами, ослы осторожно шагали впереди, выискивая более ровный путь.

— *A la degecho!* * — кричали крестьяне, и сейчас же обоз сворачивал вправо.

Когда длинный ряд фургонов достиг асфальтированного шоссе, которое ведет из Альмансы в Альбазет, возницы снова взобрались на бочки. Взрослые закурили свои трубки, а Хуанито, помахивая камышовой тростью, заменявшей ему кнут, запел:

Свобода! А-а-а!
А-а-а-а! А-а-а!

Это была песня, которой он научился у отца.

С давних пор по вечерам дома у них собирались односельчане. Они разговаривали, горячо спорили, а на прощанье обычно пели хорошие песни. Эта вот особенно глубоко запала в душу Хуанито. Может быть, потому, что она была очень проста и крестьяне пели ее чаще других.

Внезапно Хуанито оборвал пение.

— Эй, осел! — крикнул он. Повернув морду в сторону пшеничного поля, животное нюхало воздух и готово было остановиться.

— Живей, живей! — подогнал его паренек и, смягчая голос, снова запел:

Свобода! А-а-а!
А-а-а-а! А-а-а!
Свобода! А-а-а!
А-а-а-а! А-а-а!

Если спросит кто, что ценней всех благ,
Про свободу я пропою.
Если ей грозит ненавистный враг,
За нее жизнь отдам свою!

Свобода! А-а-а!
А-а-а-а! А-а-а!
Свобода! А-а-а!
А-а-а-а! А-а-а! Оле!

— Оле! — откликнулись другие возчики. «Оле! Оле!» — прозвучало эхо далеко, на Чинчильской возвышенности.

* Направо!

Асфальтированное шоссе, сверкавшее на солнце подобно серой реке, вилось по каменистым холмам, устремляясь в гору.

Хуанито перестал петь. Вон там, на горе, виднеются зубчатые верхушки башен, похожие на шлемы средневековых рыцарей. Слепыми решетчатыми окнами смотрит крепость на высохшие склоны гор. Шоссе, вырубленное в скалах, единственный путь, по которому можно здесь проехать. Окрестные жители рассказывают об этой крепости страшные истории. Здесь палачи подвергали нечеловеческим пыткам непокорных людей. Каждый камень крепости пропитан кровью. Путник торопит осла, чтобы скорей миновать это проклятое место.

Хуанито поник головой. В мрачных подземельях этой крепости четыре года томился его отец... Когда в дом к ним пришли жандармы с таинственными капюшонами на головах, они заковали отца в кандалы и стали над ним издеваться: «Посмотри на солнце, бунтарь! В чинчилских подвалах ты его не увидишь!»

Да, так было тогда. Но теперь Испанией правят республиканцы. Теперь никто уже не упрячет отца в тюрьму! Дома у отца есть винтовка, и пусть только кто-нибудь попробует его тронуть!

И Хуанито снова запел.

Поздно вечером вереница запыленных фургонов въехала в Альбазет. Путники остановились у станции, выпрягли мулов и ослов и отвели их к колодцу на водопой. Потом они вернулись, привязали животных к фургонам и засыпали им коричневых сладких стручков. Когда это было сделано, Хуанито пошел в город.

Была душная ночь. Камни мостовых и стены домов, раскалившиеся за день, обдавали зноем. В садах длинные листья пальм касались земли. На улицах было тихо. Только кое-где за камышовыми шторами слышались приглушенные разговоры. Внезапно тишину прорезали выстрелы, раздавшиеся одновременно во многих частях города. В воздух взвилась белая ракета, за ней — красная, из другого квартала. Ракеты описывали крутые дуги и, падая на землю, рассыпались мелкой цветной пылью.

В городе поднялась суматоха. По камням загремели шаги военного патруля. Треск выстрелов становился все громче. Хуанито со всех ног побежал к станции, где остались крестьяне из Монтеалегре. За его спиной кто-то закричал, послышались выстрелы. Мимо ушей Хуанито пронеслись свинцовые осы.

Но он не остановился. Он пришел в себя, только когда, задыхаясь, добрался до фургонов, под которыми спали его односельчане.

Хуанито растолкал их, взволнованно говоря:

— Скорее, скорее вставайте! В городе стрельба...

Крестьяне вскакивали, протирая глаза и прислушиваясь. Да, в городе и впрямь стреляли. Кое-где разрывались гранаты. Раздался артиллерийский залп. Земля дрогнула, и небо осветилось красноватым пламенем.

По улице бежала толпа вооруженных людей в синих рабочих костюмах. Они остановились возле станции. Один из них расставил часовых, а затем подошел к повозкам и сурово сказал:

— Ступайте на помощь! Вам, верно, хочется, чтобы фашисты перерезали горло всему испанскому народу!

— Ничего не понимаю, — пробормотал один из крестьян. — Мы из Монтеалегре, привезли сюда на продажу вино.

— Вино! — усмехнулся рабочий. — На улицах льется кровь, а они тут со своим вином! Республиканцы вы или враги республики?

— Жители Монтеалегре всегда были на стороне республиканцев, — заговорили наперебой односельчане Хуанито.

— Так ступайте же на помощь! Республика в опасности: фашисты вместе с проклятыми жандармами и офицерами приготовили нам кровавую баню. Они хотят уничтожить республику и снова поработить испанский народ. Помогите нам отстоять станцию!

Крестьяне поднялись и некоторое время стояли в нерешительности.

— У нас нет винтовок! — заметил, наконец, один старик.

— Винтовки получите, когда возьмем казармы, а пока берите камни и колья...

Люди разбились на группы и начали строить баррикады. Они сняли с фургонов винные бочки и загородили ими станционные входы. Хуанито без передышки выворачивал из мостовой камни и складывал их в кучи за винными бочками. Но неприятель не пошел на станцию. К утру в городе стало тихо. Шум от стрельбы еще слышался со стороны Чинчильской возвышенности, затем все стихло и там.

По улицам шагали вооруженные отряды рабочей гвардии. На станцию явился тот самый человек, который расставлял ночью часовых.

— Город в наших руках, — весело сообщил он. — Заговорщики отступили к Чинчильской возвышенности. Ночью мы взяли штурмом казармы, теперь у нас много оружия. Пойдемте!

Хуанито подпрыгнул от радости. Наконец-то они получают оружие и станут настоящими бойцами! Жаль, что нет здесь отца с его винтовкой...

— Винтовки мы возьмем, но здесь не останемся, — говорили крестьяне. — Мы должны отправляться домой. Может, в Монтеалегре ждут нашей помощи.

— Вы никуда не сможете уехать, — сказал боец рабочей гвардии. — Мы хотели доставить в Альмансу оружие и боеприпасы, но все проходы на Чинчилльской возвышенности охраняются фашистами. Они держатся и в старой крепости. Погодите несколько дней, пока мы не выкурим их оттуда.

— Дайте мне оружие! Я отвезу его, куда надо, — сказал мальчик, подходя к бойцу.

— Да у тебя еще молоко на губах не обсохло. Как это ты отвезешь? Изжарят они тебя живьем на вертеле, если поймают!

— А мы вложим винтовки и патроны в винную бочку, и я поеду тихонько, как ни в чем не бывало. Никто меня не задержит... Уверяю вас, никто и не догадается!

Боец задумался. Он поглядел в сверкающие глаза и полное решимости лицо мальчика.

— Смотрите, какой герой, — рассмеялся он и огрубелой ладонью ласково потрепал Хуанито по коричневой от загара щеке. — Как же тебя звать?

— Хуано Феррера. Мой отец — крестьянин из Монте-алегре.

— Что? Ты сын Адольфо Феррера? Мы четыре года пробыли вместе с твоим отцом в чинчилских подземельях! Ладно, пойдем со мной в штаб.

Через час Хуанито вернулся на станцию. Теперь он чувствовал себя по-настоящему взрослым. Вместе с крестьянами он наполнил все пустые флаги вином из самой большой бочки. Остатки вина потекли по мостовой. Бочку водрузили опять на фургон и запрягли мулов и осла. Гордо помахивая длинной камышовой тростью, Хуанито поехал к казармам.

Под вечер на шоссе, которое вело в сторону Чинчилльской крепости, выехал фургон, нагруженный большой винной бочкой. На бочке сидел мальчик. Он громко понукал мулов:

— Ну, ну! Живее, живее! Чего еще там? Ну, чего?..

Фургон миновал аванпосты республиканцев, расположившиеся позади серых гранитных блокаузов, и исчез за холмами.

Солнце скрылось за горизонтом, стало почти совершенно темно. Мальчик ехал, непрерывно покрикивая:

— Эй, осел! Живее, живее! Чего еще там?..

Круто подымавшаяся в гору дорога и скалы по бокам ее говорили о том, что крепость уже недалеко, но в темноте нельзя было ничего разглядеть. Впереди один за другим вспыхнули огоньки, слышались выстрелы. Мальчик слез с фургона и под прикрытием скалы пополз вдоль края дороги, продолжая понукать осла:

— Живее, живее!

— Стой! — раздался вдруг резкий окрик.

У Хуанито задрожали колени.

«Не выйдет!» — мелькнуло в голове. Он ловко выскочил на дорогу и остановил фургон.

— Кто там? — спросил все тот же голос.

— Запоздалый продавец вина с пустой бочкой, четырьмя мулами и одним ослом, — отозвался Хуанито.

Из темноты вынырнуло несколько вооруженных людей. Они подошли к фургону, осмотрели его и раскричались:

— Что ты шляешься тут в полночь по боевой зоне? Хочешь, чтоб тебя пристрелили?

— Если б я знал, что здесь боевая зона, я не поехал бы.

— Хоть бы вина привез нам, баранья голова! Разъезжает с пустой бочкой!

— Сеньор, — ответил Хуанито, — в темноте вы, наверное, не разглядели, что голова у меня на плечах такая же, как у вас. А вина я не привез потому, что не думал, что в такой поздний час встречу по дороге покупателей.

— Если ты не заткнешь глотку, мы положим тебе камней на кончик языка! Отвечай, где живешь и куда едешь.

— Живу я здесь неподалеку, в селении Виляр, — солгал мальчик. — Пропустите меня! Мулы мои проголодались, и отец уж, наверное, беспокоится...

— Ладно. А у твоего отца есть еще вино?

— Да, сеньор, замечательная малага и целый мешок жареного миндаля! Если вы разрешите мне ехать, утром я привезу.

— Тебе нельзя верить, паршивец! Один из нас поедет с тобой. А скажи-ка, отец твой — республиканец или фашист?

— Этого я не знаю, сеньор. Знаю только, что он крестьянин, — ответил мальчик.

— Значит, его надо повесить. Все испанские крестьяне за республику... Если твой отец не даст нам вина и миндаля, мы его повесим, так и знай! Соображаешь ли ты, дурацкий мешок мякины, что такое вино с миндалем, когда человек сутки не жрал ничего? — орал фалангист. — Полезай в фургон да поезжай как можешь быстрее. А ты, Анатолио, сядешь рядом с ним на бочку. Смотри у меня, если обещанное не будет здесь через два часа! Без заправки нам не выдержать завтрашнего пекла!

Хуанито взобрался на бочку, а следом за ним вскарабкался один из фалангистов. Мулы помчались под гору. Хуанито даже не пытался тормозить. Временами казалось, что фургон вот-вот налетит на скалу и ценный груз разобьется вдребезги.

— Осторожней! — кричал фалангист, сидевший за спиной Хуанито.

— Ничего, сеньор, не бойтесь, в моей упряжке хороший осел! — ответил мальчик.

Когда они спустились в долину, фургон покатился медленней. Хуанито достал из-за пазухи флягу с вином и угостил своего спутника.

— Это я приберег для вас, сеньор, чтоб вам не скучно было ехать.

Фалангист с жадностью схватил флягу, поднял ее высоко в воздух, сжал руками и стал, не торопясь, переливать вино себе в глотку. Когда фляга была опорожнена, он спросил:

— Далеко еще до селения, паренек?

— Да, сеньор, порядком.

— Тогда я немного вздремну. Не забудь разбудить меня, когда подъедем.

— Как прикажете, сеньор. Если я сам ничего не увижу в темноте, осел увидит, — заверил своего спутника Хуанито. — Другого такого умного осла не найти во всей Испании. Однажды он оборвал веревку у колодца и с завязанными глазами дошел до дому. При этом ревел, как сумасшедший. Каждый раз, как он приближается к дому, он непременно ревет...

Фалангист ничего не ответил. Он храпел, вцепившись в бечевки, которыми была обвязана бочка.

Хуанито проехал еще немного, ловко соскочил с бочки и отыскал на дне фургона длинную веревку. Пропустив ее крест-накрест под фургоном, он вскарабкался наверх и осторожно перекинул оба конца через руки и ноги спящего. Затем он остановил мулов, связал концы веревки, просунул в узел свою камышовую трость и стал скручивать веревку. Наконец она так сильно стянула ноги и руки фалангиста, что тот проснулся и поднял крик:

— Что ты делаешь, негодяй проклятый?

— Сеньор, — ответил Хуанито, — я привязал вас к бочке, чтоб вы не свалились во сне. А теперь давайте сюда автомат и не кричите: тут недалеко республиканцы.

Фалангист притих. Хуанито влез наверх и потрогал путы. Они были достаточно крепки. Потом он снял с шеи фалангиста автомат, перекинул его через плечо и воскликнул:

— Эй, осел, живее! Только бы нам не опоздать! Ты все же самый умный из всех ослов на свете!

Фалангист попробовал освободиться. Он начал перегрызать веревку зубами.

— Если ты будешь грызть веревку, я угощу тебя свинцовым миндалем из твоего же автомата, — пригрозил ему Хуанито.

В Альмансе на баррикадах было тихо: республиканцы берегли каждый патрон, каждую горстку пороха. Только со стороны осажденного монастыря слышались выстрелы. Одетые в

черное божьи слуги вместо библий и крестов вооружились винтовками. Они стреляли из монастырских окон в женщин и детей.

Вождь местных республиканцев Адольфо Феррера прохаживался вдоль баррикад. Он был встревожен: уже пятерых человек отправили в Альбазет за подмогой, но ни один из них еще не вернулся. Винтовок было мало, и боеприпасы подходили к концу.

Феррера остановился возле баррикады, пересекавшей шоссе, и стал вглядываться в утреннюю зарю, только еще разговашуюся.

«Если помощь не подоспеет, придется уйти в горы, — думал он. — Другого выхода нет».

— Товарищ командир, кто-то едет по дороге, — прошептал дозорный с охотничьим ружьем в руках. — Приложите-ка ухо к асфальту...

Нет, теперь уже поздно было прикладывать ухо к асфальту! В утренней тишине все отчетливей грохотали колеса и стучали копыта мулов. По дороге ехал фургон.

— Зарядить винтовки! — скомандовал Феррера. Сам он лег с краю дороги и прицелился.

— Кажется, их много, — доложил дозорный.

— Внимание! — скомандовал Феррера. — Огонь пока не открывать.

Странные путешественники подъезжали все ближе и ближе. И вдруг в утреннем тумане зазвучала песня:

Свобода! А-а-а!

Феррера вскочил и замер, прислушиваясь. Винтовка выпала у него из рук.

— Хуанито! — воскликнул он. — Это его голос!

Подобрав винтовку, Адольфо Феррера побежал по асфальтовому шоссе.

— Хуанито! Это мы, республиканцы! — кричал он на бегу.

Покрытый пылью Хуанито вылез из повозки. Автомат дрожал в его руках. Отец! Это и в самом деле был отец... А он-то боялся, что отца снова схватят враги!

Адольфо Феррера обнял сына и крепко прижал к груди.

— Так ты жив, Хуанито! Сынок мой, ты жив!

— Не только жив и здоров, но и привез вам кое-чего, — мальчик с гордостью показал на фургон. — Я привез вам одного мерзавца, сто винтовок и боеприпасы. Сбейте обручи с бочки! Разделим оружие и будем готовиться к наступлению. Надо занять Чинчильскую крепость и горные проходы. Это поручили мне передать вам альбазетские республиканцы. К вечеру они тоже пойдут в наступление. Сигнал — красная ракета.

Когда над развалинами альманского дворца поднялся медный солнечный диск, монастырь был уже в руках республиканцев. В полдень из города вышли бойцы республиканской армии. Они направились к Чинчильской возвышенности и в сумерках достигли холма, на котором укрепились заговорщики. Республиканцы притаились в скалах.

— Отдохни пока, отец, — сказал Хуанито. — Как только я увижу красную ракету, я разбужу тебя. Это будет здорово! Враги никак не подозревают, что я привез им такую уйму свинцовых миндалин!

СЛУГА ГОСПОДЕНЬ

тром 18 июля 1936 года, узнав о мятеже, поднятом фашистами против Испанской республики, священник Сан Хуана, Чамора, приказал своей служанке Каталине принести из подвала самое выдержанное церковное вино. Падре Чамора с большим удовольствием откупоривал потускневшую от сырости бутылку. Наполнив два бокала, он торжественно поднял один из них.

— Да поможет нам пресвятая дева Мария! — воскликнул он и поднес бокал к губам. — Выпей, милая Каталина. Это благодатный напиток.

Каталина, никогда не перечившая своему хозяину, повиновалась и на этот раз. Пишную гостиную, где из золоченых рам со всех стен глядели невинные глаза святой Марии, огласил радостный звон хрусталя. Пауки забегали по пыльной паутине, растянутой в темноватых углах.

— Пусть небо дарует нам победу, — сказала Каталина, следя восторженным взглядом за движениями хозяина, откупоривавшего следующую бутылку.

— Выпей, милая, еще бокал и кликни звонаря. Я хочу совершить богослужение.

Каталина побежала за звонарем. Падре Чамора осушал уже третью бутылку, когда служанка вернулась, ведя звонаря за руку.

— Падре, — зашептала она, — подумайте только, этот грешник не хотел исполнить ваше приказание.

Чамора величественно поднялся, простер руки вперед и, стараясь произносить слова как можно раздельней, сказал:

— Сын мой, что я слышу! Ты не хотел исполнить моего приказания?! Сейчас же подымись на колокольню и задай такого трезвону, какого еще никто никогда не слышал. Я намерен совершить богослужение в честь нового порядка, устанавливающегося в Испании. Помолимся, чтоб господь-бог дал силы генералу Франко. Иди, сын мой, и не прекословь, если хочешь попасть в рай после смерти.

Звонарь мял огрубевшими руками широкополую черную шляпу и оторыл было рот, желая возразить. Но падре Чамора предупредил его:

— Ни слова! Я вижу, что ты питаешь греховные мысли. Ступай и звони, чтобы весь приход собрался скорей в церкви.

— Сеньор, я не стану звонить, — выговорил, наконец, звонарь. — Я никогда больше не буду звонить. Мои пальцы одеревятели от проклятых веревок... Прощайте, святой отец. Наш приход штурмует сейчас казармы, в которых укрылись мятежники. Вы не хотите помочь нам, сеньор?

— Прочь, нечестивец! — воскликнул падре. — Я сам соберу сейчас всех в церковь. Кто не придет на богослужение, того покарает праведный суд господень!

Звонарь повернулся и ушел. Проводив его гневным взглядом, падре Чамора выпил последний глоток вина и хладнокровно сказал:

— Милая Каталина, принеси пистолет. Чувствую, что одним только словом божьим нынче не обойтись.

Чамора надел сутану, положил в карман пистолет и озабоченно погладил свой бритый подбородок.

— Так. Теперь я могу идти молиться. Пресвятая дева Мария, — тихо сказал он, складывая руки и глядя на богоматерь, — прости, если твой верный слуга отправит сегодня на тот свет кого-нибудь из прихожан... И благослови тех, кто поднял нынче оружие против республиканцев, не боящихся больше ни господ, ни господ.

Молодцеватой, но несколько нетвердой походкой святой пастырь вышел из своего дома и направился в сторону церкви. По пятам за ним следовала преданная и покорная Каталина, которая несла связку звенящих ключей.

Заскрипел замок. Церковная дверь отворилась.

Впервые в жизни падре начал подыматься по крутой лестнице на колокольню. Каталина, как верная тень, не отставала от него ни на шаг.

Оба они тяжело дышали. Вороны и грачи стаями снимались с колокольни и кружились над их головами. Летучие мыши отрывались от стен и, как одержимые, ударялись о тяжелую кров-

лю. Падре Чамора вел счет ступеням. Со лба его градом катил-ся пот.

Наконец он достиг верхней площадки колокольни, где с по-зеленевших медных колоколов, перепутываясь, свисали веревки. От казарм доносилась стрельба. Как раз в этот момент группа вооруженных рабочих взламывала массивные ворота.

Чамора перевел дух, посмотрел вниз на толпу осаждающих, осенил себя крестным знаменем и начал раскачивать языки больших колоколов.

— Господи, помоги нам, ибо они не ведают, что творят!

Каталина последовала примеру своего хозяина: она начала дергать за веревки малые колокола.

Динь-дон! Динь-дон! — разнеслось по всему селению.

Удивленные люди глядели в сторону церкви и не понимали, в чем дело. Все, кто мог держать оружие в руках, отправились штурмовать казармы. Дома оставались только дети да старики. Некоторые из них поспешили на необычное богослужение. Кто знает, может быть, падре вздумал помолиться за республику и ее защитников? Но, войдя в церковь и увидев разъяренного священника, только что спустившегося с колокольни, они поняли, что ошиблись. Часть прихожан вернулась домой, остальные ре-шили послушать проповедь падре Чамора.

Падре взял молитвенник и начал говорить. Проклятья и самые страшные угрозы слетали с его уст. Вечное горенье в аду сулил он всем тем, кто станет защищать республику и противиться генералу Франко. Церковь постепенно пустела. В конце концов под ее сумрачными сводами остались только двое: сам священник и его верная служанка.

Вдруг все селение потряс сильнейший взрыв. Падре подбежал к окну. Казармы были окутаны облаком пыли. Когда оно рассеялось, стало видно, как толпа народа хлынула внутрь через пробоину в дубовых воротах. Падре в ужасе закрыл руками глаза. Он опомнился только тогда, когда под окнами церкви послышался шум. Это шли прихожане с оружием в руках. Впереди с поднятой над головой винтовкой шагал звонарь.

Стволom пистолета падре выбил оконное стекло, прицелился и выстрелил. Звонарь сделал несколько шагов и упал. Спутники его остановились в недоумении, озираясь кругом.

Подбежав к падре, Каталина забормотала:

— Так ему и надо! Пусть они знают, что бог не оставит без наказания ни одного непокорного. Это их научит понимать гнев господень!

Падре не нуждался в поощрении. Он снова просунул пистолет в окно, прицелился и выстрелил. Рядом со звонарем на пыльную дорогу упал еще один человек. Остальные спрятались за кипарисами и открыли огонь по церкви.

Чамора отпрянул от окна, подбежал к алтарю и сбросил на пол статую святой деви Марии. Потом он разодрал библию, прижимая ногой к каменным плитам пожелтевшие от времени листы. Сложив все в кучу, падре вынул из кармана спички и поднес к сухой бумаге маленький огонек.

— Что рот разинула! — закричал он на служанку. — Лучше помоги мне! Пусть думают, что республиканцы подожгли божий храм. И вот увидишь: все верные католики возмутятся!

Каталина минуту раздумывала, потом уцепилась обеими руками за верх дубового распятия и изо всей силы потянула к себе.

Костер разгорался. Дым заполнил высокое помещение. Языки пламени жадно лизали священные предметы и пожирали их один за другим.

Под прикрытием дыма падре Чамора и Каталина выскользнули из церкви. В тот момент, когда верная служанка святого отца закрывала церковную дверь, за ее спиной раздался выстрел, и она мягко опустилась на землю. Чамора тревожно огляделся, спрятал оружие и пробурчал себе под нос:

— С богом, милая Каталина! Больше я не нуждаюсь в твоей помощи.

...Падре Чамора, крадучись, шел вдоль каменного забора к лесу. В сумерках он добрался до одного из больших монастырей и присоединился к вооруженным монахам. Ночью они ворвались в ближайшее селение и напали на защитников республики.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Небольшая гостиница «L'Espagne»*, находившаяся на одной из самых узких улиц Старого города в Марселе, была битком набита приезжими. Вряд ли когда-нибудь этот дом со ржавыми балкончиками у продолговатых, похожих на двери окон, с плоской крышей, где можно было сушить белье, видел в своих давно не беленых стенах такое разнообразие лиц. По скрипучим ступеням деревянной ле-

стницы сновали вверх и вниз люди, говорившие чуть ли не на всех языках мира.

Нелегко приходилось в этой толчее владельцу гостиницы — Пабло Ариасу. Помимо своего родного испанского языка и французского, на котором он изъяснялся довольно бойко, он должен был прибегать еще и к языку жестов. Впрочем, как истый южанин, Пабло владел этим языком в совершенстве. Его движения были так ловки и точны, мимика так богата, что собеседнику все сразу становилось понятно. Вскоре Пабло Ариас так привык к этому способу общения, что даже и не спрашивал у вновь прибывшего гостя, на каком языке тот говорит.

По правде сказать, ничего другого и не оставалось. Поди угадай, откуда приехали эти широколицые молодые люди, с голубыми глазами и волосами светлее, чем золото. Или, например,

* L'Espagne — Испания.

эти неразговорчивые мужчины с обветренными лицами, — кто знает, где их родина. К тому же не у всех были в карманах документы, а если и были, то они редко вносили в это дело ясность.

Однажды к Пабло Ариасу явился молодой человек в темных роговых очках. Он просил предоставить ему комнату. Пабло взял для прописки поданный ему паспорт, раскрыл его и от изумления хлопнул в ладоши. С фотографии, приклеенной к паспорту, глядел на него очкастый мужчина лет сорока, с проседью и длинной косматой бородой. Никакого сходства у молодого человека с этой фотографией, за исключением очков, не было. Несмотря на это, владелец паспорта пытался на ломаном французском языке уверить, что это он... он сам.

Пабло движением руки ответил с несколько иронической улыбкой, что это для него совсем неважно: все, мол, и так в порядке. Желая окончательно успокоить своего гостя, он тут же передал ему ключ от комнаты. При этом Пабло поднял кверху обе руки с растопыренными пальцами. Это означало — комната номер десять. Новый постоялец, сердце которого сильно билось, стал подниматься по скрипучим ступеням на второй этаж. А Пабло все еще посмеивался, держа паспорт в руках:

— Пытаются меня обмануть... Какое мне до них дело? Что я, жандарм?

Он внимательно прочел все, что было написано в документе. Юноша в очках значился иностранцем, студентом из Праги.

Минут через десять после этого инцидента в парадную дверь гостиницы вошел еще один приезжий — высокий негр в светлосерой летней одежде. Подойдя к конторке, он спросил на чистейшем испанском языке:

— Могу я видеть Пабло Ариаса?

Пабло с удивлением оглядел незнакомца, его красивое лицо со сверкающими белками глаз, иссиня-черные вьющиеся волосы. На улицах Марсея не редкостью было встретить чернокожего. Обычно это были кочегары судов, стоявших в порту. Многие негры сами заходили в гостиницу. Но никто из них не говорил так правильно по-испански.

— Это я, — наконец выговорил хозяин гостиницы. — А с кем имею честь?..

— Джек Диксон, — произнес, поклонившись, пришелец. — Меня направил к вам Комитет помощи Испании. Могу я получить здесь комнату?

— Вы тоже... в Испанию? — совсем тихо спросил Пабло.

Негр утвердительно кивнул головой и подал документы.

— Филиппины! — словно не веря своим глазам, воскликнул Пабло Ариас. — Наверное, с острова Лусона?

— Почему же именно с Лусона? — сказал Джек Диксон, и продолговатое лицо его расплылось в улыбке. — Филиппинский архипелаг состоит из семи тысяч восьмидесяти трех островов.

— И все они когда-то принадлежали Испании!

— Да, а теперь Америке. Но не все ли равно? Все империалистические хищники одинаковы. Малайцы хотят свободы и независимости.

— Ну, конечно, — оправдываясь, вставил Пабло. — Все народы хотят свободы и независимости. Испанцы тоже. Но вы-то — малаец?

— О, да! Теперь — да! Ваши предки увезли моих предков из Африки и продали их в рабство на сахарные плантации. Сам я, да и мой отец и мать родились на Филиппинах. Это моя родина.

— Понима-аю... — протянул Пабло Ариас; по тону его можно было заключить, что разговор на эту тему ему не очень приятен. — Наш народ причинил вам много зла.

— Не народ, а его угнетатели. Вы это имели в виду?

— Совершенно верно, — согласился Пабло. — Поговорим о вашем устройстве. Я помещу вас в десятую комнату. В ней уже расположился один чех. Пражский студент. Комната неплохая, только солнца не будет.

— Ничего, обойдемся! — Диксон провел ладонью по своему темному лицу. — Надеюсь, за несколько дней загар с меня не сойдет. А в республиканской Испании солнца, говорят, хоть отбавляй!

Оба рассмеялись.

Джек уже подымался наверх, когда Ариас окликнул его:

— Послушайте! Если вас на улице задержат жандармы, скажите, что документы здесь, у меня в гостинице «L'Espagne». Да, совсем забыл, скажите об этом и вашему товарищу по комнате.

Роберт Силмалис перекинул через плечо полотенце, взял дорожную мыльницу и собрался было пойти искать умывальник — освежиться с дороги. Он все еще не мог прийти в себя после разговора с хозяином гостиницы. Почему так странно смотрел на него этот старик-испанец? Конечно, здесь была виновата фотография! Но что поделасшь? Пражские студенты-коммунисты, снабдившие его этим паспортом, посоветовали ему отпустить бороду и купить роговые очки. Очки-то он купил, а вот с бородой было труднее.

«Ладно, — подумал он. — Бороды у меня нет, но ведь это не значит, что ее не было и раньше? Разве я обязан носить ее всю»

жизнь? Каждый поступает, как ему заблагорассудится: отпускает бороду или бреет...»

Стук в дверь встревожил его. Кто бы это мог быть? Может быть, хозяин передумал и предложит ему сейчас же покинуть гостиницу? А может быть, уже... жандармы?

Он осторожно подошел к двери и приоткрыл ее. С порога ему улыбалось темное приветливое лицо с глубокими ямочками на щеках. Глаза негра были полны такого добродушия, что у Силмалиса сразу отлегло от сердца.

— Прошу, прошу, заходите, пожалуйста! Что вам угодно?

— Джек Диксон. Ваш товарищ по комнате. Не побеспокоил вас?

— Нет, совсем даже нет! Заходите, пожалуйста! — Силмалис старался как можно точнее выговаривать трудные французские слова.

— Может быть, лучше будет говорить по-русски? — неожиданно предложил гость.

— О, конечно!

— Хорошо, — сказал по-русски Диксон. — Мы будем говорить с вами на языке Пушкина, Горького, Маяковского, на языке Ленина и Сталина...

Он держал себя так, словно они с Силмалисом знали друг друга сто лет.

— Мне сказали, что вы чех, — продолжал он.

— Чех? — рассмеялся Роберт Силмалис. — Неправда. То-есть... я латыш, рижанин. Слышали про такой город — Рига?

— Да. Это был один из промышленных центров России.

— Сейчас в Риге за одно это слово сажают в тюрьму. Вы ведь знаете о так называемом санитарном кордоне...

— О, да! — перебил Роберта Джек. — Англичане и американцы создали этот кордон вокруг Советского Союза, чтоб убереечь от большевизма. Понасажали в Латвии, Эстонии, Литве на государственные посты марионеток и двигают ими. — Джек звонко рассмеялся и вдруг замолчал, сразу став серьезным.

— А старик внизу, верно, спятил с ума, — тихо сказал он, прикладывая палец к губам. — Он утверждает, что вы из Праги.

— Видите ли, не так-то легко было выехать из Латвии, — словно оправдываясь, заговорил Роберт. — Надо было найти благовидный предлог для этого. Сынки богачей обычно едут учиться за границу. И вот я надумал однажды: написал заявление с просьбой разрешить мне выехать в Чехословакию. Цель — продолжать образование. Материальная база — богатый дядюшка в Праге. Прошло дня три — получаю заграничный паспорт с пометкой: «Имсет право въезда во все западноевропейские страны, за исключением Испании». Но на самой границе пас-

порт у меня отобрали, пришлось вернуться обратно. У них были сведения, что я собираюсь ехать в Испанию. Через месяц я перешел границу нелегально. Пробрался в Чехословакию и там, в Праге, стал чехом, вот с такой, — Роберт приложил руку к груди, — бородой. Ничего не поделаешь! Документ был нужен.

— Понимаю, товарищ. Теперь мне все ясно.

Пока Роберт умывался, Джек устраивался в номере. Потом оба спустились вниз.

Обширное помещение буфета было полно постояльцев, собиравшихся обедать. Несколько болгар, сидя за круглым мраморным столиком, медленно потягивали вино и громко разговаривали. У соседнего столика румыны и венгры, размахивая руками, пытались кое-как объясниться друг с другом. Группа французских и английских рабочих, уткнувшись в карту, изучала положение на фронтах республиканской Испании.

Вдруг все разговоры оборвались. На середину помещения вышел человек с газетой в руках.

— Товарищи, — начал он тихо, — в борьбе против испанских фашистов пал любимый командир Интернациональной бригады генерал Лукач, — под этим именем сражался на фронте в республиканской Испании известный венгерский писатель Матэ Залка.

Все поднялись и застыли в молчании. Когда человек с газетой подал знак садиться, его окружили венгры: они хотели своими глазами увидеть напечатанное сообщение, удостовериться в горестной утрате.

Роберт и Джек сели за маленький столик рядом со стойкой. Джек попросил у венгерских товарищей газету и долго всматривался в фотографию погибшего писателя.

Устав с дороги, они легли рано, но заснуть не могли. Стояло полное безветрие. Трудно было дышать. Комар, залетевший неведомо откуда, жужжал над ухом. Наконец Джек, приподнявшись на локте, сказал:

— Роберт, давай заберемся на крышу. Я еще днем обратил внимание — крыша плоская, на ней сушат белье. Возьмем с собой матрацы — и айда!

Роберту пришла по душе эта мысль.

— Ладно, пошли, иначе не заснем...

Вскоре они уже лежали на крыше гостиницы. Но и тут им не спалось. Отсюда виднелось море. Где-то далеко, за синей чертой горизонта, была Испания. Туда лежал их путь, туда неслись их думы и чувства. Как бы скорей оказать помощь гордому и героическому народу, который, почти безоружный,

боролся с вооруженным до зубов противником! Их охватило дыхание этой величественной борьбы, оно не давало им покоя и гнало сон. Так они и поворачивались с боку на бок, пока на востоке не занялась заря.

На третий день к вечеру в марсельском порту поднял якорь пароход «Мадрид». За исключением команды на палубе не было ни одной живой души. На гафеле развевался красно-золотисто-фиолетовый республиканский флаг.

Спуск в трюм был прикрыт вылинявшим от дождя и солнца брезентом. Время от времени брезент приподымался, и оттуда один за другим выглядывали разные люди. Все они бросали задумчивый взгляд на юго-запад, наполняли свои легкие свежим морским воздухом и снова скрывались в трюме. Никому, кроме капитана и штурмана, не было известно, в какой именно гавани бросит якорь пароход, но все знали, что он направляется к берегам Испании.

В трюмах, обычно загруженных рудой, тюками и ящиками, во всех трех этажах, снизу доверху, разместились люди. Здесь можно было найти почти всех обитателей гостиницы «L'Esperance».

В эту ночь никто не спал. Временами слышалось тихое пение. На палубу не выходили, чтоб не привлечь внимания немецких и итальянских подводных лодок. По решению заседавшего в Лондоне Комитета по невмешательству, они «контролировали» воды у берегов Испании и часто производили пиратские нападения на торговые суда республиканцев.

В среднем этаже трюма, недалеко от трапа, который вел на палубу, сидел Роберт Силмалис со своим чернокожим другом. После знакомства в гостинице они все время держались вместе.

У Джека Диксона, так же как у Роберта, было чего порассказать о своей жизни, про которую он говорил, что она была пестра, как спина тигра. С юных лет Джек принимал участие в революционном движении на Филиппинах. Его долго преследовали местные власти. Скрываясь от них, он вынужден был эмигрировать в Китай. Работая то портовым грузчиком, то в качестве судомойки в ресторанах, Джек Диксон ухитрялся учиться и, наконец, кончил университет; в то же время он активно участвовал в революционном движении Китая. После кантонского восстания он был арестован и приговорен к шести годам каторжных работ. С каторги Джеку удалось бежать. Он с большими трудностями пробирался в Индию. Вскоре и там его начинает преследовать полиция. Решив ехать в Испанию, чтобы включиться в борьбу против генерала Франко, Джек

Диксон тайком сел на первый попавшийся пароход и спустя некоторое время очутился в Марселе.

Затаив дыхание, слушал Роберт Силмалис своего друга. Он глядел в улыбающиеся глаза Джека и дивился про себя юношеской жизнерадостности этого человека, столько перенесшего в жизни.

Под самым потолком трюма, полного дыма от сигарет, бледно светилась лампочка. Воздух становился все тяжелее. Корпус корабля дрожал — это работали машины.

А за черной стальной стенкой бились о борта волны. Шум их напоминал о необъятном морском просторе и о свежести лета.

— Выйдем на воздух, — предложил Джек. — В этом новом ковчеге можно задохнуться.

У самого люка собралось много добровольцев. Одни сидели, прислонившись друг к другу спиной, и курили. Другие дремали лежа. Джек и Роберт протиснулись к выходу. В лицо им дохнул свежий морской ветер, в темном отверстии люка заблестели звезды...

Навстречу им, держась за толстый канат, натянутый вместо поручней, спускались те, кто уже побывал на палубе.

Выбравшись, наконец, наверх, Джек и Роберт присели под краем брезента. С Пиренеев дул прохладный ветер. Море колыбалось, черное, как тушь. Ударяясь о борта парохода, волны облаком брызг поднимались почти до палубы. В черных складках воды блестили отражения звезд. Они то ныряли в пучину, то искрами рассыпались на гребне волны. Роберт Силмалис, для которого это морское путешествие было первым в жизни, сидел молча, с увлечением вглядываясь в безбрежный простор.

Вдруг темноту южной ночи прорезал ослепительный голубовато-белый луч. Он скользнул вдоль палубы, от кормы до бака, поднялся по мачте и осветил развевающийся республиканский флаг. Потом светлое пятно, пробежав еще раз по палубе, остановилось на боку парохода, где белым было выведено: «Мадрид».

— Военное судно! — воскликнул Джек. — Наверное, итальянские или немецкие пираты.

С невидимого корабля начали подавать световые сигналы. В машинном отделении прекратился стук машин. Мощный винт в последний раз выбросил на поверхность моря вихрящуюся пену.

Джек наблюдал за сигналами и объяснял Роберту:

— Спрашивают, что за судно, куда идет.

Почувствовав внезапную остановку парохода, пассажиры притихли; никто не выходил на палубу, — появление лишних

людей могло помешать капитану благополучно выпутаться из создавшегося положения.

Переговоры скоро кончились. Ослепительный луч поднялся высоко к облакам, подвигался взад и вперед и вдруг исчез. На «Мадриде» снова заработали машины, острый нос парохода начал раздвигать волны.

— Французское военное судно: патрулирует между Марселем и Алжиром, — сказал один из матросов. — Проверили и разрешили следовать дальше.

Джек и Роберт глубоко вдохнули в себя воздух. Им, как и всем, показалось, что легче стало дышать.

— Переспим под брезентом, — предложил Джек. — В трюме слишком душно.

— Ладно, останемся здесь, — ответил Роберт. — Но спать я не буду. Хочется увидеть берега Испании...

Едва забрезжил рассвет, как «Мадрид» резко изменил курс, повернув к западу.

— На Барселону, — пояснил проходивший мимо матрос. — Через час будем в наших водах. Можно будет всем выйти на палубу и поглядеть на Испанию.

Испания!.. Это слово, точно электрическая искра, пробежало по всему помещению трюма. Дремавший под брезентом Джек Диксон поднял голову.

— Испания?

— Еще только через час, — сказал Роберт.

— Через час? — Джек вытянул руку и взглянул на часы. — Брр! Ночь холодновата.

— Уже утро! — рассмеялся Роберт. — Смотри, вон солнце восходит.

Из зеленых волн, покрытых пеной, подымался красный светящийся диск. Он делался все круглее и больше. Пена на гребнях стала яркокрасной, а тени от волн отливали то зеленым, то фиолетовым. Красно-золотисто-фиолетовый флаг на гафеле развернулся на свежем утреннем ветру и полыхал, как беспокойное пламя.

На пароходе чувствовалось оживление. Прислушиваясь к обрывкам песен, долетавшим из трюма, Роберт обводил взглядом бескрайнее Средиземное море.

Наконец на западе, у самого горизонта, над острыми гребнями волн он увидел едва различимую темносинюю черту — окутанный мглой берег Испании.словно сказочная затонувшая страна медленно поднималась из морской пучины, все выше и выше... От синей черты понемногу стали отделяться зигзагообразные контуры гор.

К люку подошел капитан. Отбрасывая край брезента, он сказал:

— Находимся в республиканских водах. Можете выходить на палубу.

Радостный гул голосов ответил ему. По крутому трапу один за другим стали подниматься добровольцы. Они собирались кучками на палубе и смотрели на запад, где все яснее и яснее было видно побережье и зубчатые вершины гор. Вскоре можно было уже различить белые пятна домов, похожие на ракушки, выброшенные на берег волнами. Они росли, и высокие шпили башен выступали из синеватой дымки. И вот открылся припавший к самому морю большой город.

— Барселона! — тихо сказал Роберт, и матрос, стоявший рядом, утвердительно кивнул головой.

Судно медленно входило в залив. На набережной, на обвитом лаврами пьедестале, гордо возвышалась фигура Колумба. Протягивая руку в сторону моря, он как бы приветствовал судно с республиканским флагом на мачте, смело скользившее навстречу своей цели.

Торжественное настроение добровольцев внезапно вылилось в звуки гимна, знакомые всем народам мира, всем борцам за свободу и за лучшее будущее:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем!..

Никто не заметил, как из морских глубин, с той стороны, где поднималось солнце, вынырнул перископ подводной лодки. Подобно огромной акуле, оставляя за собой белый пенистый след, к судну понеслась торпеда. Буравя волны, она быстро приближалась к борту «Мадрида». Раздался оглушительный взрыв. Несколько человек перелетели через фальшборт и упали в пенящуюся воду. Пароход наклонился набок и стал тонуть.

Через несколько минут от берега отошли сторожевые катеры. Одни пустились преследовать вражескую подводную лодку, другие спешили на помощь тонущему судну.

Хладнокровно подавая команду, капитан размещал людей по спасательным лодкам. Бак «Мадрида» уже заливало водой. Настало время всем оставить судно. Роберт и Джек одни из последних бросились в волны.

Когда Роберт вынырнул на поверхность, над водой торчали одни мачты. Скоро скрылись и они. На том месте, где затонуло судно, образовалась огромная воронка, которая постепенно заполнялась водой. Волны ревели, сталкиваясь друг с другом. Тех, кто не успел отплыть на достаточное расстояние, затягивал водоворот.

Самолеты, прилетевшие с побережья, сбрасывали глубинные бомбы там, где предполагали найти вражескую подводную лодку. Роберт прислушался: вокруг шумели волны, вдали рвались бомбы. И вдруг совсем близко он услышал прерванный мотив «Интернационала».

Джек большими сажонками плыл к берегу и пел.

Еще один человек оказался рядом с Робертом. Сверкающими глазами смотрел этот пловец на берег, но внезапно у него перехватило дыхание, он крикнул и стал погружаться в волны. Роберт бросился на помощь к нему. Он почувствовал, что холодные пальцы тонущего вцепились в него и тянут вглубь с такой силой, что он не в состоянии противиться. Мелкие пузырьки скользнули вверх по его лицу, а сам он все глубже опускался в зеленоватую прохладную воду.

Он был уже без сознания, когда другие крепкие руки подхватили его...

Когда Роберт пришел в себя, он лежал на берегу, рядом с товарищами, которых удалось спасти. Первое, что он увидел, была радостная улыбка Джека.

— Мы в Барселоне... в Испании, — сказал Джек. — Приложи руку к земле. Вон какая теплая!

Роберт вяло прикоснулся своей холодной ладонью к нагретому солнцем песку. Теплота земли оживила его. Жмурясь от яркого солнечного света, он приподнялся и обнял своего друга.

— Спасибо, Джек! И в бою тоже... будем держаться вместе.

— Решено!

Море искрилось. У самого берега покачивались ставшие на якорь катеры. Воздух дрожал от гула моторов — это возвращались самолеты, преследовавшие вражескую подводную лодку.

Измученная кровавыми боями Испания встречала добровольцев.

дна за другой в город въезжали автомашины. Они останавливались на базарной площади. Однако густой пыли поднималось над крышами маленького городка. Как только шум моторов долетал до парикмахерской, брадобреи бросали своих клиентов и все до единого выскакивали за дверь. С бритвами и ремнями в руках они восторженно приветствовали прибывших и задерживались на улице так долго,

что на подбородках у покинутых клиентов успевала высохнуть мыльная пена. Тогда они возвращались, снова брались за работу и через некоторое время выбегали опять. Это продолжалось до тех пор, пока шоферы, наполнив водой радиаторы, не заводили машины и не отправлялись в дальнейший путь.

Но когда колонна трогалась с места, тут не могли усидеть в своих креслах и посетители парикмахерской. Они тоже выбегали на улицу и, поднимая сжатые кулаки, кричали: «Да здравствует народная армия! Смерть франкистам! Они не пройдут!»

Бойцы республиканской армии, подняв в воздух винтовки, запевали любимую песню защитников Мадрида:

Но пасаран! Но пасаран!

* Не пройдут!

В такие минуты всеобщего воодушевления маленький Пепе не в силах был аккуратно исполнять свои обязанности. Он забывал вымыть мыльницы и подмести пол парикмахерской, за что не раз уже получал от мастера нагоняй. И все же Пепе не мог поступать иначе.

Едва успевала въехать в город какая-нибудь воинская часть, он снова исчезал и возвращался только тогда, когда последняя машина, гудя, скрывалась за домами. Встречая и провожая республиканцев, Пепе всякий раз вспоминал своего отца, который ушел на фронт в самом начале войны.

Однажды утром, как только мальчик по обыкновению явился в парикмахерскую и начал наводить порядок, мастер подошел к нему и сказал:

— Пепе, завтра не приходи на работу. Мы все уезжаем на фронт. Мадрид в опасности...

Впервые он заговорил с Пепе, как со взрослым, и мальчик сразу забыл все прежние обиды. С уважением глядя на мастера, он принялся настойчиво упрашивать его:

— Ну, что мне тут делать одному? Возьмите меня с собой на фронт! Я буду там брить вам бороды. Вам ведь некогда будет заниматься этим, вам придется драться с фашистами.

— Нет, дорогой мой мальчик. Тебе еще нужно подрасти. Вот если когда-нибудь нашей родине снова будет угрожать опасность, тогда и ты встанешь на ее защиту. Прощай, Пепе, ты был славным пареньком. Не поминай меня лихом за то, что я иногда бранил тебя!

Он приподнял Пепе над полом и крепко поцеловал. Эта ласка человека, часто обращавшегося с ним сурово, тронула мальчика до слез. Но ему стыдно было показать свою слабость, и, вырвавшись из объятий, он выбежал на улицу. Вечером, когда все, кто уходил на фронт, собрались с вещами на площади, Пепе принес пару дынь из своего сада и, протягивая их мастеру, сказал:

— Возьмите. В дороге вам захочется пить.

— Спасибо, милый. Ты тоже пойдешь проводить нас?

— О, конечно!

Пепе присоединился к толпе провожавших. Он помогал мастеру нести вещевой мешок и чувствовал себя так, будто за один этот день сделался старше лет на десять. Разговаривая, он тщательно обдумывал свои ответы и старался шагать в ногу со спутниками.

Далеко за городом, в горах, все стали прощаться. Уходившие надевали рюкзаки и двинулись дальше, по извилистому шоссе. Долго еще доносилось издали: «Но пасаран!..»

Когда в воздухе растаяли последние звуки песни, провожатые молча направились в город. Не тронулся с места один только

Пепе. Усевшись на камень на краю дороги, он глубоко задумался.

Солнце скрывалось за вершинами гор. Длинные тени, тянувшиеся над полями, становились все гуще и темнее и скоро покрыли все кругом. Наступила тишина. Только далеко в горах скрипели крестьянские повозки и тоскливо кричал мул. Внезапно где-то, почти у самого горизонта, что-то захлопотало, словно прокатился гром. Мальчик вздрогнул и настороженно прислушался. Ему еще не приходилось слышать орудийной пальбы, но он сразу сообразил, что это со стороны фронта... Странная дрожь, как ток, пробежала по всему его телу.

«Если бы сейчас в горах показался враг, — подумал мальчик, — что бы я мог сделать? Как бы я защитил мой город? У меня ведь нет ничего — ни винтовки, ни пушки...»

Пальба слышалась оттуда, куда ушел мастер, которого он любил сегодня всей душой, и куда ушли со своими котомками другие мужчины из их городка. Вдруг все они там погибли?

Мальчику стало страшно, как никогда в жизни. Он вскочил на ноги и пустился бежать по направлению к городу. Он весь вспотел, когда добежал до первых домов. Здесь, среди людей, уверенность снова вернулась к нему. Ему сделалось очень стыдно. Что сказали бы о нем отец и мастер, если бы видели, как он бежал, он, столько раз просивший их взять его на фронт...

— Чтобы этого больше не было! — говорил он себе. — Если бы все так трусили, враг давно бы справился с нами.

Уже совсем стемнело, когда он дошел до хибарки, стоявшей в конце маленького кривого переулка. Он тихо проскользнул в дверь и надеялся незаметно пробраться к своей постели. Но мать прислушалась и спросила:

— Где это ты так долго пропадал, Пепе?

— Я провожал бойцов, мама, и немного задержался.

— Ладно, поужинай скорей и ложись. На полке в кружке — козье молоко, в очаге — жолуди. Может быть, они еще не остыли. Пойдешь спать — заткни чем-нибудь окно. С гор тянет таким холодом.

— Хорошо, мама. Ты спи, я все сделаю. А когда республиканцы победят, мы купим стекло и застеклим наше окошко. Тогда дом у нас будет не хуже, чем дома богачей. Правда, мама?

— Что ты сказал? Стекло? Да ты весь в отца! Когда ты появился на свет, а в окно прямо на тебя подул ветер, твой отец сказал мне: «Не горюй, дождемся и мы лучших дней. Купим стекло, и наша хижина будет выглядеть, как настоящий дворец». Ну вот, ты вырос, он ушел на фронт, а стекла все нет и нет.

— Ты не веришь мне, мама? Разве я когда-нибудь лгал тебе? Пепе почувствовал себя обиженным и надулся. Мать тоже

замолчала, и мальчик слышал, как она тихо плакала, накрыв голову одеялом.

Пепе вынул из золы жолуди, разыскал молоко и принялся за еду. Поужинав, он занавесил окно рваной тряпкой и забрался в постель. Долго не мог он уснуть. А когда, наконец, стал погружаться в сон, ему показалось, что его родной город охвачен пламенем. В зареве пожара он увидел отца с винтовкой за плечами и с куском ослепительно яркого стекла в руках.

Первое время без работы Пепе чувствовал себя прекрасно. Можно было день-денской стоять на базарной площади, разглядывая проезжающие машины. Но скоро это ему прискучило. Машины, полные республиканцев, отправлявшихся на фронт, становились самым обычным явлением. Пепе начал подыскивать себе другое занятие. Он упросил рабочих брать его с собой на виноградники. Теперь целые дни проводил он за городом под палящими лучами солнца. Он срезал сочные гроздья, складывал их в корзины и относил на винодельческий завод.

Как-то раз, подымая свою тяжелую ношу, Пепе услышал доносившийся откуда-то гул. В небе показались самолеты. Они летели по направлению к городу. Все работавшие на винограднике встревоженно следили за полетом стальных птиц, ладонями загораживая глаза от солнца.

— Проклятые! — со злобой говорили мужчины. — Мало им фронта! Теперь летят убивать наших жен и детей.

Тяжелые бомбовозы сделали несколько кругов над городом и, снизившись, сбросили свой смертоносный груз. Раздались оглушительные взрывы. Гигантское красное облако заволокло здания и улицы.

Пепе побежал к городу вместе со всеми. Самолеты еще кружились над домами, поливая их пулеметным огнем. Под крыльями машин Пепе увидел черные кресты.

— Это немцы! — закричал один из бегущих. — Чего им надо от нас?

Добежав до своей хижины, Пепе увидел мать на камнях перед входом. Она была ранена. Белые стены дома были изуродованы осколками бомб, крыша в нескольких местах продырявлена.

Пепе бросился за помощью к соседям. Они впрягли в тележку осла и свезли мать в больницу, уже переполненную ранеными.

Никогда еще Пепе не чувствовал себя таким одиноким. Всю ночь напролет он ворочался на своей жесткой постели и не мог сомкнуть глаз.

«Что теперь делать?» — думал он.

Утром он отправился в горы, взобрался на самую высокую скалу и стал пристально всматриваться в ту сторону, где был

фронт. Горный хребет вдали был окутан голубоватой дымкой и почти сливался с небосводом. Несмотря на все старания, Пепе ничего не удалось разглядеть. Он только отчетливо слышал глухие раскаты. Орудийная стрельба показалась ему сегодня еще громче, чем в тот день, когда он провожал мастера. Мальчику стало ясно: враг приближается к его городу.

«Что сказал бы отец, если б узнал, что наш город занял враг? Нет, этого не должно случиться! Я пойду им на помощь!..»

Возвратясь домой, Пепе уложил в сумку бритвы, мыльницу и помазок, сунул в карман кусок черствого хлеба и пошел в больницу прощаться с матерью.

Вначале мать была так поражена решением сына, что не сразу нашлась, что ответить. Но потом, слабо пожав руку Пепе, она промолвила:

— Ты ведь еще так мал. Что ты будешь делать на фронте?

— Мама, если не смогу ничего другого, буду брить бороды. Ведь это получается у меня довольно хорошо.

— Брить бороды!.. — улыбнулась сквозь слезы мать. — Ну, ладно, я понимаю, что одному тебе тут немоготу. Ты только не уезжай далеко и не забывай меня. Попроси кого-нибудь написать мне весточку от тебя... Мне ведь так захочется знать, где ты. И приезжай навестить меня.

— Ну, конечно, мама, непременно приеду, как только можно будет. А когда кончится война, мы с отцом оба вернемся к тебе. До свиданья, мама!

— До скорого свиданья, сынок!

Пепе поцеловал мать и выбежал из больницы. Он добежал до шоссе и быстрыми большими шагами двинулся по той же дороге, по которой ушел его мастер и другие добровольцы.

Родной городок скоро исчез из виду. Маленький путешественник очутился в скалистых горах. Миновав темное сырое ущелье, он вышел на широкое плоскогорье, поросшее редкими раскидистыми дубами. В воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Полуденное солнце обжигало землю своими палящими лучами. Сквозь веревочные подошвы Пепе ощущал раскаленную поверхность шоссе. Серовато-синий асфальт совершенно размяк и прилипал к подошвам. Местами он даже дымился на солнце, как разогретая черная грязь.

Гул орудий становился все слышнее. Порой можно было даже различить треск пулеметов. Пепе, не отдыхая, шел по незнакомой дороге. Наконец в долине за ближайшей горой блеснули рельсы.

В тени высоких тополей показалась небольшая станция, к которой только что подошел поезд. Паровоз выбрасывал клубы ды-

ма. Из вагонов выходили солдаты, а с открытых платформ прямо на рельсы сгружалось множество автомашин.

Мальчика мучила жажда, и он свернул на станцию, чтобы напиться. У бака с водой уже толпились приезжие. Все они говорили между собой на каком-то странном языке. Пепе остановился. Его поразила не только непонятная речь, но и необычайный вид этих людей. У некоторых были совсем светлые волосы и такие голубые глаза, каких он отроду еще не видел. Один из приезжих был, наоборот, совершенно черен, со вздернутым носом, толстыми губами, с угольно-черными блестящими волосами.

На всех была форма республиканской армии, что ободрило мальчика, внушив ему невольное доверие к незнакомцам.

С особенным любопытством Пепе разглядывал негра; когда тот напился и пошел к своей машине, мальчик последовал за ним. Заметив расширенные от удивления глаза мальчугана, боец поднял его на руки и спросил, немного коверкая испанские слова:

— Ну что, дружок, боишься меня?

Он засмеялся, широко раскрывая рот. Пепе увидел ослепительно белые зубы, ласковые глаза и понял, что бояться ему нечего... Он тоже рассмеялся и обвил руками шею черного человека.

— Ничуть не боюсь. А куда вы едете?

— На фронт, малыш. Ну, а ты куда?

— Тоже на фронт, — ответил Пепе.

Черный человек спустил мальчика на землю и снова принялся хохотать, еще веселей и раскатистей.

— Что, что? На фронт? — наконец выговорил он, давась от смеха. — Что же ты собираешься там делать?

Пепе почувствовал себя вдруг таким несчастным, как никогда. Он даже пожалел, что зашел на станцию. Лучше бы ему было пройти мимо, не замеченному никем, в ту сторону, откуда доносился грохот орудий. Тогда все получилось бы иначе. А сейчас эти чужие люди могут заставить его вернуться, и ему придется снова проделывать весь этот путь.

Пепе решил улизнуть. Он стал потихоньку отходить в сторону и вдруг сорвался с места и побежал, придерживая рукой сумку, чтобы не выпали бритвы.

Бойцы удивленно поглядели ему вслед. До Пепе донесся голос негра:

— погоди, мальчуган, куда же ты? Мы сейчас тоже поедem.

Пепе даже не оглянулся. Он мчался все вперед по шоссе, до тех пор, пока у него не закололо под ложечкой. Тогда он остановился, чтобы перевести дух, посмотрел назад и, убедившись в том, что никто за ним не гонится, присел немного отдохнуть и затем зашагал дальше.

После долгой ходьбы мальчик заметил, что сильно проголодался. Он расположился под дубами на краю придорожной канавы и принялся грызть захваченный с собой кусок хлеба. Только сейчас его охватила глубокая усталость. Он прилег на траву и сразу же уснул как убитый.

Ему приснилось, что он на фронте. Огромные машины с грохотом несутся прямо на него, а он не в силах ни побежать, ни крикнуть. Вокруг него собрались какие-то люди, они разговаривают, смеются. Пепе снова пытается закричать, но губы его точно скованы, он не может произнести ни слова. Вдруг ему сделалось очень легко. Он услышал громкие голоса. Мальчик раскрыл глаза, но то, что он увидел, показалось ему продолжением сна. На шоссе стояла целая вереница автомашин, а кругом были те самые люди, от которых он убежал несколько часов тому назад. Улыбаясь во весь рот, над мальчиком наклонился черный человек. Он тряс Пепе за плечо, шутливо говоря:

— Сбежал все-таки и нас не захотел подождать. Ну, вот мы тебя и поймали. Вставай скорей и полезай в кабину! Мы тебя покажем.

Он взял Пепе на руки и отнес к своей машине. Мальчик был так растерян, что даже не сопротивлялся.

Он пришел в себя, только когда черный человек уселся рядом с ним, включил мотор и они поехали. Теперь-то бежать было поздно.

Вначале Пепе думал, что его повезут обратно домой. Увидев, что машина направляется в сторону фронта, он успокоился. Ему стало стыдно, что он так вел себя. Ведь в тот вечер, когда он проводил своего мастера, он дал себе слово никогда, ни при каких обстоятельствах не обращаться в бегство.

Тяжелые размышления мальчика прервал его чернокожий спутник.

— Как тебя звать, малыш?

— Пепе.

— А меня — Джим. Я негр. Ты не боишься негров?

— Нет, больше не боюсь. А сначала немножко. Я думал, что вы заставите меня вернуться домой.

— Ладно, Пепе. Сейчас я не смог бы этого сделать, если б даже и захотел: времени нет. Еще сегодня, до ночи, мы должны попасть на фронт. Но если ты убежал из дому без спросу, нам все-таки придется тебя вернуть. Скажи правду: позволил тебе отец уйти на фронт?

— Отец мой сейчас не дома, — с гордостью ответил мальчик. — Он сражается на мадридском фронте. А мать ранена осколком от бомбы. Она в больнице. Она разрешила мне уехать. Я парикмахер. Если я не сумею воевать, я буду брить бойцам бороды.

Пепе вынул из сумки бритвенный прибор и протянул своему спутнику. Джим внимательно рассмотрел все принадлежности для бритья, покачал курчавой головой и сказал:

— Ты молодец! Скажи, не хочешь ли ты остаться у нас в Интернациональной бригаде?

— В Интернациональной бригаде? — с удивлением переспросил мальчик.

Ему часто приходилось слышать об этой бригаде. Все хорошо отзывались о бойцах, которые прибыли из чужих стран, чтобы защищать свободу испанского народа. Пепе многое слышал о них, но никогда еще не встречался с ними. И даже там, на станции, несколько часов тому назад, ему и в голову не пришло, что эти люди в форме солдат республиканской армии — бойцы Интернациональной бригады. Узнав об этом, он посмотрел на Джима с большим уважением. И сразу же решил про себя, что никогда не уйдет от этих людей.

— Хорошо, я останусь с вами, — сказал он вслух. — А вы откуда приехали?

— Я — из Америки.

— А почему здесь нет больше таких черных, как ты?

— Да все другие не негры. Большинство из них приехало сюда из европейских стран. Они оставили свои семьи и родной край, чтобы помочь вам отстоять Испанию, Пепе. Когда мы с тобой будем на фронте, мы отомстим тем, кто ранил твою мать.

С каждой минутой росло дружеское расположение мальчика к Джиму. Пепе твердо решил остаться с ним, пока республиканцы не победят. А потом он увезет Джима к своим родителям. Он хотел спросить негра, согласится ли тот поехать к ним, но неловко было так прямо заговорить об этом, и он решил сперва разузнать, что собирается Джим делать после войны.

— Джим, — с робостью начал он, — что ты думаешь делать, когда враг будет разбит? Останешься у нас в Испании?

— Нет, Пепе, я вернусь в Америку. Ведь и у нас есть угнетатели, с которыми приходится бороться так же, как здесь с генералом Франко. Вот когда народы во всем мире станут свободными, я приеду в гости к тебе. Будешь ждать меня, Пепе?

— Я никогда не забуду тебя, Джим! А когда я вырасту большой, я поеду тебе помогать. А у тебя есть мать и отец?

Пепе заглянул в глаза своего нового друга и увидел, как в них сразу исчезла улыбка. Мальчика встревожило, не сказал ли он чего лишнего, и он постарался загладить свою неловкость:

— Я думал... Ну, знаешь, что у тебя тоже...

— Не будем сейчас говорить об этом, — грустно сказал

Джим. — Вот приедем, и там, на досуге, я тебе кое-что расскажу.

Разговор больше не клеился. Напевая невеселую негритянскую песенку, Джим стал смотреть в окно кабины на синеватую ленту шоссе.

Наконец колонна автомашин свернула с дороги в степь и остановилась в тени дубов. Пепе и Джим вышли из кабины. Теперь, когда шум моторов стих, стало отчетливо слышно, как за соседней горой строчат пулеметы.

Минуту спустя горы словно застонали. Началась артиллерийская перестрелка. Воздух дрогнул и загремел, как бешеный горный поток. Содрогнулась и земля. В горах откликнулось эхо. Казалось, там рвалась сотня снарядов — один другого дальше, один тише другого. Когда эхо замерло, раздался новый залп — с противоположной стороны. Пепе втянул голову в плечи.

— Не бойся, — успокоил его Джим. — Это еще не в нас. Враг и не подозревает, что мы прибыли. Вот расставим орудия — тогда начнем и мы.

— Да я не боюсь, Джим. Я просто с непривычки.

— Ничего, привыкнешь. Воевать, конечно, несладко. Но раз враги угрожают жизни и свободе, не воевать с ними — преступление... Как ты думаешь, Пепе?

Мальчик кивнул головой.

Весь вечер артиллеристы трудились, чтобы укрепить огневые позиции. Они утрамбовали землю под дубами и на ровную гладкую площадку поставили пушки. Некоторые взобрались на деревья, рубили ветви, чтобы замаскировать ими орудия от вражеских самолетов. Пепе помогал везде, где только представлялась возможность. Он вскапывал землю, переносил срубленные ветви, а когда пушки были уже расставлены, принялся тряпкой сметать с них дорожную пыль.

Солнце спряталось за горы. Грохот битвы постепенно затих. Душный зной сменился вечерней прохладой.

Артиллеристы стали готовиться ко сну. Они прикрепили бечевками к колышкам небольшие брезентовые палатки, устлали твердую землю суховатой степной травой.

— Хватит, — сказал Джим, когда Пепе принес еще одну схапку. — Снизу мы подложим веток, так будет помягче. И давай разведем небольшой костер. Из-за гор его не будет видно. А то нас комары заедят.

Пепе набрал целый ворох сухих дубовых веток, и вскоре перед их палаткой ярко запылал костер. Друзья принялись за еду. После ужина Джим зажег папиросу, задумчиво выпустил изо рта синеватое кольцо дыма.

— Какие у вас тут замечательные ночи, Пепе!

— А разве на родине у тебя они не такие же?— спросил мальчик.

— У меня на родине?.. По правде сказать, родины-то у меня и нет.

— Как же так? Ты сам сказал мне, что приехал из Америки...

— Эх, Пепе, жаль, что ты еще так молод. Всего тебе не понять. Америка для негров скорей преисподняя, чем родной край. Мать мою там убили, как собирались убить твою. Правда, не бомбой, а камнями... на улице. И только за то, что кожа у нее такая же черная, как вот у меня.

— Значит, в Америке тоже есть фашисты?— удивленно спросил Пепе.

— Существует только одна страна в мире, где нет этих негодяев. Все народы живут там дружно, счастливо и свободно. Это прекрасная страна, Пепе, великая и могучая. Называется она — Советский Союз. Слышал ты что-нибудь о нем?

— Слышал. Отец часто рассказывал. Он говорил, что и мы в Испании когда-нибудь заживем так же хорошо. Как ты думаешь, будет это, Джим?

— Будет непременно. Только для этого нужна долгая, упорная борьба. Счастье надо завоевывать. Запомни это, малыш. Ты должен вырасти умным и мужественным. И тебе предстоит бороться за то, чтобы все люди были свободны и счастливы. Хочешь сделаться таким борцом, Пепе?

— Да, Джим, хочу!

Костер догорал, превращаясь в кучу углей, покрывавшихся серым пеплом. Темносинее небо было все в звездах, будто его окутывала прозрачная золотистая шелена. Время от времени над горами пролетал отрывистый сухой треск выстрела. Где-то близко в темноте расхаживал часовой. Джим опустил руку на плечо мальчика.

— Идем спать. Впереди у нас трудный день.

Они вошли в палатку. Пепе долго не мог заснуть. Он думал о Джиме, о его матери, которую забросали камнями в Америке, о прекрасной могучей стране, где все свободны и счастливы...

На рассвете его разбудил голос Джима:

— Вставай, малыш, выпей кофе. Через час нам надо занять наблюдательный пункт. Ты ведь пойдешь с нами в горы?

Пепе мигом вскочил и протер глаза. На дворе чуть брезжило утро. В воздухе едва вырисовывались густые кроны огромных дубов, замаскированные пушки, похожие на большие зеленые кусты, а над всем этим поднималась к небу исполинская горная цепь. За ней была линия фронта, — там еще все было тихо.

Утренняя прохлада ледяными пальцами касалась кожи под одеждой. Мальчик задрожал от холода. Это была первая ночь в его жизни, проведенная им вдали от дома. Сегодня ему предстоит боевое крещение. Мысль об этом усиливала непривычный озноб.

Пепе страшило одно: как бы в первый же день ему не поручили чего-нибудь, чего он не в силах будет выполнить. Что, если придется вечером вернуться к Джиму и доложить ему, что он, Пепе, не справился с заданием? Нет, этого не должно случиться! Пепе умрет, если будет нужно, но выполнит, что прикажет Джим.

Но все рассуждения и твердая решимость мальчика не унимали дрожи, которая сотней мурашек пробегала по его телу. Он чувствовал, как стучат его зубы, и старался не разговаривать, чтоб никто этого не заметил. Только после второй чашки горячего кофе его перестало знобить.

После завтрака Джим куда-то исчез. Он вернулся с узлом зеленоватой одежды.

— Вот, надень военную форму. Ты пойдешь со мной на наблюдательный пункт. Брить тебе сегодня никого не придется.

Одежда, принесенная Джимом, была слишком велика Пепе. Она делала его неуклюжим. Но когда мальчик надел похожую на лодочку зеленоватую шапку с красной звездой, он с гордостью почувствовал, что наконец-то он настоящий воин республиканской армии.

— Ну, теперь идем,— сказал Джим, протягивая ему какой-то странный ящик с артиллерийскими приборами.

— Перекинь-ка ремень через плечо, иначе будет тяжело подниматься в гору. Если вернемся рано, сегодня же научу тебя, как обращаться с винтовкой. Ну, пошли!

— А если враг нападет на нас, как же нам быть сейчас, без оружия?

— А пушки на что, Пепе? Мы ведь артиллеристы. Мы с тобой будем направлять огонь. Наблюдательный пункт этой ночью уже оборудован. Даже телефонная линия протянута. Идем скорей, надо приниматься за дело.

Мальчику было неясно, как это они смогут палить из пушек с гор, когда все орудия остаются внизу, в долине, прикрытые ветками. Но он побоялся спросить об этом Джима, чтобы не выглядеть слишком уж несообразительным. К их палатке подошли еще несколько бойцов с большими катушками телефонных проводов за плечами. Джим разобрал палатку, чтобы днем ее не заметили с самолета противника, и затем все двинулись в путь, в горы.

В горах Пепе было не тяжело идти вместе со взрослыми. Даже наоборот, ему доставляло особенное удовольствие

карабкаться по скалам, именно потому, что здесь он мог доказать, что способен соревноваться с другими. Несмотря на то, что ремень от ящика резал ему плечо, он старался всюду быть первым. Только когда они приблизились к самой вершине, Джим задержал его.

— Не спеши так, Пепе. Этак ты, пожалуй, угодишь прямо в пасть врагу. Позволь-ка, я теперь пойду впереди. Где-то здесь неподалеку должен быть наш наблюдательный пункт. Буду искать замаскированного подхода к нему.

Он ушел один. Все остальные расположились за большой скалой в ожидании дальнейших распоряжений. Джим исчез за краем горы, но через минуту показался опять, подавая им какие-то знаки рукой.

— Пригнитесь к земле! Из-за кустов видны ваши спины! — кричал Джим.

Бойцы прижались к земле и осторожно поползли вперед. Вскоре они выбрались на другую сторону горы, где, видимо недавно, была вырыта яма, прикрытая сверху ветками.

Перед ними открылась долина, затянутая голубоватой дымкой. Дальше возвышались такие же горы, как и эта, — скалистые, поросшие исчерна-зеленым кустарником и сплошь изрезанные зигзагами окопов.

Над скалами огромным огненным шаром всплывало солнце. Голубоватая дымка в долине бледнела и постепенно становилась прозрачной. На склоне горы, где расположился неприятель, по краям окопов резко обозначились проволочные заграждения. Видно было, как из долины в сторону окопов ползли запоздавшие секреты, выдвинутые на ночь вперед. Раздался выстрел из окопов республиканцев. В утреннем воздухе резко и раскатисто прозвучало эхо. Пепе, вытянув шею, разглядывал гору напротив, где среди кустов все еще мелькали темные фигурки врага.

Вдруг над головой мальчика просвистела пуля. Джим быстро схватил его за плечо и силой усадил на дно окопа.

— Не жалеешь своей головы, так думай о других! Этак ты мигом выдашь наше расположение, и нас выкурят отсюда, как сверчков! Разве можно так?

Пепе рассмеялся: враг-то не попал! Дрожь, пронизывавшая его все утро, исчезла без следа. Мальчику стало тепло и весело.

Джим вынул из ящика две трубки со стеклами, похожие на рога, и укрепил их на треножнике. Затем он прикрыл все это ветвями и поставил треножник на край окопа.

— Пепе, это вот стереотруба. Она помогает вести стрельбу. Поди-ка сюда, посмотри!

Пепе пригнулся к трубкам и увидел поразительную картину. Гряда противоположных гор вдруг придвинулась к нему

близко — рукой подать. Сквозь расщелины между двумя горами стала видна узкая долина с маленькими крестьянскими домиками. Возле них сновали неприятельские солдаты. Домики были окружены высокими тополями; кое-где темнели виноградники, оливковые рощи, а далеко-далеко виднелись башни какого-то города. По кривым проселочным дорогам, поднимая облака пыли, мчались автомашины. И здесь вот, совсем близко — в каких-нибудь нескольких стах метрах отсюда — в окопах ползали и копошились солдаты. Вдруг в синеватом тумане, который, как прозрачная ткань, еще занавешивал прекрасную панораму, откуда ни возьмись, появилась желтая бабочка. Она легко и свободно помахивала своими бархатными крылышками. В утренней прохладе она то поднималась, то опускалась, как будто ее несли невидимые волны. Она летела прямо на Пепе, но в ту минуту, когда мальчику показалось, что ее крылышки вот-вот коснутся его ресниц, она метнулась куда-то вбок и исчезла. Пепе начал поворачивать прибор, чтобы снова увидеть бабочку, но внезапно остановился и крикнул:

— Джим, пулемет врага!

Джим сменил мальчугана. Он с минуту вглядывался в стереотрубу, потом откинул голову назад и улыбнулся так широко, что его крепкие белые зубы сверкнули на солнце.

— Замечательно, Пепе! Ты уже действуешь, как заправский разведчик. Ничего. Сейчас мы зададим перцу этим негодьям!

Джим достал бумагу и карандаш, посмотрел еще раз в прибор и вычислил расстояние до вражеского пулемета. Затем он подсел к телефону, отдал распоряжение батарее и через несколько минут скомандовал:

— Огонь!

За спиной дрогнули горы. Над головами разведчиков с протяжным воем пронеслись снаряды.

Желтовато-белые клубы дыма поползли по земле и, словно огромные языки, лизнули скалы. Прикинув к прибору, Джим внимательно следил за разрывами снарядов. Когда дым рассеялся, он радостно воскликнул:

— Иди сюда, Пепе, смотри! Точная работа...

Мальчик посмотрел в стереотрубу и увидел: на противоположном склоне гор, там, где в поисках бабочки он случайно обнаружил вражеский пулемет, рядом с разрушенными скалами краснели на солнце глиняные обрывы. Кругом не было ни души. Снаряды попали в цель.

С этого дня Пепе часто ходил вместе с Джимом на наблюдательный пункт. Только два раза в неделю он оставался на батарее — брить артиллеристов. Но и эта обязанность была по душе мальчику. Он быстро перезнакомился с бойцами. Почти все они приехали сюда из других стран, но разговаривали друг

с другом по-испански. Чтоб скорее освоить испанский язык, они стремились почаще видаться и беседовать с Пепе. Он был всюду самым желанным гостем. Каждый боец любил свою родину, и Пепе слышался много занимательного о чужих краях.

— Если мы останемся живы,— говорили мальчику его новые друзья,— мы вернемся завоевывать свободу и для наших родных земель.

В минуты досуга Пепе задумывался об этих людях, ставших для него такими же близкими и дорогими, как мать и отец.

В его глазах они были образцом мужества, честности и величия. Мальчик впервые стал понимать, какая серьезная дружба может возникнуть между людьми, которые родились и выросли в разных странах, говорили на разных языках, отличались друг от друга цветом кожи, но думали одинаково и стремились к одной цели.

«Я хочу быть таким же,— размышлял Пепе.— Вырасту, поеду и я помогать тем, кто борется за свободу...»

Недели быстро сменяли одна другую. Время проходило в жестоких боях за родной город Пепе. Враг то и дело обстреливал батарею Джима. Бойцы не покидали орудий; они быстро заряжали их и терпеливо ждали команды Джима с горы:

— Огонь!

В дни боев Пепе находился непременно рядом с Джимом на наблюдательном пункте. Мальчик помогал отыскивать неприятеля и доставлял своему командиру завтрак и ужин с батареи. Он очень скоро привык ко всем тяжелым условиям фронтовой жизни. Ему не были страшны ни пули, ни снаряды, которые, что ни день, с воем или жалобным стоном сотнями пролетали над его головой.

Наконец на фронте наступило некоторое затишье. Бойцы приводили себя в порядок, чистили амуницию, занимались учебой, готовились к новым боям. Готовился к ним и Пепе. Кроме того, он каждый день по несколько часов читал по складам.

Джим как-то сказал ему:

— Пепе, если ты хочешь быть настоящим борцом, ты должен учиться.

И мальчик горячо взялся за учение. Вскоре он уже мог читать газету, а как-то без чьей бы то ни было помощи написал матери письмо:

«Дорогая мама! Я на фронте. Чувствую себя прекрасно. Мой друг Джим, наш командир, обещал, как только я выучусь читать и писать, свезти меня на своей машине в гости к тебе. Жди нас, мама. Мы скоро приедем. Целую. Пепе».

Джим сдержал обещание. Однажды утром мальчик узнал, что сегодня они поедут домой. Он не мог скрыть своей радости. Начиная до блеска пуговицы мундира, он все время думал о матери.

«Что бы такое свезти ей в подарок? — размышлял он. — У меня ведь ровно ничего нет. Надо будет посоветоваться с Джимом».

Приведя все в порядок, мальчик выбрался из палатки. На дворе стояла сырая, промозглая погода. Тяжелые темные тучи нависали над самой землей. О военных действиях в такой день нечего было и помышлять.

Осенью размягченная земля испаряла большое количество влаги, которая подымалась вверх и, сгушаясь, снова падала на землю мелкими каплями дождя. Тогда казалось, что все кругом завалено мягким пухом. Густая завеса тумана порой на несколько дней совершенно закрывала вершины гор. Артиллерийские выстрелы раздавались редко. На фронте наступала томительная тишина.

Пепе осмотрелся вокруг, зябко повел плечами и направился к артиллерийскому автопарку — в небольшую долину, сплошь заросшую ветвистыми дубами, под которыми стояли замаскированные машины.

Проходя мимо кухни, занимавшей маленький домик, наполовину разрушенный неприятельскими снарядами, Пепе остановился. Внимание его привлек брошенный кем-то деревянный ящик, кругом обросший крапивой. Из ящика высовывался кусок стекла. Стекло было покрыто росой и отсвечивало зеленым.

Мальчику пришла в голову счастливая мысль: «Свезу-ка я это стекло домой, вставляю в окошко — вот будет тепло у нас! А мать обрадуется, что я выполнил обещание».

Он пошел к ящику и тщательно обследовал его содержимое.

От сильного сотрясения воздуха почти все стекла превратились в осколки. Только одно единственное, плотно прижатое к самой стенке ящика, было совсем цело. Пепе извлек его, обер пучком сухой травы и взял свою ценную находку подмышку. От сердца у него отлегло. Он зашагал живее, сдвинул шапку с красной звездой на затылок и принялся насвистывать веселую негритянскую песенку, которой выучился у Джима.

Джим сидел уже в своей машине.

— Браво, Пепе! — воскликнул он, хлопая в ладоши. — Ты свистишь, как самый настоящий скворец. Ну, скворушка, лети сюда поскорей! Не забудь, что к ночи мы должны вернуться. А что это у тебя в руках? Стекло? Это зачем?

— В подарок маме. Дома у нас окошко без стекла. Джим, можно захватить его с собой?

— Конечно, можно! Очень хорошо, малыш, что ты думаешь о матери и стараешься ей помочь... Ну ладно, залезай быстрей. Поехали!

Пепе уселся в кузов машины и осторожно поставил на колени сверкающее стекло.

Загудел мотор. Машина дрогнула. С веток сорвались мелкие капли воды, попадая за ворот рубашки...

Вначале они ехали по размытому дождем полю. Пока не выбрались на шоссе, машину кидало из стороны в сторону. Пепе заботливо охранял свой подарок и наблюдал за небом, которое начало проясняться с юга. Сероватый туман понемногу рассеивался; на небе стал намечаться светлый круг солнца. Кое-где уже виднелись контуры гор, которые сейчас, под светлой пеленой тумана, были похожи на черные груды угля.

Мотор, непрерывно гудя, мчал машину вперед по извилистой горной дороге. Мальчик любовался просторными долинами, в глубине которых дубовые и оливковые рощи казались не больше кустарника.

Машина обогнула крутой склон горы и стала медленно спускаться в долину. Завеса тумана, все время закрывавшая солнце, вдруг прорвалась, будто раздвинутая невидимой рукой, и всю окрестность залили яркие золотые лучи. Из серых долин, как легкий дым, поднимался вверх пар, принимая самые причудливые формы. Извиваясь вокруг скал и задевая по дороге встречные кусты, туман полз к вершинам гор. Тот, кто в период дождей впервые очутился бы в этих местах, мог бы подумать, что внизу, в долине, развели сотни дымящихся костров.

Смоченное росой стекло, которое держал Пепе, горело в лучах солнца, как прожектор. Мальчик глядел по сторонам, думая о том, как хороша будет эта земля, когда они, наконец, победят. «За красоту нашей будущей жизни стоит бороться, не жалко умереть», — часто говаривал ему Джим.

Да, Джим прав, за это стоит бороться, не жалко отдать жизнь.

Размышления его были прерваны каким-то неясным гулом, доносившимся с неба.

«Самолет?» — пронеслось в его мозгу. Он пристально всмотрелся в пестрые облака, ярко освещенные солнцем. Гул становился все сильнее. Вдруг облако над головой мальчика словно раздвинулось. На синем небе появилась тень, которая быстро росла. Наконец на крыльях самолета стал отчетливо виден черный крест.

— Фашисты! — закричал мальчик и стал неистово барабанить кулаком по крыше кабинки. — Джим! Джим! Немецкий самолет!

Джим круто затормозил, выскочил на дорогу и поглядел наверх.

— Истребитель, Пепе! Прыгай скорей, спрячемся в скалах. Видишь, как он кружит над нами...

— Сейчас, Джим! Я только поставлю стекло и сразу же прибегу к тебе.

Самолет снижался...

В воздухе раздался сухой продолжительный треск пулеметной очереди.

Мальчик втянул голову в плечи и прижался лицом к стеклу. Вдруг он почувствовал сильный удар в голову. Синее небо стало черным, свет солнца померк. Весь мир с его красотой превратился в темную ночь.

Джим взобрался в кузов машины и бросился к мальчику, который лежал, скорчившись, на осколках стекла.

Еще не веря тому, что случилось, он приподнял ребенка.

— Пепе... Слушай, Пепе! Мы ведь едем к твоей матери!

На этот раз Пепе ничего не ответил ему. На прозрачное стекло падали алые капли крови...

Через несколько минут машина медленно двинулась в путь. За рулем сидел, почти неподвижно, пасмурный Джим.

До города, где жила мать Пепе, было уже недалеко.

РЫБАКИ ПАЛАМОССЫ

Луис Вентеро родился и вырос на берегу Средиземного моря, километрах в шестидесяти к югу от Пиренеев, где расположен его родной рыбацкий поселок Паламосса. Подобно большинству таких поселков в Северной Испании, он вплотную приткнулся своими серыми домишками к отлогому берегу большого залива. По обе стороны Паламоссы берега залива круто поднимаются вверх. Они поросли статными

соснами и пиниями и протягивают навстречу морским волнам гряды острых подводных скал и длинные скалистые выступы — мысы.

Одно из самых опасных мест для моряков — мыс св. Себастьяна, а еще хуже — Черный мыс, что находится к северу от Паламоссы. Не одна лодка разбилась вблизи Черного мыса. Рыбаки не любят помянуть это место, а если и говорят о нем, то с горечью.

— Черный мыс — рыбаку враг, — поучают молодежь старые морские волки. — В шторм лучше держи мористее, никогда не приближайся к этому проклятому месту.

Проходя в рыбацкой посудине мимо Черного мыса, уже издали можно слышать протяжный зловеющий шум. Кажется, словно взбитые, крутящиеся меж подводных скал, пенистые воды поползают куда-то в подземелье и с глухим рокотом снова вырываются оттуда. Старухи-рыбачки рассказывают, что это дышат мор-

ские ведьмы, а старики будто бы даже видели собственными глазами их обиталище. Но молодежь только посмеивается, слушая эти рассказы.

Военные штормы, давно уже бушевавшие над Испанией, достигли Паламоссы в самые последние дни. Республиканцы отступали, так как у них нехватало оружия и боеприпасов. Заняв Барселону, фашистская армия, итальянские моторизованные соединения и дикие марокканские дивизии, как полчища саранчи, набросились на плодородные долины Каталонии. Горели города и селения, едкий дым заволакивал солнце. Беженцев, двигавшихся по всем дорогам к французской границе, обстреливали с немецких самолетов. Республиканская армия, в рядах которой сражался и сын Вентэро — Селестино, отходила с боями к Пиренеям, а часть республиканцев рассеялась в Каталонских горах и начала партизанскую войну.

Луис Вентэро больше не рыбачил в море. Он шагал взад и вперед по берегу, наблюдал за дымом на горизонте и нервно покусывал мундштук своей трубки. Буря чувств бушевала в его груди. Ему казалось, что кованые сапоги врага топчут не только его родную землю, но и его самого.

За три года республики люди привыкли чувствовать себя хозяевами своей земли. Сейчас, когда ее разорял враг, они испытывали то же, что испытывает человек, в дом которого ворвались вооруженные до зубов бандиты.

На уходящих республиканцев Вентэро глядел с такой теплотой и любовью, словно это были его сыновья, которых он сам вырастил. Когда возле селения показывались бойцы, Вентэро всегда втайне надеялся, что вот-вот среди них он увидит и своего Селестино. Рыбак встречал их на дороге, угощал табаком, долго разговаривал с ними и на прощанье крепко жал им руки.

Однажды группа бойцов остановилась у его хибарки попросить хлеба. Вентэро сам давно не видел хлеба: он отдал весь свой запас для победы, которой с таким нетерпением ждали паламосские рыбаки. Но зато у него была рыба, рыба последнего улова, душистая, хорошо прокопченнная.

— Берите, родные,— сутился Вентэро,— берите на дорогу! И не забывайте, что мы ждем вас обратно.

Подошли и другие рыбаки. Они достали из поясов кожаные фляги с кислым вином. Женщины принесли в глиняных кувшинах козье молоко. Когда бойцы уходили, все с грустью смотрели им вслед.

— Ах!— вздыхали женщины, утирая слезы концами черных платков. Быть может, где-то, по другим дорогам, шагали родные их сыновья, такие же усталые и голодные. Быть может, и

они, израсходовав последний патрон, уходили в горы или в сторону границы...

В ту ночь Вентэро никак не мог уснуть. Десятки раз он вставал, выходил на воздух и прислушивался. Далеко за Черным мысом грохотала морская артиллерия. Над поселком, прорезывая ночную мглу, пролетали снаряды. Вентэро ясно различал и глухой их свист и отдаленные разрывы, от которых вздрагивало все побережье.

По силе этих разрывов старый рыбак судил о постепенном приближении врага.

— Кармен, они скоро нагрянут,— говорил он жене.— Снаряды разрываются совсем близко.

— Приляг и вздремни малость,— успокаивала его жена.— Наши задержат их. Не может этого быть, чтобы сюда пришли фашисты! Ведь Селестино тоже борется. Этого не допустят.

— Но у наших нет оружия, патронов. Слыхала, что говорили бойцы? По одной винтовке на троих! Патроны приходится беречь, как зеницу ока. Артиллерийских снарядов почти совсем нет. Неужели, Кармен, ты думаешь, что при таких условиях наши смогут долго продержаться? А тех Италия и Германия снабжают всем: винтовками, пушками, танками, самолетами...

Вентэро снял алпаргатос и лег на кровать. Но сна не было: сердце ныло, а мысли метались, точно морские птицы перед непогодой.

— Франция, Франция!— бормотал Вентэро под нос себе, время от времени прикладывая к языку горьковатый мундштук.— Неужели Пиренеи так высоки, что из-за них тебе не видать наших страданий!

Он с горечью усмехнулся, встал с кровати, подлил в светильник оливкового масла, поправил фитиль и отпер дверь.

У берега что-то неистово жужжало. В воздух поднялся и рассыпался яркий сноп искр, послышался сухой треск. «Машина завязла в песках»,— подумал Вентэро. Он знал, что фронтные машины идут без огней, чтоб не выдать себя. Так нетрудно и заблудиться.

Вдруг на мостовой зашуршали шаги, все ближе и ближе... Вентэро бесшумно притворил дверь за собой.

Шаги становились все слышнее. Кто-то подошел снаружи ко входу, остановился. Звякнуло медное кольцо, в дверь тихо постучали. Вентэро затаил дыхание.

Снова раздался стук, легкий и равномерный. Нет, это не был враг! Враг стучал бы грубее и настойчивее. Враг ворвался бы.

— Кто там?— приложив губы к щели, тихо спросил Вентэро.— Кто стучится?

— Здесь живет рыбак Вентэро?

Вентэро открыл дверь и чуть не онемел от неожиданности.

— Селестино! — прошептал он наконец. — Селестино, и ты отступаешь! Неужели мы будем побеждены? Я не понимаю... Я не могу поверить этому!

— Я не отступаю, отец. Наша часть сегодня в тылу врага подожгла фашистскую автоколонну. Один грузовик с оружием и боеприпасами мы оставили себе, но пробиться к своим не смогли: на всех дорогах стоят вражеские танки. Оружие надо спрятать, оно нам пригодится. Мы останемся здесь продолжать борьбу... Помогите нам, отец!

Рыбак отпустил руку сына и задул светильник. Обоих окутала ночь. Кармен прерывисто дышала во сне. Тишину изредка нарушал грохот канонады, доносившийся с моря.

— Селестино, ты ведь помнишь Черный мыс — это туда, к северу? Помнишь, как нетрудно добраться до него лесом? Черный мыс достаточно далек от всякого жилья и злого глаза. Даже рыбаки избегают его. Ты был еще маленьким, когда однажды в шторм там разбилась о подводные скалы моя лодка. В надежде спастись я долго плыл вдоль крутого скользкого берега, пока случайной волной не занесло меня в темную расщелину. За ней оказалась пещера, огромная пещера, где могло бы укрыться... лодок десять. Там, в глубине пещеры, есть большая каменная терраса. Она остается сухой во время прилива и даже в бурю. Я пробыл там сутки, пока не утих шторм. Когда потом я рассказывал об этом рыбакам, меня подняли насмех. Селестино, я думаю, лучшего места для вас не найти.

— Но как же нам быть, отец? Времени мало. Враг каждую минуту может занять поселок. Да и светает уже.

— Вот что: двигайтесь вдоль берега по узкой лесной дорожке. Остановите грузовик возле небольшой бухточки между святым Себастьяном и Черным мысом. Там дорога подходит к самому морю, и берег отлогий. А я тем временем отправлюсь водой, на моторке. Договорились?

— Договорились. До свиданья, отец!

— До свиданья, Селестино!

Вентэро захватил с собой фалы, фонарь, бидоны с бензином и поспешил к берегу, где была стоянка рыбацких лодок. Он беззвучно завел мотор, и лодка начала разрезать носом водяное зеркало, слегка позолоченное рассветом. Выйдя из бухты, Вентэро прибавил ходу. Гладкая поверхность воды чуть морщилась под ветерком, который вяло дул с берега. В такую погоду не приходится опасаться подводных скал: они заметны издали по завивающимся вокруг них серебристым барашкам.

Вентэро въехал в небольшой залив между Черным мысом и св. Себастьяном. Он уменьшил ход, и лодка легко заскользила вдоль берега. Вентэро стал внимательно вглядываться в прибрежный лес.

Вскоре он заметил под темными соснами словно раскаленный уголек. Повидимому, кто-то закуривал. Вентэро подъехал к берегу и свистнул. Из сумрака леса вынырнул человек и стал приближаться к лодке.

— Селестино? — негромко окликнул рыбак.

— Я, отец. Оружие выгружено и запрятано в кустах. Но как быть с машиной? Она может нас выдать.

— Селестино, вон там, слева, видишь, высокий обрыв. Пропасть под ним поглотит хоть целый поезд. Пустите машину на полном ходу...

Через несколько минут на край обрыва выскочил грузовик, клюнул носом, перевернулся в воздухе и исчез в морской пучине. Мощно всплеснулись и разошлись закипевшие волны. Облако белой пены обдало ближайшие скалы. Раздался взрыв. Клуб голубого бензинового дыма взвился и рассеялся над поверхностью воды.

Из лесу вышли еще восемь бойцов, нагруженных винтовками и ящиками с патронами.

— У нас тут несколько ящиков тола, два пулемета, два мешка с продовольствием... Придется сделать не один рейс,— сказал Селестино.

— За раз не перевезу,— согласился отец.— Четверо пусть поедут со мной сейчас, помочь разгрузить.

Лодка глубоко осела, итти надо было медленно. Будь погода посвежей, пускаться с таким грузом в море было бы невысказано.

Старый рыбак, сидя у руля, пристально всматривался в береговые скалы. Тут недалеко должна быть пещера, некогда спасшая ему жизнь. Вот она! Под кручей, занавешенной виноградными лозами, едва заметно чернела расщелина. Вентэро выключил мотор и направил лодку прямо на нее. Концом весла он откинул свисающую со скалы лозу, и лодка плавно вошла в темный проход.

Вентэро зажег фонарь. Слабый свет озарил овальный бассейн. В глубине возвышалась площадка с пологим спуском. Пещера дышала прохладой и сыростью.

— Ну как, хорошо?— спросил старый рыбак.— Ни один дьявол здесь вас не сыщет. А во время прилива или в шторм сюда и на лодке не подойти, можно только вплавь добратся.

— Прекрасно!— сказал Селестино.— Я бы никогда не поверил, что тут может быть такая замечательная бухта. Однако за дело!

Когда все было готово, Селестино отвез отца на берег.

— Лодку оставьте себе, Селестино. Нам лодок хватит. Если погода позволит, завтра ночью привезу вам одеяло, продукты и бензин. Надеюсь, что рыбаки Паламоссы сумеют всем обеспечить своих друзей. Об этом не беспокойтесь. Узнавать меня

будете по песне. До свиданья, сынок... Набери хворосту и свежи в ваше убежище. Утром дым не так еще заметен, и вы погрее-тесь у костра...

— Отец, ты, пожалуй, ничего не говори матери. Пусть луч-ше не знает, что я здесь, возле дома.

— Будь покоен.

Весна 1939 года выдалась особенно теплой и солнечной. В феврале в Каталонии уже расцвел миндаль. На горных вер-шинах таяли снега. Сотни пенящихся ручьев сбегали со скал, унося в долины снеговую прохладу гор.

По берегам ручьев на гладких камнях стояли босиком жен-щины и стирали белье. Обычно говор их сливался с веселым журчаньем струй, над водой звенели их песни, а девушки, пля-шущие на прибрежных полянках, чем-то напоминали стройные, вечно колышущиеся водоросли.

Но последнее время женщины стали хмурыми и молчаливы-ми. Девушки предпочитали сидеть дома, за вязаньем. Сквозь резные деревянные решетки окон они тревожно вглядывались в каждого прохожего.

Мужчины тоже перестали собираться кучками на площадях селений и спорить. Они тщательно запирали двери, часами со-средоточенно глядели на огонь в очаге и посасывали свои трубки. Если кто-нибудь стучался в дверь, они нехотя поднимались и, положив руку на засов, прежде чем отодвинуть его, спра-шивали:

— Кто там? Чего надо?

Шум войны у подножья Пиренеев постепенно затихал. Рес-публиканцы, ожесточенно сражаясь, прикрывали отход бежен-цев и революционной армии через Пиренеи во Францию. Те, кто не успел перейти горы, возвращались в свои разоренные жилища. Многим так и не удалось увидеть, как расцветает мин-даль за оградой родного дома: на пути к нему их настигли пули фалангистов.

В эти дни Паламосса притихла, точно вымерла. Ни одна ры-бачья лодка не выходила в море — все они покачивались у бе-рега, с плотно прикрученными к мачтам парусами. Моторы утра-тили запах бензина. Даже весла рыбаки разнесли по домам.

Только иногда среди ночи отправлялась в море одинокая мо-торка. В поселке не пытались разведать, кто и куда ее ведет. Как знать: может быть, это разъезжает патруль береговой охраны фалангистов?

За последние ночи из поселка стали исчезать целые семьи. Соседи перешептывались о том, что с берега доносились порой крики, стоны и выстрелы. Смелчаки, наведавшиеся в ближай-

ший городишко Палафругель, сообщили, что видели своими глазами огромный концентрационный лагерь, созданный под Палафругелем для бойцов республиканской армии, беженцев и тех, кто был за республику. Эти рассказы еще сильнее взволновали окрестных жителей.

Но спустя несколько месяцев народ понемногу начал успокаиваться. Подвергаясь на каждом шагу смертельной опасности, человек постепенно сживаетесь с мыслью о ней и привыкает владеть собой, хотя бы наружно. Так было и тут.

Однажды из соснового бора близ Паламоссы выехали верхом на мулах два крестьянина. Их смуглые, покрытые морским загаром лица густо обросли бородами. Мулы были навьючены плетеными корзинами, полными тяжелой поклажи, состоящей из дынь, винограда и вина. Направлялись путники в сторону Палафругеля.

Один из них, внимательно оглядевшись по сторонам, тихо проговорил:

— Кажется, к закату мы доберемся до железной дороги. Конечно, если только нам повезет.

— Послушай, давай-ка уговоримся не болтать! Чем больше ты будешь похож на пьяного, тем лучше.

— Ладно. Давай споем что-нибудь. Знаешь ты «Как-то ночью в Севилье»?

— Нет, лучше «Кармелу». Она звучней.

Оба запели во все горло.

У развилки палафругельского шоссе они свернули влево. На повороте расположился контрольный пост фалангистов — два вооруженных солдата.

— Стоп, старики! — воскликнул один из них. — Вы куда?

— Во Флассу на базар, сеньорес... Деньги нужны платить налоги. Вот хотим продать фрукты, вино, сеньорес.

— Хорошо. Не уплатите налогов — сядете в тюрьму. Сдается мне только, что вино вы не довезете до базара. Вон как вы уже нагрузились!

Фалангисты подошли вплотную к путникам и тщательно осмотрели плетеные корзины. Последние не вызывали сомнений. В одной было вино, в остальных фрукты.

— Ну, старики, — снова заговорил фалангист, — не лучше ли будет, если мы с вином разделаемся сейчас? И мулам легче, и вам без хлопот. А то еще спяна растеряете и корзины и мулов.

— Мы всегда повиновались сеньорам. Если сеньорам угодно, вот, пожалуйста!

Крестьянин вытащил из корзины кувшин с вином и спросил:

— Ребята, нет ли у вас кантимплсры *? Давайте-ка сюда!

Постовые отстегнули от поясов обшитые зеленым сукном флаги итальянского образца, отвинтили алюминиевые пробки и с жадностью усталились на красную струйку вина, льющуюся из кувшина во флагу.

Отпив несколько глотков и пополнив флаги, они отошли к обочине дороги и скомандовали:

— Теперь смывайтесь скорей, пока не заметил комендант. У вас ведь, наверное, нет салвокондуктос **...

Крестьяне быстро положили все на место и погнали мулов. За день они миновали еще несколько таких же постов. Кувшины и корзины с виноградом стали значительно легче, но дыни остались целы.

К закату оба крестьянина свернули с дороги и затерялись в чаще пробковых дубов.

— Я говорил, что нам повезет,— посмеивался один из них.— Привяжем мулов, я пойду на разведку. Если все в порядке, начнем действовать. Эшелон должен пройти через несколько часов. Пока что извлеки из дынь тол и взрыватели. Надо поторапливаться, а то как бы не опоздать!

Крестьянин исчез в сумраке леса.

Вскоре между стволами деревьев он увидел багровое закатное небо. Лес тут кончался, а вдоль опушки его тянулось железнодорожное полотно. Вечерний ветерок перебирал шелестящую листву, да изредка что-то выкрикивала поздняя птица. Стволы пробковых дубов, с которых с начала войны ни разу не снимали нежную пористую кору, были покрыты толстым слоем пробки.

Темный силуэт выполз на опушку леса. Невдалеке от него рельсы еще отражали сияние заката. Человек долго оглядывался по сторонам и, окончательно убедившись, что поблизости никого нет, направился обратно к товарищу.

Тем временем тол и взрыватели были извлечены из дынь и приготовлены к закладке. Проголодавшиеся мулы с жадностью набросились на дынные корки. Спустя полчаса крестьяне снова выбрались на дорогу. Задача была выполнена, и надо было уходить.

Гораздо позднее, когда они были уже далеко, ночную тьму разорвал блеск, похожий на блеск молнии. За ним последовал оглушительный взрыв.

* Кантимплора — походная флага для вина.

** Салвокондуктос — разрешение, пропуск.

На другой день на базарах с затаенной радостью передавали, что этой ночью был взорван железнодорожный состав, переполненный фалангистами, ехавшими к Пиренеям, «на охоту» за партизанами.

Каждую третью ночь к Пещере Ведьм отправлялась лодка. Сначала Луис Вентэро выходил подальше в море. Сделав изрядный крюк, он выключал мотор, брался за весла и сильными рывками гнал лодку к намеченной цели.

Таким же путем старый рыбак возвращался домой. На дне его лодки всегда лежали ставные сети для сардин. Порой он поихватывал с собой и свежей рыбы, которой наделяли его товарищи, — тогда он чувствовал себя вполне уверенно.

Не только Селестино, но и все партизаны обычно с большим нетерпением ждали приезда Вентэро. Он привозил им газеты, чистое белье, одежду и продукты. Часами все сидели у костра и слушали рассказы старика.

— Знает ли кто-нибудь с нашей поездке на базар во Флас-су? — спросил Селестино отца, когда они снова встретились в пещере.

— Знают только свои. Все железнодорожные магистрали после этого взрыва разбиты на участки и непрерывно патрулируются фалангистами. Охрана железных дорог требует большой затраты сил. Снято множество постов, охранявших Палафругельский концентрационный лагерь. Гарнизон городка послан прочесывать леса, где могут быть партизаны. Два дня тому назад фалангисты перевернули вверх дном и Паламосу.

Партизаны сидели, лакомясь привезенными Вентэро гостинцами, и посмеивались.

— Так это правда, отец, что гарнизон городка послан на операцию и охрана лагеря ослаблена? — переспросил Селестино.

— Правда. Об этом говорят не только у нас, но и в Палафругеле. Позавчера, когда я возвращался с базара, по шоссе двигалась большая группа фалангистов. Следом за ней ехала полевая кухня и грузовик с продуктами. По всему было видно, что уходят они надолго.

— Да, это добрая весть, ребята! — с воодушевлением воскликнул Селестино. — Пусть только ойдут подальше. Тогда мы им приготовим хорошенький сюрприз...

— А вот это дал мне наш сосед, Марсиано Пенья, — продолжал отец, развязывая тяжелый узел. В нем оказался большой глиняный кувшин с запеченной в оливковом масле рисовой кашей. — Это вы можете есть, не торопясь. Рис хорошо пропечен. Не испортится... Ты ведь помнишь, Селестино, троих сыновей Марсиано Пенья? Двое погибли на мадридском фронте.

Третий, старший, был командиром бригады. Так вот, до нас дошло, что с неделю тому назад, когда французские жандармы насильно возвращали его в Испанию, чтобы выдать фалангистам, он повесился в поезде, не доезжая до Церберы*.

— Повесился!— Глаза Селестино широко раскрылись.— Бедняга, неужели у него не было другого выхода?

— Он правильно поступил, Селестино. Лучше уж принять смерть от собственной руки. Разве ты не знаешь, что всех республиканцев, которых высылают из Франции обратно в Испанию, фалангисты расстреливают тут же, в Пиренеях? Однако мне пора. Скоро утро.

— погоди, отец, еще немного. Поговорим о деле. Мне очень нужно было бы завтра попасть к коз. Как бы это устроить?

— Думаю, что это удастся. Хотя завтра и не моя очередь, я выгоню стадо сюда, к берегу. А тебе придется выйти навстречу.

— Все будет в порядке, отец.

— Ну, всего хорошего, ребята! Селестино, сынок, до свиданья!

Вентеро соскочил в лодку и вышел на веслах в море.

Палафругельский концентрационный лагерь протянулся от города к Паламоссе. Его территория заняла добрую часть пастбищ окрестных селений. По этому поводу возмущались не только жители всей округи, но и овцы и козы, потерявшие изрядное количество гектаров земли с сочной травой. По старой привычке они устремлялись в сторону лагеря. И вот однажды целое стадо прорвалось к самой ограде. Когда же овечьи и козьи носы наткнулись на холодную колючую проволоку, животные задрали головы вверх и, как бы протестуя против подобного ущемления их прав, начали неистово блеять. Из ближайшей сторожевой будки выскочил охранник с автоматом.

— Святая Мария!— накинулся он на пастуха.— Растяпа ты. черепаха эдакая, чортов лоботряс! Тебе хочется, чтобы из-за твоей дурацкой скотины нас засадили в карцер? Да разве ты не знаешь, что нам приказано стрелять в каждого, кто посмеет подойти к ограде концлагеря? А твое стадо навалилось нам чуть ли не на голову. Клянусь святым причастием, что перебью всех твоих овец и коз, если это повторится еще раз!

— Сеньор, да разве в приказе сказано, что надо стрелять и в животных, коли они подойдут к ограде?— пытался отшу-

* Церберы — город на берегу Средиземного моря, у границы Франции и Испании.

титься пастух. — Несправедливо, сеньор, применять к скотине те же законы, что к людям.

— Сказано или не сказано, но так и знай, перебыю их все до единой.

Охранник навел автомат. Пастух подбежал к сторожевой будке.

— Не стреляйте, сеньор, будьте так милосердны, не стреляйте! Это овцы и козы моих односельчан. Если я лишусь хоть одной из них, вечером меня убьют. Я буду каждый день приносить вам молоко, сеньор, только не стреляйте!

— Мне совершенно наплевать на то, что тебя убьют, — возразил охранник. — Деревенщина! Жизнь твоя не стоит даже одной пули. Таких, как ты, мы что ни день сотнями отправляем на тот свет. Через год все тут будут перестреляны, и тогда ты сможешь спокойно пасти здесь свое стадо. А пока... Уж ладно, ступай, да сейчас же отгони скотину от ограды. И чтобы это больше не повторялось!

— Грасиас, сеньоре, мучас грасиас! *

Старый пастух, опираясь на хворостину и сильно прихрамывая, поплелся вдоль ограды из колючей проволоки, тщательно разглядывая лагерь. За оградой собралась толпа заключенных, бывших бойцов республиканской армии. Они дивились упрямству животных. Овцы продолжали блеять что есть мочи и старались пролезть сквозь колючую проволоку.

— Прочь, прочь! — кричал на них пастух. — Говорят вам, прочь отсюда!

Казалось, пастух не обращал ни малейшего внимания на то, что происходит за оградой. Вдруг он услышал приглушенный шопот:

— Селестино! Неужели это ты, Селестино?

— Тихо, — еле слышно отозвался Селестино. — Будьте наготове и ждите...

И он снова принялся кричать на стадо:

— Прочь, негодные твари! Прочь отсюда, прочь!

Немного спустя стадо белых овец и коз вместе со своим пастухом скрылось в лесу. Селестино успел разузнать все, что было нужно. Он знал теперь, где расположены сторожевые посты. как к ним подобраться, знал, откуда начать набег на концентрационный лагерь, во сколько рядов растянута колючая проволока. Ему стало известно и то, что в лагере находятся командир и несколько бойцов из его бывшего стрелкового батальона. Их, наверное, взяли в плен в последние дни войны, когда батальон попал в окружение.

Разведка прошла удачно. Селестино был доволен.

* — Спасибо, сеньор, большое спасибо!

Солнце село за прибрежным бором. Море отсвечивало красноватым золотом, но далекий горизонт на востоке был затянут облачной пеленой. Навстречу темносинему горизонту тянулась, все удлиняясь, тень от Черного мыса. На море спускались сумерки, вначале прозрачные и легкие, но потом, постепенно сгущаясь, они окутали все кругом. Стало душно и жарко. Побережье сбдывали волны зноя, словно на него дышало огромное чудовище.

И вдруг неожиданно рванул ветер. Он завыл в береговых скалах, как воют гиены в пустыне.

С неимоверной быстротой надвигалась на море синяя завеса туч. Молния огненным кнутом хлестнула мрак. Раскатиисто мощно загредел гром. Земля и скалы вздрогнули, точно от страха. За первым ударом грома последовал второй и третий. Тяжелые, острые капли дождя, вперемежку с градом, стали рубить сухую траву и широкие сабли кактусов.

На каменной площадке в Пещере Ведьм ярко пылал костер. Вокруг него сидело восемь бойцов — восемь народных мстителей, ни на минуту не расстававшихся со своим оружием. Посреди овального бассейна легко покачивалась моторка; в ней находился пулемет.

— Действовать надо сегодня. Лучшей погоды не сыскать, — сказал Селестино, глядя на скалистые своды пещеры, содрогавшейся от ударов грома.

— Санчез, — обратился он к сидевшему рядом с ним высокому худощавому бойцу с бледным, обросшим бородой лицом. — Ты с двумя товарищами останешься возле моторки у пулемета и будешь прикрывать наш отход.

— Селестино, я не хочу покидать тебя. Со мной тебе всегда везет, — сказал Санчез, улыбаясь. — Помнишь, в тот день, когда подрывали железную дорогу... Разве я не сражался, как подобает мужчине?

— Именно поэтому ты останешься на берегу. В случае чего... ты заменишь меня. Понял, друг?

— Не говори так, ничего не должно случиться!

Опустив голову, Селестино глядел на костер. Его рыжие волосы блестели на висках — в них отражалось пламя. Две глубокие складки в углах рта были прикрыты бородой: Селестино давно не брился... Немного погодя он словно очнулся, быстро вскочил на ноги и посмотрел на ручные часы.

— Санчез, без четверти два. Готовь лодку! Пойдем на вслах.

Бойцы молча поднялись и оправили снаряжение. Догоравший хворост, потрескивая, рассыпался на угольки и покрывался бе-

лесым пеплом. Сквозь узкую расщелину снаружи пробивались вспененные волны. Время от времени в сырое подземелье проникала струя свежего воздуха, от которой взлетал пепел гаснущего костра.

Все партизаны разместились в лодке, и скоро бесшумная серая тень выскользнула в море.

Высадившись на берегу, Санчез с двумя бойцами и пулеметом расположился возле Черного мыса, на вершине небольшого холма. Остальные же во главе с Селестино направились к лагерю. Чтобы не растеряться в темноте, они шли вплотную один за другим. Дождь лил как из ведра. Крупные дождевые капли, ударяясь о землю, рассыпались водяной пылью. Почти непрерывно гремел гром и сверкали молнии. Вскоре партизаны промокли до костей. Липкая каталонская глина не замедлила сорвать с их ног легкие алпаргатос. Босые ноги наступали на колючки и острые грани камней.

Сквозь ночь и дождь, точно окутанные ватой, замерцали вдали электрические фонари лагеря. Бойцы остановились возле густого лозняка, наломали веток, замаскировались ими и тесной гурьбой двинулись дальше. При каждой вспышке молнии они застывали на месте и становились похожими на измятый ветром, намокший от дождя куст.

Вскоре при свете фонарей можно было уже различить ограду из колючей проволоки и сторожевые будки.

— Шума без надобности не поднимать, — шопотом отдал приказ Селестино. — Помните, что геррильерос * стреляет, только когда сломан нож или когда друг в опасности.

Они продвинулись еще немного, потом Селестино махнул рукой, и бойцы легли наземь. Один из них, вооруженный автоматом, воткнул перед собой ветку лозняка и остался на месте, другие же по-двое поползли к сторожевым будкам.

Ни один охранник не прохаживался вдоль ограды. Все они сидели под гремющими от дождя навесами сторожевых будок и дремали. В тот самый миг, когда погасла молния и раздался мощный удар грома, возле сторожевых будок с земли поднялось несколько силуэтов. Даже если бы в эту минуту грянул выстрел, никто не расслышал бы его. Но выстрела не было. словно сраженные молнией, поникли головой сонные фалангисты, выпустив автоматы из рук. В ту ночь многие посты лагеря остались без охранников. Вскоре стальные ножницы проделали проходы в проволочных заграждениях. Селестино подскочил к одному из барачных и рванул дверь.

— Компаньерос, вы свободны! — закричал он, вбегая в

* Геррильерос — партизан.

барак. — В проволочных заграждениях есть проходы. Ступайте скорей, пока не поздно.

С грязных нар поднимались оборванные, изнуренные голодом люди. Они не верили своим ушам. Они растерянно озирались вокруг и думали: «Вот еще один сошел с ума от пыток...»

Но Селестино совал им в руки отобранные у фалангистов автоматы и торопил:

— Скорей, товарищи, скорей! Там наши бойцы. Они вас проводят.

Из барakov выбегали полуодетые люди. Они толпились у проходов в ограде, цеплялись за колючки, спотыкались и снова бежали вперед. Одного за другим их проглатывала ночная темень, укрывала серая мгла проливного дождя.

Над шоссе, там, где был дорожный пост фалангистов, взвилась красная ракета. Через несколько секунд сквозь ночную тьму полетели светящиеся осы. Началась стрельба и со стороны городка. Покинув лагерь, Селестино вместе со своими бойцами открыл ожесточенный огонь по преследователям.

Гроза тем временем стала стихать. Воздух тревожили только отдаленные раскаты грома да треск выстрелов. Плотнo прижавшись к земле, Селестино продолжал отстреливаться.

Выстрелы разбудили Луиса Вентэро. Где-то недалеко дробно стучал пулемет. Шум нарастал с каждой минутой. Чувствовалось, что стрельба приближается к поселку.

Вентэро услышал, как кто-то тяжело спрыгнул с забора. Вскоре раздался слабый стук в окно.

Вентэро присел на кровати. Дрожь пронизывала его тело. Неужели пронюхали обо всем, пришли арестовать и его? Нет, он так легко в руки не дастся!

Он наклонился и в ногах постели, под матрацем, нащупал что-то жесткое. Раздвинув слежавшуюся солому, он извлек револьвер, зарядил его и бесшумно, на цыпочках, стал подкрадываться к выходившему во двор окну.

В стекло снова постучали. Вентэро прислушался.

— Падре, салва ме! *

Вентэро распахнул ставни. Под окном, прислонившись к стене, стоял Селестино. Губы его двигались почти беззвучно:

— Я ранен, падре. За мной гонятся, скоро они будут здесь.

Несколько пуль врезалось в цоколь дома. Стреляли тут же, за поселком. Яркие огоньки вспыхивали и гасли между стволами вековых сосен. Вентэро рывком открыл дверь и выбежал во двор. Сильные руки рыбака подхватили падающего Селестино...

* — Отец, спаси меня!

Расспрашивать было некогда. Вентэро поспешил к пристани, уложил Селестино на дно лодки и завел мотор. Лодка, подскочив, рванулась вперед и понеслась в море.

Поселок и береговые скалы скрылись в тумане.

— Селестино, скажи хоть слово! Что случилось?

Селестино лежал без движения. Из его бедра сочилась кровь.

Вентэро не стал отдаляться от берега. В густом тумане легко было сбиться с курса. У самого же берега лодке в любое мгновение грозила опасность налететь на подводные скалы. Вентэро правил наугад. Острое чутье рыбака и привычная дорога облегчали ему задачу. Вскоре моторка подошла к скалистой пещере Черного мыса.

При мутном свете масляного светильника в пещере, понурив головы, сидело человек тридцать партизан. Посасывая сигареты, они молчали. Слишком тяжела была для них потеря командира. Правда, отряд значительно пополнился, но не вернулся Селестино. Под градом пулеметного огня разведчики обыскали весь лес, но не нашли его. Хорошо, если погиб в бою; плохо, если попал в плен!..

Колеблющееся пламя коптилки передвигало на каменных сводах черные тени. Снаружи прорывался в пещеру ветер. Туман постепенно рассеивался. Волны росли и с гулким плеском вливались через расщелину.

— Будет шторм, — пробормотал Санчез и снова опустил голову. — Бедный Селестино!

Партизаны, освобожденные Селестино из лагеря, подкрепляли свои силы. В лагере в течение многих месяцев они питались одной чечевичной похлебкой. Поэтому привезенная Вентэро рисовая каша показалась им такой вкусной, что огромный глиняный кувшин был быстро опорожнен.

Сквозь плеск волн и шум ветра слышался легкий стук мотора. Ребята переглянулись и поднялись на ноги, всматриваясь в искривленную щель, пропускавшую еле брезживший свет раннего утра.

Стук замер. Раздалась песня, тихая, еле различимая.

Вход в пещеру закрыла большая тень. Показался черный просмоленный нос моторки. Полуодетый Вентэро работал веслом. На дне лодки лежал истекающий кровью Селестино.

В пещере воцарилась тишина. Лодка подошла к причалу. Старый рыбак бережно перенес сына на каменную площадку и склонился над ним:

— Селестино, сынок, скажи мне хоть что-нибудь... Ты ведь жив. Ты будешь жить, правда? Ты должен жить!

Вентэро разодрал промокшую от крови одежду Селестино. Из раны еще бежала красная струйка.

Старик всхлипнул. Тут бойцы, вначале окаменевшие от неожиданности, словно очнулись. Все кинулись помогать Вентэро. Рана Селестино была промыта и перевязана. Пощупав пульс, Санчез стал успокаивать отца:

— Все будет в порядке. Пульс хороший. Селестино потерял много крови, но это не страшно. Он выздоровеет. Будь покоен, падре!

Его слова убедили Вентэро.

— Сделайте все, что нужно, Санчез, позаботьтесь о нем! Завтра ночью я приеду его навестить. А теперь мне пора. Боюсь, не стряслось ли дома чего. Они обстреливали из пулемета весь поселок.

Вентэро прыгнул в лодку и оттолкнулся от площадки, но, прежде чем направиться к расщелине, обернулся и проговорил:

— Если что-нибудь случилось бы со мной, то... Вы его, конечно, не знаете, но Селестино помнит Марсиано Пенья, рыбака из нашего поселка. Он заменил бы меня... Мы так условились. Аста ла виста! *

— Аста ла виста, падре! — дружно прозвучало в ответ, и Вентэро вышел в море.

На этот раз он решил сделать немного больший круг, чем по пути сюда. Туман окончательно рассеялся, и в утреннем свете ясно вырисовывался берег. Ветер становился все сильнее. Он дул с моря. Багряный небосвод с клочьями тумана у горизонта предвещал шторм. Вентэро круто свернул и направил моторку на Паламосу.

Вдали уже виднелись серые домики поселка, белая песчаная полоса вдоль пристани и редкая рощица мачт рыбацких баркасов. Наконец стали видны и маленькие моторные лодки и...

Вентэро приставил ладонь ко лбу, сощурился и стал всматриваться в одну точку на берегу. От пристани отчалили три моторные лодки. Развернувшись веером, они взяли курс прямо на Вентэро. Его рука инстинктивно выключила мотор. Лодка по инерции еще немного продвинулась вперед, а потом, покачиваясь на волнах, остановилась.

Нет, это не рыбаки. Не так рыбаки выходят в море. Их моторки обычно идут друг за дружкой. В такую погоду, когда, того и гляди, поднимется шторм, рыбаки вообще не вышли бы в море.

Лодки приближались с предельной скоростью. На них уже вырисовывались неподвижные согнутые фигуры. Вентэро растерялся. Что делать? Повернуть обратно в море? Но далеко все

* — До свиданья!

равно не уйти: нехватит бензина. К тому же неизвестно, ищут ли они именно его, Вентэро. Возможно, здесь какое-то недоразумение...

Одна из лодок продолжала идти прямо на него, две другие свернули, явно окружая его, держась на расстоянии выстрела. Да, теперь было ясно: они гонятся за ним, но скрываться уже поздно.

Вентэро взялся за ставные сети и стал забрасывать их в море как ни в чем не бывало. Он осторожно вынул из кармана заряженный револьвер и засунул за чулок.

Средняя лодка подошла совсем близко. На ней выключили мотор, и она плавно скользила по воде. Над бортом торчало семь голов и семь стволов автоматов. Вентэро вздрогнул и тут же почувствовал сильный толчок. Несколько рук цепко ухватились за просмоленный борт его моторки, и три фалангиста соскочили на дно ее.

— Манос арриба! *

Два фалангиста направили дула автоматов на рыбака, третий принялся выворачивать его карманы.

— Откуда едешь, проклятый?

— Да вот хотел забросить сети подальше в море, а надвигается шторм. Думаю, здесь будет лучше...

— Ну, и кого же ты собирався вылавливать? Не партизаны ли?

— Сеньор, да разве партизаны водятся в море? Много лет рыбащу, а ничего такого мне не попадалось.

— Ах, не попадалось! И даже сегодня ночью? А что это здесь за кровь?

Вентэро опешил. Только сейчас он разглядел кровь на дне своей лодки.

— Не знаю, сеньор. Я сегодня в первый раз за несколько месяцев снова вышел в море. Не пойму, откуда она взялась.

— Отлично, садись и показывай, куда ты их отвез, или же... — Фалангист приставил дуло автомата к груди Вентэро. — Выбирай.

Тем временем подошли остальные лодки. Вентэро стоял, раздумывая, большой, сильный и спокойный, словно вечность отделяла его от смерти.

Издорванные в лохмотья тучи, только что лежавшие над горизонтом, нависали теперь над самой головой. Рокот волн нарастал. Резкие порывы ветра гнали к берегу огромные массы воды. Море загрохотало и закипело, уподобляясь гигантскому водопаду.

Вентэро решился:

— Хорошо, сеньорес. Едем...

Одной рукой он ухватился за руль. Снова взвыл мотор. Лодка описала круг и взяла курс на север. Трое фалангистов уселись позади Вентэро, держа автоматы наготове. За ними последовали остальные лодки.

Они приближались к мысу св. Себастьяна. Впереди начиналась полоса подводных скал, к которым никто еще не осмеливался приближаться в бурю. Разбиваясь о берег, волны взлетали высоко в воздух и рассыпались мельчайшей водяной пылью, застилая выщербленные скалы белым туманом. Вентэро правил, угрюмо глядя на дно лодки.

«Селестино, сынок, ты не умрешь... Тебе надо жить... Ты должен продолжать борьбу и победить...» — думал старый рыбак.

Из клокочущего моря вдруг поднялась огромная, облепленная зеленоватыми водорослями скала. «Пора!» — сказал про себя Вентэро.

Мотор взвыл еще громче, зрачки фалангистов расширились от ужаса. Вентэро пригнулся и выхватил револьвер. Один за другим прозвучало несколько выстрелов. Лодка круто налетела на мыс.

Послышался треск. Вентэро ощутил сильный удар в грудь. Он перевернулся в воздухе и упал на мокрый камень. Руки его пытались ухватиться за гребень скалы, но пальцы только скользили по слизистым водорослям. Волна подхватила его и снова ударила о скалу. И тогда он почувствовал, что его затягивает водоворот...

День спустя рыбаки нашли на берегу между св. Себастьяном и Черным мысом несколько трупов.

Один из них рыбаки опознали.

Валенсийский залив блестел и переливался на солнце, как полукруглое зеркало, забытое великаном-цирюльником на восточном берегу Иберийского полуострова. От легких дуновений ветра море лениво раскачивалось, на отмель набегали сонные волны и, перебирая ракушки, с тихим плеском впитывались в песок.

Весной, после теплых мартовских и апрельских дождей, на плодородной валенсийской равнине распускается такое множество цветов, что окрестности города становятся похожими на сплошной цветник. Моряки утверждают даже, что судам, плавающим в Средиземном море, не нужен компас: капитаны-де ориентируются по запаху цветов, льющемуся с испанского побережья.

Но совсем иначе выглядит сама Валенсия. Если, миновав рисовые поля и апельсиновые рощи, въехать в город, создается такое впечатление, словно вы из благоухающего сада попали вдруг в душную баню. Тонкие кирпичные стены домов накалены от солнца. Зелень можно встретить в немногих пальмовых аллеях, в зоологическом саду или в садах, окружающих виллы миллионеров, а цветы вы найдете здесь только в руках цветочниц.

Если же по кривым и узким улицам вы забредете в старый город, то зеленые тона вы увидите лишь на тусклых стеклах в

бюшках сырых подвальных квартир, на кувшинах с оливковым маслом, которое ценится здесь дороже жизни, и на изможденных лицах жителей, лицах, принявших от безысходной нужды оттенок позеленевшей бронзы.

В этой-то части города, на узкой и кривой, как кожура банана, улочке, родился и рос Марк, сын рабочего по фамилии Сантьяго.

Отец Марка был слеп. Он потерял зрение на мадридском фронте после тяжелого ранения в голову. В 1936 году, когда столица Испании была в опасности, Сантьяго, тогда уже пожилой человек, оставил родную Валенсию и добровольно вступил в ряды республиканской народной армии. Мать Марка спустя несколько месяцев погибла во время одного из налетов итальянской авиации, которая ежедневно бомбила рабочие кварталы Валенсии.

Наемники генерала Франко после трехлетней борьбы сломали упорное сопротивление народной армии. Сантьяго в это время находился в госпитале. Фашисты бросили слепого республиканца в концентрационный лагерь и мучили его там четыре года. Несчастного освободили только тогда, когда здоровье его было окончательно подорвано. Вернувшись в Валенсию, Сантьяго нашел своего сына заметно выросшим. Жил мальчик у соседей, в семье старых республиканцев, все сыновья которых погибли на фронте. Таких семей в Испании было много.

Отец и сын поселились в сыром и темном подвале на одной из тесных улиц старого города, где Сантьяго прожил большую часть своей жизни. Вместе с ними в подвале водворился и третий жилец — голод, не покидавший их ни на минуту.

— Марк, — сказал мальчику однажды отец, — я знаю много хороших песен, но не могу один ходить по городу. Возьми гитару и пойдем со мной. Попробуем заработать себе на хлеб.

— Пойдем, отец, — ответил Марк. — Когда я стану большим и начну работать, ты сможешь спокойно сидеть дома. Я буду заботиться о тебе.

— Это не так-то легко, сынок. Была бы республика — другое дело. А теперь... Эх, Марк, ты еще слишком мало знаешь жизнь.

Изо дня в день бродили они по дворам богатых кварталов, по площадям и улицам Валенсии. Неприятная это была работа! Когда Марк с отцом заходили в чей-нибудь двор, дети богачей издевались над ними. Случалось, что как раз в тот момент, когда старый Сантьяго, не закончив петь, поднимал свои незрячие глаза к окнам, какой-нибудь озорник, отогнув штору, набирал полный рот воды и выплевывал ее в лицо старику. А иногда вместо блестящего дура на асфальт падал кусок гнилого арбуза или засохший кактус.

Эти выходки заставляли Марка дрожать от негодования. Если б он мог добраться до обидчиков! Но сделать это было нелегко, да он ничего и не добился бы: его попросту вышвырнули бы из чужой квартиры, словно горшок с кактусом. Ему не оставалось ничего другого, как брать слепого отца под руку и уходить.

Из всех дней больше всего Марк любил воскресенье. В этот день они не скитались по дворам, а пели на городских площадях. Там собирались свободные от работы люди и, держась группами, обсуждали разные новости.

Вокруг уличных певцов толпились рабочие, которые целую неделю гнули спины на рисовых полях, на фабриках и в садах крупных землевладельцев. В воскресенье они выглядели моложе, красивее и веселее, чем в другие дни. Сперва они спокойно слушали певцов, потом воодушевлялись и один за другим подхватывали песню.

Валенсия, наша гордость, нет числа твоим садам!

День придет — твои деревья все плоды подарят нам.

Рабочим нравилась эта песня, и шапка старика постепенно наполнялась медяками. Вечером, вернувшись домой, Марк и его отец ели душистый хлеб с вареными морскими крабами. Им казалось тогда, что стены подвала стали светлее.

Однажды, когда люди в домах прятались от зноя за опущенными шторами и на улицах не было ни души, отец сказал: — Марк, пойдем петь сегодня на пляж. Там загорают богатые люди. Может быть, нам посчастливится заработать на ужин.

— Хорошо, отец.

На набережной через открытые окна домов доносилась музыка. Один за другим мчались мимо автомобили. Моторы гудели, как пчелы в ветвях цветущих акаций.

Пряча головы в тени огромных зонтов, на пляже лежали обнаженные люди. Вдали покачивалась на волнах темная рыбацья лодка.

— Станем сюда, под пальму, — сказал Марк отцу. — Споем про наш город. Здесь много народу: песня, наверное, понравится.

Старик положил шляпу на песок и начал петь.

Из-под пальцев полились тихие звуки гитары, чистые и прозрачные, как воды Средиземного моря.

С горячего песка поднялся длинный, словно высохший человек, похожий на камышовую трость. Его костлявые пальцы были унизаны сверкающими перстнями. Он схватил камень и подбежал к певцу.

— Попрошайки проклятые, кто разрешил вам петь респуб-

ликанские песни? Убирайтесь прочь, или я расшибу вам головы!

Тяжелый камень шлепнулся в шляпу старика.

Песня оборвалась. Только пальцы Марка все еще дрожали на струнах гитары.

— Ах, ты не слушаешься? Ну, так я покажу тебе!

Незнакомец ударил Марка кулаком по голове. Мальчик упал на колени, но сейчас же вскочил, размахнулся и изо всех сил ударил обидчика по лицу гитарой. Зазвенели струны, и гитара рассыпалась на мелкие куски.

Незнакомец на минуту остолбенел, потом пришел в себя и с яростью набросился на старика и на Марка, ловко уклонявшегося от ударов. Слепой, потеряв равновесие, упал на песок. Марк помог отцу подняться и быстро потащил его прочь.

Когда они добрались до своего подвала, отец не был в силах держаться на ногах. Марк сжал голову руками и поклялся:

— Это вам не пройдет даром, негодяи!

У Марка не было теперь гитары, отец же чувствовал себя плохо и не мог подняться с постели.

Что делать? К кому обратиться? Где найти работу?

Марк обошел все городские рынки, спрашивая торговцев, не нужен ли им весовщик, но никто не хотел с ним разговаривать.

— Пошел, пошел отсюда, паренек! Живо! Ты, наверное, высматриваешь, что бы стащить.

— Нет, я ищу работы, сеньор. Дома у меня больной отец, ему есть нечего...

— Какое нам дело до твоего отца! — пожимали плечами торговцы. — Здесь не богадельня, а рынок.

На следующее утро Марк встал рано, постарался одеться как можно опрятнее и снова отправился на поиски работы. Он решил обойти парикмахерские. Огромные зеркала, блестящие бритвенные приборы и мраморные столики нравились ему давно. Почему бы ему и впрямь не стать парикмахером?

В первую парикмахерскую его даже и не впустили. Хозяин второй встретил мальчика таким удивленным взглядом, что тот совершенно растерялся.

— Ах, ты хочешь учиться? — смеялся хозяин парикмахерской. — Да ведь ты напустишь на моих клиентов насекомых! — Он взял Марка за ухо и вытолкнул его за дверь.

В третьем месте Марк увидел мальчика-ученика, сидевшего на ступеньках и всхлипывавшего.

— Чего ревешь, глупый? Скажи-ка лучше, не нужен ли твоему хозяину ученик?

— Моему-то не нужен, нас и так двое. Я вот растапливаю

плиту, убираю комнаты, хожу на рынок за провизией. Каждый день хозяин колотит меня. Старший ученик выметает волосы, моет посуду и стирает чехлы. На его долю тоже что ни день достаются побои. Жестокий человек наш хозяин, — закончил мальчик, и слезы снова покатались у него из глаз.

— Не плачь, пойдем со мной. Найдешь другую работу...

— Нет, не могу. Хозяин разыщет и убьет меня.

Спустя несколько дней в одной из гостиниц Валенсии разбился мальчик-лифтер. Марк, ненароком оказавшийся у дверей, пробрался сквозь толпу любопытных и вошел в вестибюль. Он помог отнести пострадавшего в соседнее помещение и собрался было уходить. Но в этот момент какая-то старушка подозвала его, погладила по голове и спросила:

— Ты брат этого мальчика?

— Нет, — ответил Марк. — Я случайно шел мимо. Ищу работы.

— Не будь ты таким оборванным, может статься, хозяин взял бы тебя в лифтеры. Пойдем, попробуем. Правда, жалования тебе здесь не будут платить, но ты будешь получать чаевые и что останется от еды.

Марку посчастливилось. Хозяин гостиницы вовсе не пожелал его видеть и приказал передать только, что принимает мальчика на работу.

Марка гарядили в ливрею с блестящими пуговицами, а на голову надели ему шапочку, на которой золотыми буквами было выведено название гостиницы. Ему показали все помещения гостиницы, лифт и научили, как обслуживать гостей. Уличный певец Марк Сантьяго стал лифтером. Его блестящие пуговицы и расшитая золотом шапочка вызывали зависть у всех маленьких разносчиков, учеников парикмахеров и носильщиков на вокзале. Но жизнь Марка улучшилась не намного. Отец все еще был болен. Мальчик каждый день приносил ему из гостиницы остатки еды и куски хлеба, но денег на врача и лекарство не было. Марку давали чаевые, но этих денег не хватало даже на хозяйственные расходы.

Чтобы хоть немного подработать, Марк должен был выполнять различные поручения. Часто ему приходилось носить с вокзала в гостиницу и из гостиницы на вокзал огромные баулы и чемоданы. Согнувшийся под тяжелой ношей, он напоминал улитку, которая тащит свой дом на спине. Хорошо одетые сеньоры гордо вышагивали вслед за ним и шутили над его выносливостью:

— Настоящий ослиенок!

Марк стискивал зубы и молчал. От ремней, врезывавшихся

в кожу, руки его распухали и синели, словно от укуса скорпиона.

Однажды, возвращаясь с вокзала, Марк проходил мимо красной кирпичной стены цирка. Перед яркими афишами толпился народ. Марк пробрался сквозь толпу и прочел:

«В воскресенье... бой быков... 500 пезет тому, кто победит дикого андалузского быка Барбаро...»

Марк еще раз перечитал эти слова и задумался. Что делать? Отец все хворает, а денег на врача никак не удастся скопить. Может быть, попробовать? За 500 пезет можно было бы снять для отца светлую комнату и вылечить его...

«Попытаюсь», — решил Марк.

Через несколько минут Марк дрожащими от волнения руками приоткрыл дверь в 'контору цирка.

— Чего тебе надо? — неприятливо встретил его худощавый человек в белой соломенной шляпе. — Билеты на галерку давно распроданы!

На мгновение Марк опешил. Где встречал он этого человека, длинного, как камышовая трость? О! Ну, конечно! Это тот самый, избивший отца на пляже! Да, да, это он! Но Марк видел, что незнакомец не узнает его, и стал смелее.

— Сеньор, мне билет не нужен. Я хочу сам участвовать в бое быков...

— В бое быков! — расхохотался долговязый, и лицо его покрылось множеством мелких морщин. — Сколько же тебе лет, дурачина? Да тебя не то что бык — теленок забодает!

Он трясся от смеха, будто в лихорадке. Обождав немного, Марк возобновил разговор:

— Мне уже семнадцать. Я кажусь моложе, потому что мал ростом. Но если бы вы, сеньор, позволили мне, я показал бы, на что я способен.

— А знаешь ты, что Барбаро самый свирепый бык во всей Испании? Он справится с тобой одним рогом! Если же ты пустишься наутек, зрители закидают тебя гнилыми апельсинами. Ну, а теперь хватит. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову!

Марк упрямо тряхнул головой.

— Сеньор, вы избили моего отца, а теперь не даете мне заработать на его лечение. Я вам это припомню!

Он собрался уходить, но выпученные глаза долговязого словно пригвоздили его к месту. Сообразив, наконец, что перед ним тот мальчишка с пляжа, долговязый бросился на Марка с поднятыми кулаками. Марк отскочил в сторону и побежал к выходу. Когда он открыл дверь, сильный удар ногой в спину вытолкнул его на улицу.

Богачи Валенсии нетерпеливо ждали воскресенья, когда должен был состояться бой быков. Фалангистские газеты писали, что республиканцы хотели уничтожить древние традиции испанского народа и потому во времена республики запрещалось лучшее развлечение испанцев — бой быков. Только генерал Франко, уверяли они, восстановил прежний блеск Испании.

Прочитав эти строки, валенсийские рабочие комкали газеты и швыряли их в мусорный ящик. А в домах и виллах богачей готовились к долгожданному зрелищу. Служанки гладили шелковые платья и чистили стекла биноклей, чтобы сеньоры и сеньориты могли получше разглядеть кровь и разодранную одежду тореадора.

Утром в субботу хозяин гостиницы послал Марка на вокзал встречать приезжих. Под огромной стеклянной крышей, шипя и выпуская клубы дыма, остановился мадридский скорый поезд. Марк в своей блестящей шапочке пробрался сквозь толпу поближе к вагонам, чтобы быть на виду.

— Эй, паренек, ты, вероятно, ищешь нас, — сказал кто-то за его спиной. Марк обернулся и увидел стройного плечистого человека. Он, улыбаясь, смотрел на мальчика.

— Ну, Кончита, пойдем, — обратился незнакомец к девушке, стоявшей рядом. — Не отставай от нас. Ты ведь тут впервые.

— Не бойся, отец. Мадрид побольше Валенсии, а я ни разу еще там не заблудилась.

Марк взялся, как обычно, за чемоданы.

— О нет, дружок, — остановил его отец Кончиты. — У меня достаточно сил для нас обоих. Ты лучше покажи нам дорогу в гостиницу.

Марк впервые видел, чтобы приезжие сами несли свои вещи. Это озадачило его. Он не мог понять, должен ли он обидеться или счесть это за признак расположения к себе. Но увидев смеющиеся глаза девушки, он успокоился.

«Они совсем не похожи на других», — подумал Марк и повел девушку и ее отца в гостиницу.

У кассы цирка все еще толпился народ. Марк начал рассказывать своим спутникам, невесело глядевшим на стены огромного амфитеатра, о предстоящем завтра зрелище. Кончита внимательно слушала его, а когда Марк упомянул о диком быке Барбаро, она повернула к отцу свою кудрявую голову и спросила:

— Ты слышал? Завтра на арену выпустят самого свирепого в Испании быка...

— Ничего не поделаешь, дочка.

В гостинице Марк проводил новых постояльцев на шестой этаж, до дверей их номера.

— Если вам что-нибудь понадобится, позвоните, — деловито сказал он. — Меня зовут Марк Сантьяго. Не почистить ли вам башмаки?

— Нет, Марк, мы привыкли делать это сами, — сказал отец Кончиты и опустил руку в карман. — Тебе, наверное, нелегко здесь живется. Не обижайся, если я попрошу тебя взять немного денег за то, что ты привел нас сюда.

Он вынул деньги и протянул мальчику. В таких случаях Марк обычно улыбался и вежливо благодарил, но на этот раз он так смутился, что не мог выговорить ни слова. Он подумал об отце, к которому нужно вызвать врача, подумал о темном подвале и постоянной нужде и, неожиданно для себя, слегка оттолкнув руку с деньгами, гордо и спокойно сказал:

— Спасибо, сеньор. Я не возьму денег. Не нужно... Я вам ничем не помог.

— Возьми, возьми, — уговаривал его приезжий. — Может быть, матери твоей пригодятся.

— У меня нет матери, сеньор... Ее убили фашисты.

— Фашисты? Не произноси этого слова, Марк. Если хозяева твои услышат, что ты так говоришь, они засадят тебя в тюрьму.

Марк окончательно растерялся. Он почувствовал, что краснеет до корней волос. Потоптавшись на месте, он направился к двери.

— До свиданья! Если вам что-нибудь понадобится, позвоните...

Марк спустился в вестибюль. Он впервые не принял чаевых, отказался от денег. Почему? Он и сам не знал хорошенько. Просто ему вдруг показалось совестным брать деньги от людей, которые по-человечески отнеслись к нему. Целый день Марк ждал, что в дверях лифта покажутся новые постояльцы, но так и не дождался. Только поздно вечером, когда он сменил блестящую ливрею на свои лохмотья, в вестибюле остановилась клетка лифта и из нее вышла Кончита. Мальчик, стыдившийся своей одежды, хотел спрятаться, но Кончита заметила его.

— Марк, ты, наверное, уже освободился. Мне хочется немного подышать свежим воздухом. Покажешь мне город?

— О, с удовольствием!

Они вышли из гостиницы. Улицы были переполнены людьми. На темносинем небе мерцали звезды. В сумерках огромные здания напоминали сказочные дворцы.

Марк шел рядом с Кончитой, рассказывал ей о Валенсии, называл улицы и, наконец, остановился у своего подвала.

— Теперь мне пора домой. Отец ждет меня. Он болен.

— Отец? — переспросила Кончита, и Марк рассказал ей все про своего отца.

— Не одному тебе живется плохо, Марк. Таких, как ты, в Испании сотни тысяч. Тяжело стало жить в нашей прекрасной стране!

Марк не понял, что хотела этим сказать Кончита. Он решил, что это обычное выражение сочувствия, красивые слова, за которыми скрывается равнодушие и которые всегда были ему неприятны. Но сейчас он не рассердился, потому что девушка говорила как-то так, что он не мог на нее обидеться.

Прощаясь, Кончита пообещала купить завтра билеты в цирк — себе и Марку. Ей не хотелось одной ходить по незнакомому городу. У мальчика загорелись глаза.

— А разве твой отец не пойдет? — спросил он.

— Нет, он не может пойти вместе со мной, — ответила девушка, и они расстались.

Рано утром в воскресенье жители Валенсии были разбужены звуками фанфар и барабанным боем. По центральной улице несли огромные плакаты, на которых был нарисован дикий бык Барбаро. Сейчас же следом за барабанщиками и фанфаристами началось пестрое шествие тореадоров. Многие из них уже не раз смотрели смерти в глаза, добывая свой скудный заработок. Богатые сеньоры и сеньориты аплодировали им и бросали из окон цветы. У кассы происходили настоящие схватки из-за билетов. Впервые за несколько лет в магазинах были распроданы все цветы, все гнилые апельсины и все тухлые яйца.

В четыре часа пополудни открылись ворота цирка. Люди хлынули по улице сплошным потоком. Амфитеатр наполнился зрителями.

Внизу, рядом с помещением для быков, собрались тореадоры. Одетые в пестрые костюмы, с гибкими блестящими шпагами в руках, они допивали вино из бокалов, с деланной непринужденностью переговариваясь друг с другом. Загремела музыка. Толпа заволновалась. Начался парад. Тореадоры с гордым и самоуверенным видом несколько раз обошли арену и ловко перескочили через барьер, отделявший ее от амфитеатра. Прозвучал сигнал, двери приотворились, и на арену легкой рысцой выбежал бык. На мгновение он остановился и поднял выгнутые рога, нюхая воздух.

Через барьер на арену прыгнул тореадор со шпагой и красным плащом в руке. Бык испуганно отшатнулся и пустился бежать. Из амфитеатра вслед ему понеслись дикие крики и свист, нагнавшие на него еще больше страха. Растерянное животное металось в поисках выхода. Его добродушные глаза перебежали

с предмета на предмет. В быка полетели камни и гнилые апельсины. Раздались нетерпеливые возгласы:

— Долой! Назад его, в стойло! Давайте Барбаро!

Двери снова приотворились, и за ними скрылось миролюбивое животное, которое должно было растерзать человека или погибнуть.

Свист и крики стихли. Зрители вытянули шеи. Глубокая тишина вскоре была прервана музыкой.

Разбрасывая во все стороны песок, на арену выбежал огромный бычище. Его красные глаза горели, как угли, горячее дыхание расширяло ноздри, а с губ стекала пена.

— Барбаро! — надрывалась толпа. — Да здравствует Барбаро!

— Барбаро! Барбаро! — кричал вместе со всеми подросток, занимавший место в первом ряду амфитеатра, у самой арены. Это был Марк. Взволнованный видом быка и неистовыми криками, он совершенно забыл о том, что рядом с ним сидит Кончита.

Один из тореадоров плавно перемахнул через барьер и пошел навстречу быку. Вzbешенное животное остановилось, роя копытом песок и злобно следя за человеком с красным плащом, и вдруг угрожающе замычало. Амфитеатр замер. Не стало слышно даже шуршанья шелковых одежд сеньор и сеньорит.

Сотни глаз жаждали увидеть растерзанное тело человека и кровь на арене, чтобы сохранить в памяти это впечатление до следующего боя быков.

Барбаро перестал мычать, фыркнул и, выставив рога, помчался на своего противника. Тореадор размахивал красным плащом и не двигался с места.

Врагов разделяло уже только несколько метров... метр... и в тот самый момент, когда казалось, острые рога неминуемо пронзят грудь тореадора, он ловко увернулся от удара. По толпе пробежало волнение, она зашумела, как лес от порыва ветра. Потеряв равновесие, Барбаро упал на колени, подняв облако пыли. А над его головой в руке тореадора развевался красный плащ. Поднялась буря аплодисментов. Беснующаяся толпа свистела и кричала:

— Оле! Да здравствует Барбаро!

Подстрекаемый криками, бык встал на ноги, тряхнул головой и с ревом снова кинулся на тореадора.

Долго продолжался поединок, но все нападения Барбаро кончались неудачей. Отважный тореадор брал верх над разъяренным животным с помощью неизменного хладнокровия и ловкости. Не раз уже острый клинок шпаги касался затылка Барбаро, приводя быка в еще большее исступление. Животное мчалось прямо на человека и вдруг неожиданно наносило рога-

ми удар в сторону, чтобы вернее поддеть увернувшегося смельчака, но всякий раз страшные рога подхватывали только красный плащ тоreadора.

Зрителям казалось, что Барбаро окончательно побежден. Они были раздражены, разочарованы и щедро награждали быка ругательствами, тухлыми яйцами и гнилыми апельсинами.

Дрожа от ярости, бык тяжело дышал, собирая силы для нового нападения. Тореадор, предвидевший свою победу, спокойно приблизился к быку и набросил на его рога красный плащ. На солнце сверкнул клинок шпаги. В этот момент прекратился град камней, яиц и апельсинов. Стало совсем тихо.

Марк, весь подавшийся вперед, смотрел на арену. На секунду он прикрыл заболевшие от солнечного блеска глаза. Вдруг слух его поразила крик ужаса, вырвавшийся из груди Кончиты:

— Падре!

Схватив Марка за руку, девушка вскочила со своего места. Марк вгляделся в то, что происходило на арене, и побледнел. Только сейчас он увидел, кто был этот бесстрашный тоreadор.

Бык неожиданно сделал несколько огромных скачков и выбил шпагу из рук отца Кончиты. В следующее мгновение один из острых рогов прижал тоreadора к земле. Торжествующие крики зрителей подзадоривали быка. Он поднял своего противника на рога, подбросил в воздух и снова кинулся на него. Остальные тоreadоры тщетно пытались отвлечь внимание Барбаро.

— Спасите! — снова раздался отчаянный крик девушки.

Марк больше не медлил. Он сорвался с места и перескочил через барьер. Схватив валявшуюся на песке шпагу, он стремительно подбежал к Барбаро и вонзил острый клинок в грудь быка. Он забыл обо всем на свете. Он забыл о том, что закалывать быка разрешается только в открытом бою, направляя шпагу спереди, в определенную часть затылка... На его глазах погибал человек, погибал отец Кончиты. Необходимо было спасти его!

Барбаро замычал, отпрянул и в предсмертных судорогах уткнулся мордой в песок.

Марк с трудом поднял тоreadора и, сгибаясь под тяжестью, направился к барьеру.

— Негодяй! Невежда! — кричала толпа. — Убить его! Убить!

На арену посыпался град апельсинов. Поднялся оглушительный шум. Но это не остановило Марка. Он успел перенести раненого через барьер в ту минуту, когда на дощатую стенку всей своей тяжестью навалился издыхающий Барбаро. За барьером Марка встретил тот же человек в соломенной шляпе,

с тростью в руке, который несколько дней тому назад запретил ему участвовать в торриде.

— Жалкий оборванец! Как ты смел заколоть моего лучшего быка? Я тебе кости перебью!

На голову Марка посыпались удары. В глазах у него потемнело; казалось, что он вот-вот упадет рядом с отцом Кончиты.

Раненый пришел в себя и с трудом встал на ноги, опираясь о барьер. Под разорванным рукавом рубашки вырисовывались крепкие мускулы. Человек в соломенной шляпе отодвинулся подальше.

— Лучше пойдем, — сказал отец Кончиты Марку. — Не то я убью кого-нибудь из этих скотов.

Окружавшая их толпа расступилась, и они беспрепятственно покинули цирк. У выхода их ожидала Кончита.

— Уйдем поскорей отсюда, — сказала она. — Пойдем к Марку: ведь в гостинице они могут найти нас!

Спустя полчаса Марк открывал двери своего подвала, пропуская необычных гостей. Он помог сделать перевязку отцу Кончиты и перенес их вещи из гостиницы.

С того дня, как в подвале поселился мадридский безработный Хулио Валдепенья со своей дочерью Кончитой, на плечи Марка легла двойная забота. В свободные минуты он по нескольку раз в день бегал из гостиницы домой и обратно, чтобы принести больным чего-нибудь поесть. Хулио Валдепенья быстро выздоравливал, но отец Марка слабел с каждым днем.

Однажды вечером, возвратясь с работы, мальчик нашел отца мертвым. У его постели сидела Кончита. Девушка подняла на своего друга заплаканные глаза и попыталась утешить его:

— Не горюй, Марк! Не падай духом!

Марк не ответил. Он растерянно смотрел в окно, в которое вливался белесоватый дневной свет. В комнату влетел заблудившийся шмель и загудел, словно нечаянно задетая струна гитары. Марк вдруг ощутил пустоту, огромную и необъятную, как высохшая степь Андалузии. Он упал на колени возле кровати отца и горько заплакал.

Кончита, не двигаясь с места, глядела на своего друга.

«Грозы благотворны, — думала девушка. — Переноса бурю, деревья становятся крепче».

Только когда рыдания Марка стали утихать, она положила ему руку на плечо.

— Выйдем на воздух, Марк. Тут слишком душно.

Марк поднялся и молча последовал за девушкой. С полчаса они ехали на трамвае, увозившем их за город.

Дома сменялись садами, куполообразные вершины пальм — апельсиновыми деревьями, розовые кусты — майсовыми полями и грядками с земляными орехами. Марк не замечал ни уличной сутолоки, ни домов, ни садов: он думал только об отце.

Они сошли с трамвая на самой окраине города. Сначала они шагали по тротуару, потом свернули на дорожку парка, заросшую травой.

В лицо пахло теплым дыханием далекого моря.

— Не грусти, Марк, — заговорила девушка, — посмотри, как прекрасен мир. Как хорошо жили бы здесь люди, если б их никто не угнетал! Посмотри же, Марк, открой пошире глаза! Неужели ты не любишь нашу родину, нашу Испанию?

— Испанию? — отозвался Марк, словно проснувшись. — Да за что мне любить ее? За то, что я живу в сыром подвале, что из-за тяжелых условий жизни умер отец? Скажи, Кончита, за что же буду я любить эту страну? Ведь из всех оливковых и апельсиновых садов, из всей этой красоты и богатства мне не досталось даже простого зеленого листа...

Марк горько усмехнулся. Кончита укоризненно покосилась на упрямый лоб своего друга.

— Не говори так, Марк. Родина не виновата в том, что у тебя ничего нет. Виноваты люди.

— Люди? — переспросил Марк, с недоумением глядя на Кончиту.

— Да, люди. Те, что захватили в свои руки все богатства и красоту земли. Люди, не дающие нам жить.

Точно под тяжестью дум, опустилась голова Марка. Потом он остановился и naïвно спросил:

— Что ты хотела этим сказать, Кончита?

— Я хотела сказать, что гораздо легче впасть в уныние и отвернуться от правды, чем разобраться во всем и начать борьбу.

— Борьбу? Против кого, Кончита?

— Против тех, кто нас угнетает. Против генерала Франко, против фаланги, против фашистской диктатуры. Как ты этого не понимаешь, Марк?

— Но как же я буду бороться? Голыми руками?

— Ищи винтовку, Марк. Борись, как борются партизаны в Астурии, Каталонии, в Мадриде и Барселоне, в горах Гвадарамы и Сьерра Морены. Без борьбы не добудешь свободы. Ты думаешь, мой отец разъезжал бы по Испании тореадором, если б нам не нужны были деньги, чтобы приобрести оружие? Но я вижу, ты ничего не соображаешь. Это хорошо, что ты так любишь своего отца. Но семья и отец — это далеко не все, что человек может любить. Весь испанский народ страдает от ига фашистов и погибнет, если мы не поможем ему. Разве тебе это

безразлично? Мне кажется, будь твой отец жив и здоров, он на твоём месте действовал бы иначе.

— Да, отец сражался на мадридском фронте. Он защищал Университетский городок. Он много рассказывал мне о Мадриде. Скажи, Кончита, разрушенные дома уже восстановлены?

— Нет, Марк. Герника в развалинах. По Мадриду ветер разносит пепел пожаров. Не зажили и никогда не будут забыты раны, нанесённые народу насильниками. Достань винтовку и ступай на помощь, если ты любишь свободу, свою страну и свой народ. Не падай духом в трудную минуту, Марк. Мужественные партизаны даже в застенках Франко смело глядят в глаза смерти. Если мы хотим победить, мы должны быть твердыми, как сталь. Дай мне слово, Марк, что ты станешь таким, что ты пойдёшь с нами!

— Я не могу быть другим, Кончита...

Над городом зажглась вечерняя звезда, яркая, как далекое солнце. Легкий медвяный, сладковато-горький запах наполнял воздух. Кончита и Марк взялись за руки и пошли по направлению к трамвайной остановке. Буря в душе Марка утихла. Он чувствовал себя так, словно после долгого блуждания непроглядной ночью по лабиринту тропинок он, наконец, выбрался, когда забрезжил рассвет, на верную дорогу и поднимался к вершине горы. Внизу простиралась его родная страна, прекрасная Испания, в которой было столько горя и разрушений, но которая дышала и боролась.

Марк и Кончита проходили мимо парковой сторожки.

На выбеленной стене темнели торопливо написанные красной краской слова: «Долой генерала Франко! Долой фалангу! Да здравствует народная демократическая республика!»

Свежая надпись заканчивалась тремя заглавными буквами: «П. К. Э».

— Что это значит, Кончита?

— Это значит эль Партидо Коммуниста де Эспанья *. Разве ты никогда не слышал этого названия?

— Слышал. Отец много рассказывал мне про Пятый коммунистический полк, самый героический в дни гражданской войны.

— Теперь они тоже герои. Они организуют партизанское движение и руководят им, руководят борьбой испанцев за свободу. Франкисты боятся их как огня, а народ слушает их с надеждой в сердце. Это смелые, замечательные люди, Марк.

* Партидо Коммуниста де Эспанья — коммунистическая партия Испании.

— Кончита, а ты и твой отец тоже коммунисты?

— О таких вещах не рассказывают.

Трамвайная остановка была уже близко, и тихий разговор их прервался.

На другой день по улицам Валенсии медленно двигалась небольшая похоронная процессия. Марк Сантьяго тянул двухколесную тележку, взятую им из гостиницы. В тележке, обычно нагруженной чемоданами богачей, полными шелков, золота и бриллиантов, лежало завернутое в старую простыню тело отца Марка. Позади шли только два человека: Хулио Валдепенья и его дочь Кончита.

Тяжелые металлические венки не гремели в тележке, не благоухали вянувшие цветы, не развеивались по ветру длинные траурные ленты с золочеными надписями. Рядом с останками бывшего рабочего, пламенного республиканца и слепого уличного певца лежал только заржавленный заступ.

На цветы и венки у Марка не было денег. Даже если бы нашелся в Валенсии чудак, который купил бы все его убогое имущество, и тогда Марку нехватало бы денег на венок. Он не мог заплатить и тех нескольких пезет, которые необходимы для покупки семи футов земли на одном из многочисленных кладбищ города. Поэтому Марк решил похоронить отца на берегу залива, в дюнах, где находилось старое рыбацкое кладбище. На нем не было ни памятников, ни каменной ограды, но здесь зато никому ничего не надо было платить, ни у кого не надо было спрашивать разрешения.

Через два часа траурная процессия достигла прибрежных дюн. Марк засучил рукава, взял заступ и принялся за работу. Когда лоб его покрылся испариной, Хулио предложил сменить его:

— Давай, Марк, я закончу. Ты устал.

Марк опустил на песок. Его мучило тяжелое, щемящее чувство. Через полчаса зароят в землю единственного близкого ему человека, для которого он жил и трудился. Странно — слезы больше уже не застилали Марку глаза. Он не ощущал отчаяния, разрывавшего вчера его сердце. Осталась только горечь, горечь и ненависть к тем, кто искалечил и преждевременно свел в могилу его отца.

Так же, как отец, каждый день гибли сотни бедняков, так же погибнет и он, Марк, если покорится судьбе. Нет, он не покорится! Недаром дал он слово Кончите, открывшей ему глаза на жизнь. Но с чего начать, как бороться — этого Марк еще не знал, и это казалось ему самым трудным.

— Марк, я думаю, хватит, — прервал его размышления Хулио, отбрасывая заступ и утирая рукавом пот со лба.

Марк уперся обеими руками в осыпающиеся края и спрыгнул в могилу. Кончита принесла охапку травы и подала ее Марку:

— Мягче будет ему лежать.

Когда все было приготовлено, Марк принял из рук Хулио и Кончиты тело отца и бережно положил его на дно прохладной могилы. Накрыв углом простыни лицо покойного, он вылез из ямы и начал бросать туда землю. Среди прибрежных дюн вырос продолговатый холмик. Ветер с моря скоро засыпал его сухим песком.

В тот же вечер Хулио Валдепенья и Кончита уехали в Мадрид. Они оставили Марку свой адрес.

В последнюю минуту на вокзале Кончита сказала ему:

— Марк, если ты, все обдумав, решишься, приезжай к нам. Я найду тебе работу... в горах Гвадаррамы. Только помни: никому ни слова об этом. Даже лучшему другу... До свиданья!

Засвистел паровоз. Кончита вошла в вагон, где ее ждал отец. Марк остался один на перроне. Он смотрел вслед поезду, который набирал скорость, быстро удаляясь по блестящим рельсам. Когда красный фонарь, прикрепленный к последнему вагону, исчез за поворотом, Марка охватило тоскливое чувство одиночества. Почему он не расспросил Кончиту подробней? Почему не посоветовался с ее отцом? Что теперь делать?

Покачиваясь, как пьяный, возвращался он в гостиницу. Наверно, его уже хватились, потому что сегодня он отсутствовал слишком долго. Марк наткнулся на прохожих, и те осыпали его ругательствами. Но он ничего не слышал. Он шел, погруженный в раздумье. И вдруг ему пришла в голову счастливая мысль:

— Вот дурак! Как это я раньше не догадался!..

Он ускорил шаги, торопясь скорее попасть в гостиницу. Его выбрали за долгое отсутствие, но он не обратил на это внимания. Он думал только об одном. Все остальное казалось ему мелким и несущественным.

Вечером, как всегда, гостиница наполнилась фалангистами, съезжавшими сюда с разных концов Испании.

Мальчику часто приходилось чистить их пыльную обувь. Не раз на этих вонючих сапогах Марк видел засохшие пятна крови. Он терпеть не мог такую работу, но в этот вечер он сам начал обходить номера, спрашивал:

— Сеньоры, не нужно ли почистить вам сапоги?

— Вот тебе подюжины сапог! — отозвались из-за первой же двери. — Целую неделю они топтали рисовые поля Сильи и берега реки Хукар в погоне за партизанами...

— И не поймали?

— Их не так-то легко поймать!

— Как хорошо... Как хорошо, что сапоги ваши остались целы после такой дороги! Правда, они запылились, но я их вычищу так, что они заблестят, как новые. Не почистить ли заодно и автоматы, сеньоры? Я вижу, они в глине и песке.

— Ладно, вычисти и автоматы. Чтобы завтра к рассвету все было в порядке! С девятичасовым мы едем в Барселону. Говорят, в Каталонии тоже неспокойно.

— Все будет в порядке, сеньоры. Когда вас разбудить?

— В половине восьмого.

— Успеете, вокзал совсем близко. Давайте-ка сюда и патроны. Они тоже запылились. Буэнас ночес! *

Марк вошел в кабину лифта и спустился вниз. Автоматы и патроны он завернул в кусок старого половика, а грязные сапоги бросил в глубокую нишу на лестнице, где обычно ел свой обед и отдыхал. Там же он скинул костюм лифтера и надел на себя одежду, оставшуюся после отца.

— Прощай, Валенсия! Прощайте, темный подвал, лифт и грязные сапоги! — радовался Марк, вскидывая на плечи драгоценную ношу. — Марк Сантьяго больше не станет унижаться. Он начинает борьбу за свободу своей родины. Скоро я буду с тобой, Кончита!

* — Спокойной ночи!

иния гряда гор замыкала широкую Андалузскую степь с юга. По горному склону, точно стараясь спрятаться от зноя, извивалась почти пересохшая речушка. Под палящими лучами солнца на ее каменистых берегах не жились одни скорпионы да мелькали изнуренные жаждой ящерицы. В период дождей сюда приползали и добродушные черепахи, удивленно вращающие своими круглыми зрачками.

В омутах плавали змеи, и над гниющими водами роились и жужжали москиты, разнося по всем окрестностям малярию.

К востоку от речной долины до самого горизонта тянулась холмистая степь, напоминавшая вдруг застывшую поверхность бурного моря.

Подобно гнездам стрижей, вдоль склона горы лепились ветхие крестьянские лачужки. Некоторые были выбелены известкой; другие, серые и замшелые, почти сливались с осыпающимся щебнем.

Эрмосо — одно из многочисленных селений, которые кольцом окружили Андалузскую степь.

Здесь, у подножья гор, человек строил свое жилище прямо на голой скале. Чтобы хоть как-нибудь просуществовать в этих местах, надо было каждый клочок земли использовать под виноградники, под инжирные и гранатовые сады или бахчи, где сажали арбузы и дыни.

Поэтому каждое утро крестьяне верхом на ослах и мулах измеряли крутой каменистый путь от селения до своих карликовых участков на берегу реки. Посреди серовато-синей пустыни, в речной излучине, образовался настоящий оазис. Эта покрытая виноградниками, тенистыми оливковыми рощами и пышными пшеничными полями земля принадлежала сеньору Монте. На самом берегу, за высокой каменистой оградой стоял окруженный персиковыми и гранатовыми деревьями белый дом владельца имения.

В нем жил сеньор Монте, его сын Луизо, командир местного отряда фалангистов, и служанка Лауренсия, дочь одного из эрмосских крестьян.

Неподалеку от дома сеньора Монте, за высокой степной травой, жались к скале едва заметная крестьянская хибарка. Человека здесь не радовали ни шелест сочной листвы инжира, ни янтарный блеск зреющего винограда, ни простертые к солнцу ветви персиковых деревьев. Здесь, в расщелинах горного сланца, росли только колючие кактусы да хрустела под подошвами алпаргатос выжженная солнцем трава. В эту лачугу, похожую на небольшой овин, возвращались после тяжелого трудового дня на несколько коротких ночных часов батраки сеньора Монте — Эдуард Бласкез и его жена Изабелла.

Ближе к реке возвышался обвитый виноградными лозами гранитный столб. Здесь был устроен артезианский колодец. Другого источника питьевой воды поблизости от Эрмосо не было. Никто не знал, почему этот коричневый, даже несколько мрачный на вид столб назывался Белым колодцем. Может быть, это название было связано с непрерывно бегущей светлой струей, стекающей в каменную выбоину. А может быть, оно возникло потому, что крестьянки Эрмосо так ценили прохладную воду, которую бережно набирали каждое утро в глиняные кувшины и со смехом и песнями уносили вверх по крутой каменной лестнице.

Хибарка Эдуардо Бласкеза стояла в стороне от селенья, на самом солнцепеке. Днем она пустовала. Однажды, поднимаясь с кувшинами, полными воды, по каменной лестнице, женщины разговорились между собой:

— Глянь на эту лачугу, у Белого колодца! Целый день в ней ни души. Уж сеньор Монте умеет выжимать соки, будьте спокойны! От зари до зари гнут спины его батраки. Уж он ни минуты отдыха не даст никому...

— О мать божия! Когда же, наконец, это кончится! — глубоко вздохнула другая женщина, останавливаясь, чтобы перевести дух.

Третья, смахнув со лба крупные капли пота, сказала:

— Будь Адольфо дома, старику не пришлось бы так тяж-

ко батрачить. Но делать нечего! Сеньор Монте знает, что Адольфо — коммунист и был командиром в республиканской армии. Бедный Адольфо! Наверное, и тебя вместе с бойцами Интернациональной бригады давным-давно сгноили во французских тюрьмах! А сеньор Монте мстит твоему престарелому отцу... Бедный Адольфо! Ведь какой был здоровенный да славный парень!..

Седоволосая крестьянка вытерла слезы углом черного головного платка. Заметив это, одна из ее спутниц обратилась к ней:

— О чем плачешь, глупая, о чем убиваешься? В наше ли время поминать семью да любовь? Все очерствели теперь. За чем далеко ходить: та же Лауренсия, невеста Адольфо... Подумать только — прислуживает Монте! Говорят, что сын старого Монте, Луизо, живет с ней. А когда мы были молоды... да позволь себе девушка что-нибудь подобное!.. Да лучше уж смерть у позорного столба!

— Замолчи! — толкнула болтуню в бок стоявшая рядом женщина. — Смотри, Лауренсия идет за водой!

— За водой, которая освежит проклятую глотку Монте! Пойдем. Глаза бы мои не глядели. Дай срок, расправятся с ними со всеми партизаны Фернандо!

Крестьянки подняли свои кувшины и, слегка покачиваясь, зашагали вверх по каменным ступеням.

Со стороны реки донесся нежный голос девушки:

Прогони мою печаль
Ты, бодрящая струя,
Чтоб легко летела вдаль
Песня звонкая моя.

Поставив кувшин на край каменного колодца, Лауренсия легко наклонилась, набрала в горсть воды из позеленевшей от времени медной трубы и с жадностью напилась. Выпрямившись, она провела мокрой ладонью по загорелому лбу, обрамленному блестящими черными косами. Струйки воды потекли по ее щекам. Лауренсия долго задумчиво глядела вдаль: казалось, взгляд ее ищет кого-то среди простора однообразной равнины. У подножия далеких гор прозвучал выстрел. Лауренсия очнулась и подставила пузатый кувшин под серебристую струю. Наполнив оба кувшина, девушка поставила один себе на голову и быстро зашагала к дому сеньора Монте.

Навстречу ей по неровной пыльной тропинке ехал верхом на осле крестьянин. Лауренсия издали узнала его: это был Бласкез. Болтая свисавшими почти до земли ногами в алпартатос, он подгонял осла камышинкой:

— Ого-го, поторапливайся! Через час нам с тобой надо вернуться на бахчу. Ну, не мешкай! Ого-го!

Они встретились у самого дома Бласкеза.

— Как живешь, Лауренсия? — спросил старик.

Его морщинистое лицо и узкие, прищуренные от яркого солнца глаза осветились улыбкой изнемогающего от усталости человека.

— Как живешь? — повторил он. — Зайди к нам хоть на минутку! Навести мать. Она все хворает... Очень тяжелые приступы лихорадки.

— С удовольствием зашла бы, Эдуардо, — застенчиво потупившись, ответила девушка. — Но не ждет ли меня сеньор Монте? Надоела мне его вечная брань!

— Зайди, родная! Никто тебя не хватится. Сеньоры забрали с собой гончих и уехали в горы. Мы вернемся вместе. Навьючим осла твоими кувшинами — и тебе легче будет!

Не дожидаясь ответа, Бласкез подогнал осла, который наслаждался прохладой, веявшей от кувшинов с водой.

— Бурро, марча тэ *. До дома рукой подать, чего медлишь?

Лауренсия вошла вслед за стариком в пустынный двор. Из лачуги, как обычно, не доносилось ни звука.

Пока Эдуард Бласкез привязывал и поил осла, Лауренсия поставила свои кувшины в тень, чтобы уберечь воду от знойных лучей солнца. Возле потрескавшихся стен хибарки назойливо жужжали осы; они высматривали, куда бы им спрятаться от невыносимой жары.

Когда Бласкез открыл дверь, из хижины пахло сыростью и чем-то заплесневелым. После яркого дневного света здесь показалось темно, и глаза вошедших только мало-помалу стали различать окружающие предметы.

В одном конце лачуги раскрывал широкую черную пасть закоптелый очаг. Над ним, словно одинокий зуб, торчал стальной крюк с подвешенным котелком. В углу стояло несколько пузатых кувшинов, две лопаты, железные грабли и метла из олеандровых веток. На полке была расставлена кое-какая глиняная посуда и виднелся каравай серого хлеба.

У этой же стены под горой лохмотьев лежала на низких нарах Изабелла, жена Бласкеза. В другом конце, за плетеной перегородкой, помещалось зимнее стойло осла.

Изабелла лежала без памяти, с плотно сомкнутыми веками и пылавшим лицом. Ее лихорадило.

— Эдуард, надо бы позвать врача, — тихо сказала Лауренсия.

— Врача? От нашего злополучного селенья до врача нужно ехать целые сутки — как же я смогу позвать его! Даже если бы Монте освободил меня на два дня от работы — на чем при-

* — Ступай, осел!

везу я врача, чем я с ним расплачусь? У меня нет ни единого медного дура! Нет и не будет!

— Но, Эдуардо, как можно? — заволновалась девушка. — Я дам тебе несколько пезет...

Больная пошевелилась и приоткрыла глаза. Узнав Лауренсию, она с трудом повернулась на бок и еле слышно проговорила:

— Девочка моя, и ты пришла ко мне? А вот Адольфо все нет. Неужто я умру, не повидав его? Ох!

Лауренсия подошла к больной, присела на край нар и осторожно поправила свисавшие лохмотья.

— Вернется, мама, не тужи! Полмиллиона непокорившихся ушли через Пиренеи во Францию. Я уверена, что и Адольфо с ними. Я не представляю себе, чтобы он не вернулся! Ведь столько республиканцев выдержало мучения в концентрационных лагерях и тюрьмах, а наш Адольфо не слабей других. Да, мама, я верю, что он вернется!

Слова Лауренсии успокоили больную, и она опустила усталые веки. Лауренсия еще раз поправила покрывавшие больную лохмотья и поднялась на ноги.

Эдуардо сидел на камне у очага и закусывал. Черствый хлеб и оливки составляли его незатейливый обед. Заметив движение Лауренсии, он сказал:

— Сейчас, доченька, я тоже тороплюсь! Погоди, доем эти маслины... До вечера далеко, а работа тяжелая.

Лауренсия не ответила. Мысли ее витали где-то далеко. Стоя посреди хибарки, она смотрела через открытую дверь на сливающуюся с горизонтом нежную синеву гор.

Наконец седоволосый батрак встал и, стряхнув со своих поношенных брюк крошки хлеба, позвал девушку:

— Пойдем, хорошая моя! Вернется наш Адольфо, непременно вернется...

Когда Бласкез поставил в плетенные из лыка корзины кувшины Лауренсии, оба они сели на осла, и Эдуардо прикрикнул:

— Марча тэ, бурро!

Спотыкаясь о кочки, осел побежал мелкой рысцой обратно по той же тропинке к белому дому сеньора Монте.

У садовой ограды Бласкез остановил осла. Соскочив первым, он помог Лауренсии прыгнуть и повынимал из корзины кувшины с водой.

— Итак, родненькая, я тороплюсь на бахчу. Сегодня надо разрыхлить грядки под арбузную рассаду. До свиданья!

— Мучас грасиас, падре! * До свиданья! Только бы хозяев не было дома!..

* — Большое спасибо, отец!

— Не беспокойся! Так быстро с гор не возвращаются, иди смелей!

Эдуардо Бласкез снова уселся на осла. Лауренсия с кувшинами нырнула в тополевую аллею, которая вела к особняку Монте. Белые с серовато-синим узором изразцовые кольца украшали подножия тополей. Между серыми стволами, образуя прохладный зеленый свод, переплетались лозы винограда. Только кое-где поблескивали солнечные зайчики.

Лауренсия открыла тяжелую железную калитку и опешила: во дворе стояли оседланные кони. Гончие собаки, высунув красные языки, бросились ей навстречу. Значит, сеньор Монте с сыном уже вернулись! Лауренсия поставила один из кувшинов на землю и захлопнула калитку. Быстро перейдя двор, она вошла в кухню, дверь которой была почему-то распахнута настежь. Лауренсия настороженно прислушалась. В соседней комнате кто-то стонал. Стоны заглушались тяжелыми шагами и позваниванием шпор. Не успела девушка расставить кувшины вдоль белой изразцовой стенки, как в дверях показался долговязый Луизо, оплетенный яркими фалангистскими ремнями. На одном из ремней висел пистолет, на другом — бинокль, на третьем — планшетка. Узкий, почти разделенный надвое треугольником черных волос лоб Луизо прорезывали глубокие морщины, и от этого лоб казался еще уже. Остановившись на пороге, Луизо пытливо глядел на девушку.

— Лауренсия, — сказал он, прикрывая за собой дверь, — знаешь ты, что случилось?

— Нет, сеньор, — опустив глаза, ответила девушка.

— Отец ранен.

— Как! Сеньор Монте? Кто же его ранил, сеньор?

— Пулевое ранение. Видимо, в него выстрелил кто-то из шайки Фернандо.

— Как! Фернандо? — еще больше удивилась девушка.

— Состояние безнадежное. Скажи, — продолжал Луизо, наклоняясь к девушке так, что она почувствовала на своих щеках его дыхание, — где ты была? К отцу бегала?

— Нет, сеньор, — робко возразила Лауренсия. — Вы знаете, что без разрешения я не бываю в Эрмосо. Я ходила за водой.

— Ты была у Белого колодца? А кого ты там видела?

— Никого. На обратном пути Бласкез меня подвез.

— О чем же он говорил с тобой? — глядя в упор на Лауренсию, допытывался Луизо.

— О чем? Кажется, ни о чем, сеньор. О чем же ему говорить со мной?

— О партизанах, об их командире Фернандо...

— Нет, об этом я ничего не слышала.

— Ты лжешь, Лауренсия, — повысил голос Луизо. — Ты нагло лжешь своему хозяину! Во всем селении только и разговору, что о партизанах.

Заложив руки за спину, Луизо нервно зашагал взад и вперед по кухне. Лауренсия отвернулась лицом к стене и, закусив угол передника, еле сдерживала слезы. Луизо остановился, взглянул на девушку и сказал:

— Лауренсия, не водись больше с Бласкезом, я против этого, пойми! Пора забыть прошлое. Адольфо никогда не вернется. Если я узнаю о том, что ты и впредь будешь общаться с Бласкезом, я заточу вас обоих в Кабезо-Месадскую крепость. Там умеют размягчать даже гранит и учат любить Испанию во главе с генералом Франко. А теперь, Лауренсия, вытри слезы! — стараясь говорить как можно более ласковым тоном, сказал Луизо и, подойдя к девушке, взял ее за плечи и повернул к себе лицом.

— Испугалась? Не бойся, детка. Я ведь люблю тебя больше, чего кого бы то ни было на свете. Да, так мы говорили о Фернандо. Скажи, что ты о нем знаешь?

— Ничего... Знаю только, что это вождь партизан, что он неуловим, вот и все.

— Завтра мы его изловим. К нам будет послано подкрепление из окрестных селений...

Спохватившись, Луизо осекся, но тут же снова заговорил:

— Скажи мне, однако, кто тебе рассказал о нем?

— Никто не рассказывал.

— Откуда же ты о нем знаешь?

— Да я ничего больше о нем и не знаю. А что он руководит партизанами, что он неуловим — вы и сеньор Монте сами твердите об этом с утра до вечера. Как же мне этого не знать? Заткнули бы вы мне уши — тогда...

— Лауренсия, ты переходишь границы вежливости, — проворчал Луизо и, сжав тонкие губы, снова зашагал из угла в угол. — Ты не ценишь моего отношения к тебе. Почему ты не хочешь понять, что твое будущее, твоя жизнь в моих руках? Стоит сказать мне слово — и ты погибла. В тайных фалангистских архивах учитывается каждый твой шаг. Только за то, что ты являлась когда-то с коммунистом Адольфо, тебя давным-давно можно было заточить в тюрьму или повесить. Со многими мы так и расправились, но тебя я взял под защиту. Я надеялся, что верной службой моему отцу и мне ты искупишь заблуждения юности. Поэтому я и предложил тебе на выбор: тюрьму или наш дом. Надеюсь, ты не забыла об этом?

Луизо замолчал и посмотрел в лицо девушке, которая не могла скрыть тревоги. Затем он улыбнулся и продолжал уже совсем другим тоном:

— Ладно! Расседлай коней, накорми собак и можешь тогда навестить своего отца. Поболтаешь с подружками. Ты ведь давно не была там. Только к вечеру возвращайся! Понятно?

Луизо ушел в соседнюю комнату, где лежал его раненый отец. Оставшись одна, Лауренсия, не раздумывая, переоделась в праздничное платье и выбежала во двор. Отведя коней в стойла и бросив собакам еду, она вышла из ворот.

Девушка направилась к Белому колодцу, откуда по каменным ступеням можно было пройти в Эрмосо. Еще издали она увидела, что у колодца стоит человек. Приблизившись, Лауренсия разглядела его. Это был странник. Заметив девушку, он вздрогнул, но тут же, овладев собой, обратился к ней с обычным приветствием:

— Буэнас диас, сеньорита! *

Старческий голос его был нетверд.

— Буэнас диас! — ответила Лауренсия. — Не в Эрмосо ли вы направляетесь? Тогда нам по пути.

— Прекрасно, девушка, прекрасно! Вот только утолю жажду, и пойдем. Старику нелегко взбираться в гору.

Подождав, пока странник напился, Лауренсия подставила ему плечо, чтобы он мог на нее опереться.

Они стали медленно подниматься по ступеням.

— Скажи, девушка, — нарушил молчание странник, — кто живет вон в той хибарке за колодцем? Ну и домик! Чуть побольше раковины улитки...

— Там живет Бласкез, батрак сеньора Монте.

Рука странника, лежавшая на плече Лауренсии, дрогнула.

— Погоди, дочка, передохнем. Сердце пошаливает.

Девушка остановилась. Старик, тяжело дыша и не сводя глаз с лачуги Бласкеза, свободной рукой держался за сердце.

— Ты говоришь, Бласкез. Я его знал когда-то. Были у него жена и сын...

— Да, отец! Жена его, Изабелла, сейчас почти при смерти. Ее замучила лихорадка. О сыне же их, Адольфо, никто ничего не знает.

— У Адольфо, кажется, была здесь невеста. Ходят слухи, что теперь она служит у сеньора Монте и сошлась с его сыном Луизо...

Щеки Лауренсии вспыхнули.

— Ложь! Суцая ложь! — возмущенно воскликнула она.

Странник замолчал. Лицо его покрылось мелкими каплями пота. Его ноги неуверенно нащупывали стертые ступеньки каменной лестницы. Лауренсия чувствовала, как усталый старик

* — Добрый день, девушка!

все тяжелее опирается на ее плечо. Он отдышался и снова заговорил:

— Слышал я, в горах опять появился Фернандо с группой партизан. Ты ничего не знаешь об этом, родная?

— Кое-что знаю, отец. Нынче был тяжело ранен старый Монте. Завтра фалангисты из всех окрестных селений устраивают облаву на Фернандо.

Старик остановился, снял руку с плеча Лауренсии и, присев у обочины дороги, сказал:

— Дальше, родная, ступай одна. Я отдохну. Старику трудно шагать в ногу с молодой девушкой. Да благословит тебя господь! До свиданья!

— Хорошо, отец. Я пойду. Мне нужно спешить. До свиданья!

Старик с неожиданной силой пожал протянутую на прощанье руку Лауренсии.

Солнце скрылось за горой. До заката было еще далеко, но Эрмосо уже погрузилось в синева-серую тень сумерек. Жители Эрмосо никогда не видят из своего поселка солнечного заката. Ближайшая гора, словно стена, загораживает западную часть горизонта. Правда, летом иногда парни и девушки взбираются на скалистую вершину — поглядеть, как заходит солнце, но таких смельчаков находится немного. Зато все эрмосские крестьяне могут наслаждаться сказочно-прекрасным в этих местах восходом солнца. Рано утром селение, залитое первыми лучами солнца, представляет собой действительно редкостную картину. Потому, вероятно, его и прозвали Эрмосо*.

Лауренсия уловила в воздухе запах оливкового масла-сырца — верный признак того, что Эрмосо было близко. Аромат оливкового масла так характерен для испанских селений, что даже темной ночью, проезжая по незнакомым дорогам, по одному этому запаху можно определить близость жилья.

Десятки тонких струек дыма сливались над крышами в одно сплошное облако. Каменистый склон горы, к которому жались в беспорядке белые и сероватые домики Эрмосо, напоминал свежую пашню, — столько борозд оставили на нем потоки воды, лившейся в период дождей. Кое-где торчали острия обнаженного гранита, местами темнели красноватые полосы глинистого сланца, постоянного источника пыли, когда сухо и дует ветер.

Лауренсии надо было пройти через все селение, чтобы добраться до лачуги своего отца. Осторожно шагая по наклонным, гладко отполированным подошвами пешеходов каменным плитам, которыми были вымощены улочки, она заглядывала в открытые двери нищенских жилищ, откуда вместе с ароматом горячего

* Эрмосо — прекрасный.

оливкового масла доносились нынче веселые песни и задорный смех. Казалось, горе, покинув Эрмосо, спустилось в долину, в белый особняк сеньора Монте. Да и сама Лауренсия почувствовала радость, очутившись среди этих дорогих ей лачужек, в селении, где она родилась, росла, училась и не раз вместе с шустрым мальчуганом Адольфо взбиралась по скалам на вершину горы—посмотреть на солнечный закат. Хороши родные места, сладок знакомый запах, легко дышится вечерами в горах!

Если б еще Адольфо был здесь!..

Возле белого домика, построенного на скале в самом центре селения, откуда открывался вид на всю долину, шумела толпа мальчишек. На белой стене алела крупная надпись, и к ней поднимались по приставной лестнице фалангисты, вооруженные ведром со смолой и кистями.

— Что случилось? — спросила Лауренсия.

Женщина с грудным ребенком на руках, наблюдавшая эту сцену с порога своего дома, усмехнулась:

— Ночью приходили партизаны, оставили надпись. Я-то неграмотная, но, говорят, здесь призыв к восстанию против генерала Франко. Для нас это не редкость.

Один из фалангистов мазнул кистью по надписи, и тонкие струйки смолы потекли по стене.

Лауренсия продолжала свой путь. Добравшись до родного дома, она стукнула в дверь медным кольцом. Ей отворил отец.

— Дочка, неужто ты? — радостно воскликнул он. — Давненько мы с тобой не видались!

Поздоровавшись с отцом, Лауренсия села у очага. Она рассеянно отвечала на вопросы. Стараясь догадаться, о чем она думает, отец сказал:

— Мать скоро вернется. Погнала коз в горы. Скинь платок, поговорим.

— Нет, отец, у меня мало времени. Я хотела только... Скажи, ты ничего не знаешь о Фернандо?

— Фернандо? — удивился отец. — Что могу я знать о нем? Не пойму, отчего ты спрашиваешь меня об этом.

— Ночью партизаны были в Эрмосо. Я видела сейчас, как фалангисты замазывали смолой надпись...

Лауренсия пристально поглядела на отца. Тот растерялся, потом вдруг побагровел от гнева.

— Не к лицу это тебе, дочь! Тебя прислал сеньор Монте? Неужто ты стала на путь предательства? Нет! Лучше ступай! — показывая на дверь, кричал он. — Ступай и не возвращайся!

Лауренсия закрыла лицо руками.

— Что ты, отец! — прошептала она. — Я не предательница. Партизаны ранили нынче сеньора Монте. Луизо сказал, что

завтра фалангисты ждут подмоги, чтобы поймать партизан. Я пришла сказать об этом кому-нибудь... Пусть им сообщат...

Отец Лауренсии шагнул к очагу и тихо, все еще недоверчиво, спросил:

— Это правда, дочь?

— Правда... Как ты мог подумать? О, горе мне!..

Лауренсия заплакала. Отец обнял ее и пытался успокоить.

— Не плачь, Лауренсия. Я только сейчас понял, как можно иногда по глупости обидеть родную дочь. Я тебе верю, не плачь! Пойду сейчас к друзьям, посоветуемся, как быть. Посиди, мать скоро придет.

— Нет, я не могу. Пора готовить ужин сеньорам. Это все, что я хотела... Теперь можно идти.

Девушка встала, вытерла слезы и поправила на голове платок. Отец свернул папиросу, потом оба они вышли на улицу, погруженную в сумерки. Далеко по ту сторону долины горы были еще тронуты багрянцем заката.

Уже совсем стемнело, когда Лауренсия открыла калитку во двор сеньора Монте; окна в доме светились белым светом карбидовых ламп. В большой угловой комнате мелькала уродливая тень Луизо. Девушка прошла в кухню. Возле остывшего очага лежали, как всегда, собаки-ищейки. Узнав вошедшую, они лениво зевнули и, высунув языки, завиляли хвостами.

Лауренсия проворно развела в очаге огонь и принялась готовить ужин. Затем она наполнила кувшины вином, а вазы виноградом и персиками. Ей страшно было заглянуть в комнаты. Может быть, старый Монте уже умер? А Луизо опять пристанет с расспросами, о чем говорили в Эрмосо. Что это на него нашло неожиданное благодушие — послать ее в гости к родителям, да еще в такой день, когда отец его нуждается в уходе?.. Лауренсия только сейчас начала догадываться о хитрости Луизо; от волнения ее даже зазнобило. Нет, она ничего не скажет ему, ни единого слова!

За стеной звякнули шпоры. Лауренсия затаила дыхание. Дверь распахнулась и вошел Луизо. Лицо у него было желтое, как высохшая апельсиновая корка.

— Лауренсия, наш дом постигло страшное горе! Отец скончался.

Лауренсия ответила не сразу.

Наконец, сделав над собой усилие, она сказала:

— Я выражаю вам свое соболезнование, сеньор.

Луизо прикрыл дверь в комнаты, сел к очагу и, погладив собаку, заглянул в лицо Лауренсии.

— Ты чем-то взволнована. Дома стряслось что-нибудь?

— Нет, сеньор. Отец с матерью совершенно здоровы.

— Отец рассказывал тебе что-нибудь о Фернандо?

— Нет, об этом и речи не было. Откуда ему знать!

— А другие рассказывали?

— А я ни с кем и не говорила. Торопилась домой.

— Ну вот, какая ты неблагодарная! — с упреком промолвил Луизо. — В такую тяжелую для нашей семьи минуту я отпустил тебя к родным погостить, а ты даже не поинтересовалась, о чем говорят в селении. Ничего, завтра они все равно будут пойманы. Подавай ужин! — сухо и повелительно закончил он и прошел в столовую.

В то время как Лауренсия быстро поднималась по каменной лестнице к поселку Эрмосо, странник, сам словно превратившись в камень, долго провожал ее глазами. А между тем как ему нужно было бежать отсюда! Однако страх, что девушка может оглянуться, удерживал его на месте. Но Лауренсия шла совсем спокойно. Видимо, убогий старик не вызвал у нее никаких подозрений. Как только она исчезла за домами, незнакомец поднялся, взял свою палку, вернулся к Белому колодцу и, напившись еще раз, спустился по звонким сланцевым плитам к пересохшему руслу реки. Здесь его скрыли от постороннего взгляда густые заросли олеандров. Кое-где ветви с тяжелыми темнорозовыми гроздьями загораживали ему дорогу. Раздвигая их или легко нагибаясь под ними, он продолжал свой путь. Его бодрая походка говорила об избытке сил. Резким взмахом он откинул полу своей нищенской одежды, извлек из-под нее автомат и, вынув из карманов брюк запасные обоймы патронов, заткнул за пояс.

Когда дорогу ему преграждали прибрежные топи, он обходил их, держась за упругие ветви олеандров. Вспугнутые водяные змеи с плеском уплывали в камыши. Птицы, пившие воду, вскрикивали и улетали в чащу. Только спокойные черепахи не двигались, если нога путника становилась на их панцырь.

Там, где река, изгибаясь, вплотную подходит к горному массиву, незнакомец остановился. С обрыва он долго осматривал окрестности. Вокруг не было ни души. Спустившись к реке, он свистнул.

Из олеандровых зарослей вынырнули двое. Они подошли к пришельцу, пожали ему руку, и один из них спросил:

— Ну как, Фернандо, жив и здоров? Прекрасно! Рассказывай об успехах.

— Некогда. Скорее в лагерь!

Все трое, вскинув автоматы, выбрались из речной долины и направились в горы. Лагерь партизан находился километрах в двадцати от Эрмосо. Чтобы попасть к нему, надо было преодолеть несколько долгих крутых подъемов между гранитными

остриями скал, по щебню, осыпающемуся под ногами. Но особой осторожности требовало передвижение по открытым ложбинам. В сумерки легко было бы наткнуться на фалангистский патруль.

Фернандо и его спутники так быстро шагали по склонам гор, словно ни острый щебень, ни шипы горных растений не мешали им. Не смущал их и лабиринт тропинок. С автоматами наготове они прошли через все перевалы и спустя несколько часов уже подходили к лагерю, обливаясь потом и напоминая людей, только что выбравшихся из воды.

Близ лагеря их остановил патруль.

— Мадрид!»! — произнес пароль Фернандо. Бойцы узнали голос командира и приветствовали его:

— Салуд, камарада! *

Лагерь партизан раскинулся на плоскогорье среди высоких скал. Громадные гранитные глыбы, все в трещинах и осыпях, с северной стороны поросшие сухим мхом, поднимались почти отвесно. В промежутках между этими природными стенами ютились зеленовато-коричневые шалаши из веток горного кустарника.

В наспех сложенных каменных очагах потрескивали горящие сучья. Здесь не приходилось опасаться, что пламя выдаст фалангистам расположение партизан. Высокие скалы загораживали огонь от всего мира, и отсветы его терялись уже в десяти метрах от лагеря.

Партизаны группами толпились у очагов. Одни беседовали, другие тихо напевали. Женщины кипятили в котлах чай, варили ослиное мясо и гороховый суп.

Кое-где между шалашами расхаживали вооруженные бойцы, веревочные подошвы алпаргатос делали их шаги бесшумными.

Фернандо зашел в свой шалаш. Это была настоящая хижина со стенами из каменных плит и густым слоем веток вместо крыши. Положив автомат на жесткое ложе из хвороста, Фернандо зажег светильник и сел на камень. Он чувствовал себя изрядно уставшим. Сняв кожаную флягу, висевшую на ветке, воткнутой в расщелину стены, он отпил глоток прохладного вина, затем встал, вышел из шалаша и потрепал по плечу дремавшего у входа постового.

— Не ждал меня сегодня?

Постовой смущенно вскочил и, подтянувшись, стал оправдываться:

— Товарищ командир, я и вправду не думал, что вы так быстро...

* — Привет, товарищ!

— Ладно, не объясняй, времени у нас мало! Позови главного врача отряда, а потом скажи всем командирам компаний*, чтобы они немедленно явились ко мне.

Повторив приказание, боец спросил:

— Разрешите итти?

— Ступай! — ответил Фернандо. — Только поторопись. Дело срочное.

Боец исчез в темноте, а Фернандо вернулся в шалаш. Отстегнув планшетку и вынув карту, он развернул ее на коленях и принялся изучать все дороги, ведущие в Эрмосо из окрестных городов и селений.

Чуть пригнувшись, в шалаш вошел молодой человек высокого роста — главный врач партизанского отряда, студент последнего курса Мадридского университета Филипо. Поздоровавшись, он сел рядом с Фернандо и спокойно спросил:

— Готовимся к новой операции, товарищ командир?

— Отгадал, — улыбнулся Фернандо и опять сосредоточенно склонился над картой. — Завтра выступим всем отрядом. Каждой компании надо придать санитарный отряд с медикаментами. В горной больнице оставим только самых необходимых людей, а сам ты сегодня же ночью тронешься в путь.

— Ночь хороша, товарищ командир. Рад прогуляться в такую погоду. А куда?

— В Эрмосо, товарищ Филипо. Захвати с собой побольше хинина. В маленькой лачуге у Белого колодца живет наш друг Бласкез с женой. Она давно уже болеет малярией, сейчас ей совсем плохо. Нужно срочно оказать помощь. Старики совсем одинокие. Был у них сын Адольфо... — Фернандо положил руку на плечо молодого врача и пристально поглядел ему в глаза. — Скажи, Филипо, твои родители еще живы?

— Не знаю, Фернандо. Когда я уходил в горы, они были в Мадриде.

— Ты их любишь, Филипо?

— Очень!

— Они, возможно, думают, что ты погиб.

— По всей вероятности, Фернандо. Но не будем говорить об этом.

— Хорошо, не будем. Сам не знаю, почему я завел об этом разговор. Так тебе ясно задание?

— Ясно, товарищ командир. Мне не впервые отправляться на помощь крестьянам. Сколько сот человек я поднял на ноги... Страшно подумать, что делается сейчас в испанских селениях! Малярия, трахома, туберкулез, голод... А франкисты пируют и

* Компания — рота.

живут себе припеваючи. Для народа у них одно лекарство — плетка и автомат.

— Знаю, Филипо. Именно поэтому мы и покинули свои семьи, — чтобы спасти испанский народ. Ступай, друг, торопись. На рассвете мы все пойдем в сражение.

Пожав друг другу руки, они простились. Фернандо задумчиво сидел у светильника, пока в шалаше не собрались все командиры отрядов.

— Завтра из окрестных городков и селений в Эрмосо направляются карательные отряды фалангистов. Оттуда под командованием Луизо Монте они выступят против нас. Повидимому, на этот раз они твердо решили нас уничтожить. Нам надо пресечь их планы в самом зародыше. Этой ночью наш батальон выступит в поход. В лагере останутся только больные и раненые. Все, кто может держать винтовку, пойдут с нами. Каждая компания двинется своей дорогой. Мы устроим засады во всех горных ущельях и неожиданно нападём на колонны фалангистов. Первую компанию поведу я сам.

Фернандо взял карту, подробно ознакомил командиров с общим планом операции и каждому дал отдельное задание. Покончив с этим, он отпустил командиров, чтобы они подготовили бойцов к выступлению, и вышел из шалаша, полного табачного дыма, на свежий воздух. У входа Фернандо встретил командира патрульного взвода, сообщившего ему, что пришли люди из Эрмосо предупредить партизан о завтрашнем нападении фалангистов.

— Скажи им, что нам уже известно об этом, — спокойно ответил Фернандо. — Пусть возвращаются домой и будут наготове. Возможно, нам понадобится их помощь.

Командир патрульного взвода ушел.

Над пустынными грядками гор и глубокими ложбинами синел ночной небосвод. На юге светился золотом Орион, чуть западнее переливалась разноцветными лучами вечерняя звезда. Где-то в долине верещала медведка. Этот монотонный звук напоминал журчанье горного ручья.

Фернандо накинул на плечи теплый шерстяной плащ и направился к бойцам, спешно готовившимся к предстоящему походу.

Не по-обычному начался этот день в белом доме сеньора Монте. С рассветом сюда стали один за другим являться — кто пешком, а кто верхом — местные фалангисты. Оставив мулов и ослов во дворе, они спешили к Луизо, садились за обильно уставленный яствами стол, распивали вино и ждали прибытия подкрепления. Незначительная горсточка местных фалангистов

не осмеливалась выступить в горы одна. Время, назначенное для сбора, прошло — подкрепление, повидимому, где-то задерживалось.

Лауренсия с посудой и кувшинами вина скользила, как тень, из кухни в столовую и обратно. Всегда блестящие живые глаза ее сегодня были усталыми и тусклыми, под ними темнели круги. Смуглый румянец исчез со щек девушки. Казалось, она несколько суток подряд не спала.

— Что с тобой, Лауренсия? — смеялся Луизо, поднимая бокал. — Выпьем за нашу победу, за гибель Фернандо и всего его отряда! Лауренсия, возьми и ты бокал.

Все присутствующие встали и чокнулись. Одна только Лауренсия поставила бокал, поданный ей Луизо, обратно на стол и, опустив глаза, сказала:

— Я не буду пить!.. — и порывисто выбежала на кухню, громко хлопнув дверью. Сюда не доносился ни пьяный говор, ни бесстыдный смех. Здесь зато было слышно другое: в окно точно град стучал...

Лауренсия распахнула дверь во двор. Горячий воздух и яркое солнце обожгли ей лицо. Где-то далеко шла перестрелка.

Глаза Лауренсии загорелись надеждой. Выбежав в сад, она взобралась на каменную изгородь. Внизу, у излучины реки, на арбузной бахче Монте стоял осел Бласкеза, но самого старика не было видно. Вдруг из олеандровых зарослей вышли один за другим вооруженные люди и, рассыпавшись цепью, стали двигаться к дому Монте. Чутье подсказало Лауренсии, что это не были фалангисты. Впереди шагали двое. Лауренсия узнала одного из них. Это был Бласкез. Он шел с ружьем наперевес. Другой был ей незнаком.

Лауренсия поспешно вернулась во двор и, созвав гончих собак, заперла их в хлеву. Потом она снова побежала в сад. Слышно было, как в доме пьяными голосами орали песни.

Вскочив на изгородь, девушка сорвала с плеч алый платок и стала размахивать им над головой. Не было никаких сомнений: это приближались бойцы Фернандо.

Партизаны окружили особняк Монте железным кольцом. Одна группа, вооруженная ручными гранатами и автоматами, вошла во двор, и девушка повела ее за собой. Никто не произнес ни слова.

Партизаны рассыпались под окнами, а Лауренсия, Бласкез и еще двое прошли на кухню. В этот момент дверь из комнаты открылась, и на пороге появился Луизо. Пьяными глазами он бессмысленно смотрел на Лауренсию. Это продолжалось не дольше секунды.

— Молчи, или ты умрешь! — шопотом сказал один из партизан, подходя с наведенным автоматом к командиру фаланги-

стов Эрмосо. Луизо побледнел. Делая вид, что хочет поднять руки вверх, он ловко выхватил пистолет и выстрелил. В ответ на короткий выстрел раздалась очередь из автомата. Луизо качнулся и упал. Обхватив голову руками, медленно соскользнул по стенке на пол и партизан.

В соседней комнате зазвенели стекла, слышались крики и оглушительные разрывы ручных гранат. Сильная взрывная волна распахнула дверь. Из комнаты повалил синий дым.

Партизаны ворвались в дом. Один из них подбежал к раненому товарищу.

— Крепись, Фернандо! Сейчас сделаем тебе перевязку.

Бласкез и Лауренсия бросились к Фернандо. Бласкез наклонился над ним, чтобы лучше рассмотреть рану. По густой черной бороде стекала тонкая струйка крови. Когда раненый очнулся, Бласкез заглянул ему в глаза и вздрогнул.

— Адольфо! — не помня себя, закричал он. — Адольфо!

— Да, отец, — пересилив боль, ответил раненый. Старик опустился на колени перед сыном, гладил его плечо и повторял шопотом:

— Где ты был все эти годы, Адольфо? Где ты был, сынок?

— Я сражался... за ваше счастье, отец.

Лауренсия крепко сжала руку Адольфо, потом прижалась горячим лбом к его ладони. От волнения она не могла найти слов. Посмотрев на нее и прикрывая от слабости веки, Адольфо тихо сказал:

— Не надо ничего говорить, Лауренсия. Я все знаю. Вы должны пойти с нами в горы. Иначе наши враги... вас убьют...

Адольфо потерял сознание. Сделав ему перевязку, санитары подняли его и вынесли в сад. Бласкез последовал за ними. В одной руке он держал винтовку, другой поддерживал Лауренсию.

Вечером, когда жители Эрмосо пришли в себя после дневных потрясений и девушки побежали за водой к Белому колодцу, дверь в хижину Бласкеза оказалась открытой настежь. В хижине не было ни души, так же как и в белом доме сеньора Монте.

Маленькую хижину, где жила семья рудокопов, освещала масляная коптилка. За покосившимся столом сидели трое мужчин. Так, молча облокотившись на стол, сидели они уже долгое время. При тусклом свете коптилки согнутые фигуры отбрасывали на стены причудливые тени. Синим пламенем горели в плите неровные куски каменного угля.

В окна стучал дождь. Время от времени сидевшие поднимали головы, прислушиваясь, но никто не произносил ни слова. Теплый ветер с Бискайского залива принес столько влаги, что она непрерывно лилась из туч вот уже четвертые сутки.

Наконец один из рудокопов повернул почерневшее от угольной пыли лицо и угрюмо посмотрел на дверь. Синий берет, сползающий на затылок, обнажал его седые виски. Лоб его был изборожден морщинами. Ему можно было дать лет пятьдесят.

Продолжая прислушиваться к непогоде, он обернулся к товарищам и глухо проговорил:

— А что, если они не придут сегодня ночью, что тогда?

Двое других испуганно посмотрели на него.

— Что ты сказал, отец? — переспросил юноша с худым лицом астурийца и черными, как смоль, волосами. — Не придут?

* Динамитерос — динамитчики.

Как это не придут? Все подготовлено, а ты говоришь: не придут! Падре, этого не может случиться...

— Молчи, Алонсо! Ты еще слишком молод, чтобы понять, что значит перейти Кордильеры в такую ночь. Все реки Астурии берут там начало. После таких вот ливней вода там не только мулов и людей — целые скалы уносит в пропасть. Ты вот, Алонсо, не знаешь, а говоришь.

Алонсо серьезно и почтительно смотрел на старика, который старался подкрепить свои слова выразительными жестами. Но, подумав немного, юноша снова заговорил:

— Падре, ведь до сих пор случая такого не было. Всегда они приходили во-время. Неужели именно теперь... из-за ливня... Нет, я не могу этому поверить! Скажи, когда нам еще представится такая возможность? В руднике дежурят наши люди. Один час — и все было бы сделано. А если отложить... могут пронюхать, где спрятан динамит. И тогда... Скажи, Альварес, — обратился он к третьему мужчине, — разве я не прав? Я думаю, вода их не остановит, разве что заставит немного опоздать.

Альварес достал из бокового кармана сигарету и прикурил от коптилки. У него были огрубевшие от работы руки, в кожу въелась пыль железной руды.

— Нет, ты не прав, Алонсо, — сказал он. — Многое зависит от случайности. В гражданскую войну мы, астурийские динамитерос, рыли подземные ходы под окопами врага, набивали их динамитом и взрывали. Как-то вечером мне надо было перейти через речку Мансанарес на сторону Каса де Кампо* и взорвать подземную шахту, над которой был штаб батальона франкистов. Целый день лил дождь. Когда я вышел на берег, все мосты были снесены. Река бурлила, как кипящий котел. Но боевое задание надо было выполнить. Я бросился в волны и поплыл. И вот в тот момент, когда я уже терял силы и начинал тонуть, я вдруг увидел ветку, свисавшую над водой, ухватился за нее и выбрался на берег. Я остался жив и выполнил задание. Но ведь могло быть иначе...

— Верно, — подтвердил Эрнандо. — Могло быть иначе...

Ветер во дворе завыл сильнее. Хлопнул ставень. Сквозь шум дождя и вой ветра едва можно было расслышать стук в дверь. Эрнандо вскочил и поспешно отодвинул засов. В комнату вошла женщина, насквозь промокшая от дождя. Она отряхнула брезентовый плащ, вытерла ладонью лицо и спросила:

— Ну, как дела? Можнс?

У мужчин засверкали глаза.

— Все в порядке, Ирина. Веди их сюда. Пусть обогреются, — радостно шептал Эрнандо.

* Каса де Кампо — предместье Мадрида.

Женщина снова ушла. Альварес зажег потухшую сигарету и, улыбаясь, встал.

— Удивительная у тебя жена! Огонь, брат, твоя Ирина. Все сделает! Где моей до нее — пуглива, как заяц. И сама перетрусит и на меня страху нагонит. Алонсо, — он придвинулся к младшему товарищу, — будешь жениться — выбирай настоящую астурийку. Нам нужны бойцы...

Альварес не успел сказать всего, что собирался. Дверь опять отворилась, и в комнату вошла Ирина. Ее сопровождали двое мужчин, закутанные в плащи, с которых струйками стекала на пол вода. Подняв сжатые кулаки, они по-военному приветствовали товарищей:

— Салуд, камарадас!

Алонсо подошел к пришельцам и помог им снять мокрые плащи. Когда гости сели за стол, хозяин дома, Эрнандо, извлек из плиты металлический сосуд с горячим вином, разлил вино в глиняные кружки и предложил:

— Пейте, друзья! Ирина, и ты выпей. Так долго ждать в такую погоду — не шутка. Замерзла, поди, дорогая?

— Ничуть, Эрнандо, — ответила, смеясь, жена. — Я дрожала больше от волнения, чем от холода. Ну, правда, стаканчик можно.

От горячего вина пришедшие мигом согрелись. Прислонившись к стене, они курили сигареты.

— Докурим и пойдем. Как бы ребята не замерзли там вместе с мулами! — заговорил тот, что постарше, выпуская клуб синего дыма.

— С рассветом мы должны вернуться в партизанский лагерь. У вас все в порядке?

— Впервые, что ли? — проворчал Альварес. — Все подготовлено как следует. Правда, ручаться никогда нельзя. В жизни всякое может случиться. Например...

— Ладно, хватит рассуждать, возьмемся лучше за дело, — прервал его старый Эрнандо. — Где носильщики?

— В долине, возле рудников, — ответил один из пришедших. — Мы отправимся туда и будем ждать сигнала. На мулов наших можно погрузить целую тонну. Наберется ли столько?

— Не беспокойтесь. Понадобится — так и две получите, — самоуверенным тоном заявил Альварес, — сумеете только унести. О динамите не заботьтесь. Доставим его сколько угодно. А вы делайте дело, ребята. Чтоб на каждом железнодорожном пути, на каждом мосту ломали себе шею проклятые франкисты! Помните, как на мадридском фронте...

— Довольно, Альварес, — сказал Эрнандо. — Вставайте, идем.

Все поднялись, набросили на себя плащи и вышли. Ирина посмотрела им вслед, закрыла дверь и глубоко вздохнула:

— Хоть бы опять все закончилось хорошо! Бедный Эрнандо, он так устал. Правда, другой жизни для него не существует...

В темноте они разделились. Те двое направились в сторону ложины, а Эрнандо, Альварес и Алонсо пошли к рудникам. Буря все еще продолжала свирепствовать. Острые капли дождя ударили в лицо и стучали о брезентовые плащи. Ноги разъезжались на глине. За всю дорогу ни одна живая душа не попала навстречу рудокопам. Кругом все было погружено во мрак, только на пригорке, у входа в рудник, мерцала, как раскаленный уголек, маленькая электрическая лампочка.

На некотором расстоянии от рудника шахтеры остановились и тщательно осмотрели окрестности. Не заметив ничего подозрительного, они продолжали путь и, наконец, дошли до входа. Опрокинутая водосточная труба стояла у ворот. Это означало, что путь свободен.

Эрнандо три раза позвонил.

— Кто там? — спросил хриловатый старческий голос.

— Твои друзья, — ответил Эрнандо.

— Можете войти, — сказал тот же голос, и маленькая дверца в воротах открылась. Эрнандо, Альварес и Алонсо исчезли в руднике.

Они зажгли шахтерские лампочки и, спустившись в глубину подземелья, стали быстро продвигаться вперед. Они шли по лабиринту шахты, спотыкаясь о куски железной руды, пока не достигли короткого ответвления. Здесь они начали расширять ломом небольшое углубление в стене. Работали все трое молча. Только когда из углубления вывалился массивный кусок руды, Эрнандо отер пот со лба и сказал:

— Все в порядке. Алонсо, прикати вагонетку.

На рельсах загромыхла вагонетка. Алонсо и Альварес вынимали из ниши пачки с динамитом и осторожно укладывали в вагонетку. Нагруженную вагонетку медленно погнали по извилистым коридорам шахты. Так довольно продолжительное время они разъезжали взад и вперед.

Наверху через дверцу в воротах, сгибаясь под тяжелой ношей, проходили темные тени. Они направлялись к ложине, где их ждали товарищи, сторожившие мулов. Наконец мулы были навьючены, и партизаны ушли в горы.

Эрнандо, Альварес и Алонсо задержались в шахте, чтобы припрятать до следующего раза остатки взрывчатых материалов. Проверив динамит и запалы, они стали засыпать хранилище. Когда работа близилась к концу, шахтеры вдруг резко выпрямились, прислушиваясь. По темному подземелью ползли странные звуки, похожие на гул отдаленного боя. Динамите-

оос вопросительно глянули друг на друга. Все было понятно без слов. Они быстро потушили фонарики. Сквозь шум выстрелов каждый слышал биение собственного сердца.

Прошло несколько минут, показавшихся вечностью. Вдруг вдалеке блеснул слабый свет. Ряд темных силуэтов промелькнул в конце коридора, потом все снова погрузилось в темноту.

— Они вернутся, — шептал Эрнандо. — Они могут найти нас... Алонсо, сынок, приготовь запал! Кто знает... Скорей, скорей!

Алонсо встал на колени и руками стал отрывать наполовину засыпанное углубление.

В темноте он нащупал пачку, вынул запал, соединил с динамитом... От волнения у него стучали зубы.

В конце подземного коридора снова блеснул свет. Тени на секунду остановились, как бы в раздумье, затем одна за другой двинулись в сторону рудокопов. Это были вооруженные фалангисты. Впереди, под дулами наведенных на него винтовок, шел с шахтерской лампочкой в дрожащих руках старик-сторож.

— Эрнандо! — крикнул старик, увидев рудокопов. — Я не виноват, поверь мне...

Его ударили прикладом в спину. Он застонал, и шахтерская лампочка покатилась по сырой земле. Эрнандо подхватил ее и поднял высоко над головой. Свет упал на искаженные злобой лица фалангистов. Прислонившись к стене коридора, гордо и бесстрашно стоял Эрнандо.

— Я знаю, что ты не виноват, — сказал он старому сторожу. — Ты герой, ты настоящий астуриец. Прощайте, друзья... Да здравствует свобода испанского народа!

Из стволов винтовок вырвались маленькие огоньки. Эрнандо, не выпуская лампы из рук, упал у стены. Свет погас, Алонсо надавил рукой на запал...

Целый месяц шахтеры работали, чтобы отрыть взорванную шахту, и только когда работа была закончена, они поняли, что здесь произошло.

Если вы спросите меня, как выглядит южная провинция Испании Ламанч, где начались когда-то странствия прославленного идадьго Дон-Кихота и его оруженосца Санчо Пансы, ответить на это не так уж трудно. Вообразите обширное, покрытое волнами холмов плоскогорье, которое со всех сторон окружают невысокие, но дикие горные хребты. Округлые холмы сплошь засажены вечнозелеными олив-

ковыми рощами. Если глядеть на эти рощи с горной вершины, они напоминают огромную, одетую в серебристо-зеленые мундиры армию, застывшую перед началом парада. К этому наброску можно добавить отдельные крестьянские домишки с красными черепичными крышами, небольшие селения в долинах и большие отары овец и коз в горах — и характерные черты Ламанча будут исчерпаны. Чтобы пейзаж получился более законченным, в самом центре его мы нарисуем ветряную мельницу. Правда, теперь она не имеет былого значения. Не слышно, чтобы кто-нибудь принимал ветряную мельницу за великана и вступал бы с ней в бой, хотя дон-кихотов на свете еще довольно много.

Так вот, в одном из небольших селений Ламанча, в Торренаево, — было это уже после гражданской войны, — жил бедный крестьянин по имени Франсиско Гонзалес со своей дочерью Лолой.

Когда Франсиско с другими поселянами случалось засидеться вечером за стаканом вина, среди присутствовавших всегда находились озорники, которые непрочь были подшутить над стариком.

— Франсиско, а что бы ты делал, если бы к твоей красавице Лоле посватался вдруг сам генерал Франко?

— Я бы содрал с него шкуру, набил соломой и посадил на кол на радость людям и на страх птицам.

Мужчины от души хохотали и хлопали старика по плечу, но проказники не унимались.

— Франсиско, ну, а если сейчас, пока ты вытвиваешь тут с нами, в лачугу твою заберется эдакая двуногая крыса, вроде хозяина мельницы сеньора Торрадо, и унесет твою Лолу?

— Сеньор Торрадо? Я бы живо его выкурил. Крысы не выносят огня.

Мужчины хохотали еще громче и чокались. Им нравилось, что Франсиско не лезет за словом в карман, и они часто приглашали его в свою компанию.

Но Франсиско не мог долго оставаться с ними. Летняя ночь пролетала быстро, а с восходом солнца старик вместе с Лолой должен был отправляться на мельницу своего хозяина Торрадо. Поэтому Франсиско и на этот раз рано попрощался, напив на свою седую гриву черную панаму.

— Останься, Франсиско, — пытались удержать его товарищи. — Куда торопишься?

— Домой — помолиться богу, чтобы генерал Франко и сеньор Торрадо поскорее свернули себе шеи. Правда, что-то не верится, что бог услышит мою молитву. Сеньоры, бог и правительство — это святая троица. Они жить друг без друга не могут.

— За твоё здоровье, Франсиско Гонзалес! — кричали мужчины, поднимая стаканы.

— И за погибель святой троицы, — добавил Франсиско. — Амадео, пойдешь со мной? — обратился он к черноволосому и угрюмому на вид юноше, который сидел по другую сторону стола и молча прислушивался к чересчур смелым остротам старика.

Амадео смущенно потупился, скомкал в руках берет и встал.

— Хорошо, Франсиско. Пойдем.

Они вышли на улицу. Лица им обдала сухая прохлада испанской ночи. Светила луна. Крыши домов и оливковые сады казались покрытыми до самого горизонта серебряной пеленой. Из распахнутых узких дверей покосившихся домишек пахло плесенью и оливковым маслом. На площади Роз под переплетающимися лозами винограда тихо звенела гитара и журчали молодые голоса.

В северной части городка под старыми дубами время от времени слышался однообразный крик мула. На стертых гранитных ступенях домишек сидели мужчины и женщины, сонно грызли миндаль и негромко беседовали.

— Франсиско, — заговорил, наконец, Амадео, робко глядя в лицо старика, — можно я провожу тебя до дому?

— Хоть на край света, — ответил Франсиско. — С таким молодцом, как ты, приятно путешествовать. Почему ты так редко бываешь у Лолы? Она ведь всегда ждет тебя. Зайди хоть сегодня.

— На мельнице мы встречаемся каждый день. А домой заходить мне неудобно.

— Эх, Амадео, Амадео! Что вы за молодежь! Я в твои годы через трубу мог проникнуть в дом к девчонке, если дверь оказывалась на запоре. — Он заодно рассмеялся и погрозил юноше пальцем. — Но через трубу все-таки не пробуй: застрянешь и поддурманишься там, как копченый индюк.

В доме Франсиско Гонзалеса было уже тихо. Старик взялся за старое медное кольцо и постучал.

Решетчатое окно приоткрылось, и ясный девический голос спросил:

— Кто там?

— Пусти, Лола, и кстати поговори с Амадео. Он хочет тебя видеть.

— Ну что ты, отец, — вяло запротестовал парень. Но Франсиско уже и след простыл. Амадео в смущении подошел к полуоткрытому окну.

— Добрый вечер, Лола, — сказал он, протягивая руку через решетку. — Прости, что беспокою тебя так поздно!

— Здравствуй, Амадео! Какое же тут беспокойство? Я и так ждала бы отца...

Наступило неловкое молчание. Лола первая нарушила его. Она подошла вплотную к прохладной решетке и тихо спросила:

— Амадео, ты хотел мне сказать что-нибудь?

— Да... о твоём отце. Надо, чтоб он был осторожней. На свете много злых людей. А у него — что на уме, то и на языке. — Амадео приблизился к окну и зашептал: — Он, наверное, и не подозревает о наших делах, иначе вел бы себя по-другому. Ему невдомек, какую беду может он накликать не только на одного себя...

Прижавшись лбом к решетке, девушка отвечала тоже шопотом:

— И я не раз думала об этом. Но что делать? О типографии никому нельзя говорить. Даже отцу. Я могу только попросить его, чтоб он придержал язык, да он не послушается.

Такой уж у него характер, Амадео. Высказывать все, что на душе, он считает делом чести каждого человека.

— Но что-то надо придумать. Нельзя допустить, чтобы из-за его неосторожности погибла наша типография!

— Верно, Амадео, я непременно поговорю с ним. Надеюсь, что смогу его как-нибудь убедить. До свиданья, Амадео!

— До свиданья, Лола!

Амадео зашагал домой, на противоположный конец города. Улицы опустели, на площади Роз уже не слышно было голосов молодежи. Край неба на западе светился, как зеленое стекло. Была как раз та летняя пора, когда отблеск заката в Испании не гаснет до утренней зари.

С восходом солнца кто-то энергично постучал в окно Амадео. Юноша вскочил с постели и выглянул наружу. Под окном стояли Франсиско и Лола.

— Амадео, вставай, дружок. Ты что, не собираешься на работу? Хочешь, чтобы сеньор Торрадо помер с голоду? Что скажет генерал Франко, если узнает, что перестало биться сердце одного из его надежнейших слуг и защитников?

Амадео быстро оделся, сунул в карман краюху хлеба и вышел. Отец и мать его еще спали.

Сквозь поношенную одежду пробирал утренний холодок. На восходе солнца в Ламанче прохладно даже в самый разгар лета. Обычно в этот ранний час с гор спускаются потоки холодного воздуха.

Амадео поздоровался с Франсиско и Лолой, и они вышли втроем из узенькой улочки. Медленно поднимались они по извилистой тропинке на засаженный маслинами холм. На вершине его стояла мельница. Серые крылья ее издали напоминали сломанный крест, одним концом зацепившийся за облако. Рядом с мельницей на склоне холма виднелась красная черепичная крыша дома сеньора Торрадо. Из белой трубы шел густой дым.

— Поди, поросенка жарят к завтраку, — сказал Франсиско, втягивая в себя воздух. — Бедняжка Торрадо, тяжело тебе, видно, приходится. Куда-то ты, умирая, денешь все свои богатства?

Франсиско весело подмигнул Амадео, молча шагавшему рядом с ним. Тот через силу улыбнулся и, опустив голову, стал вглядываться в тропинку, словно изучая серые камни, которыми был усеян склон. А Лола, обычно щебетавшая не хуже птиц в оливковой роще, казалась нынче грустной и подавленной. Глаза у нее были красны, точно она не спала всю ночь.

Амадео посмотрел на девушку, и ему стало жаль ее. Зачем он сказал ей вчера об отце?

Мельница отбрасывала на косогор длинную серую тень. Когда все трое дошли до этой не освещенной солнцем полосы,

Франсиско остановился, окинул взглядом солнечную ширь Ламанча и произнес:

— Ну, глядите-ка, разве не напоминает эта мельница генерала Франко, который, как черный крест, отгородил нашу жизнь от всего светлого и радостного? Как должно быть хорошо за рубежом этого царства тени! Лолита, как ты думаешь, верно я говорю?

— Думаю, отец, что ты даешь своему языку гораздо больше воли, чем надо. Разве ты не понимаешь, что можешь погубить своей болтовней всех нас? В тюрьмах Испании еще достаточно свободных мест, а цепные псы маленького африканца * рыщут кругом и только того и ждут, чтобы вцепиться кому-нибудь в горло. Если себя не жалеешь, пощади хоть нас!

Лола почувствовала, что слезы душат ее. Отец смотрел на нее с возрастающим удивлением, перешедшим, наконец, в злость.

— Ты, дочка, меня не учи! Слышать не хочу. Франсиско Гонзалес никогда не боялся говорить правду в глаза. И отвечу за свою правду я сам. Я, а не вы! Пойми это. Если мы будем бояться рот раскрывать, он у нас скоро зарастет, и превратимся мы в бессловесных рабов!..

Говорил он с большим жаром. Его глаза под густыми бровями разгорелись, пальцы были сжаты в кулаки. Лола слушала, не разжимая губ, и когда отец кончил, тихо молвила:

— Здесь неподходящее место для таких разговоров. Но, прошу тебя, отец, помни, что я сказала.

Молча они подошли к мельнице. Франсиско отыскал ключ и отпер тяжелые, окованные железом двери. Изнутри повеяло прохладой и запахом плесени. По глинистой, изрезанной колесами дороге съезжались крестьяне. Мулы тащили нагруженные доверху возы и громко фыркали.

Во всем Ламанче начинался трудовой день.

Пока Лола сметала мучную пыль, а Франсиско приготавливал мешки, Амадео смазал оси трансмиссии и освободил тормоз. Серые крылья мельницы, обтянутые выцветшим полотном, повернулись — медленно, потом быстрее и быстрее. На фоне синего неба они описывали огромную дугу, бросавшую беспокойную тень через оливковые сады, почти до самого Торренаево.

Во двор постепенно прибывали возы. Крестьяне вваливали на плечи мешки с пшеницей и несли их на мельницу. Лучшее зерно они взвешивали и ссыпали в большой закром в углу пыльного помещения. То была десятая доля, предназначенная для сеньора Торрадо, — плата за помол. Один из крестьян,

* Африканец — одно из прозвищ генерала Франко.

Педро Сиерра, высыпая в закром свою пшеницу, тяжело вздохнул, Франсиско засмеялся.

— Что вздыхаешь? Прекрасная жизнь в Испании: господам — зерно, нам — полова. Генералу Франко — десятина, чиновнику взятка — десятина, за помол — десятина. А тебе да ослу — соломы вволю.

— Врагу не пожелаю такой жизни, — проворчал Сиерра.

— От черствого хлеба брюху потеха, — продолжал зубоскалить Франсиско. — Подумай, что бы ты делал, если б тебе пришлось, как сеньору Торрадо, съедать каждое утро по жареному поросенку? Через год ты бы отрастил себе такое пузо, что осел на двуколке не сvez бы. А ты, неблагодарный, еще недоволен судьбой!

Франсиско захохотал во все горло и случайно оглянулся. За его спиной стоял сеньор Торрадо. В лице его не было ни кровинки. Его одутловатые щеки дрожали от гнева, прищуренные глаза злобно глядели на обоих собеседников. В правой руке он крепко сжимал тростниковую палку. Не сказав ни слова, он круто повернулся и засеменял к выходу.

— Что ты наделал, Франсиско! — прошептал Педро Сиерра. — Теперь тебе не сдобровать.

— Сказал то, что думал, — спокойно ответил Франсиско. — Будь в Испании меньше трусов, сеньоры боялись бы нас, а не мы их...

Тяжело вращались зазубренные мельничные жернова. Белым туманом стояла в воздухе мучная пыль. Франсиско достал из мешка полную горсть изжелта-белой пшеничной муки и попробовал ее на вкус. Педро Сиерра прошел к двери и, быстро вернувшись, сказал:

— Сеньор Торрадо отправился в Торренаево. Как бы не сообщил жандармам.

Франсиско возился около мешков и сделал вид, что не слышит взволнованных слов крестьянина.

Ни Лола, ни Амадео понятия не имели о том, что случилось. Когда мельница начала работать, они, как обычно, поднялись наверх, к главной трансмиссии, куда никто, кроме Франсиско, не заходил, и открыли заделанную в стене потайную дверцу. Амадео вынес из тайника маленький валик, коробку с краской и простую раму самодельного шапирографа.

— Сегодня мы должны отпечатать воззвание партии к ламанским крестьянам, — сказала Лола, развертывая тугой свиток восковки. — На мельнице сейчас как раз Педро Сиерра. Он спрячет воззвания в мешок и передаст своей организации. Надо торопиться. Листовки должны быть отпечатаны, пока он не уехал.

Амадео положил на раму шапирографа пробитую на пишущей машинке восковку, разостлал под ней белый лист бумаги и прошелся валиком по восковке. Лола складывала отпечатанные листовки. Спустя некоторое время она сунула пачку воззваний за пазуху, сошла вниз и спрятала их в один из мешков Педро.

— Я оставила тебе подарок, — со смехом сказала она крестьянину.

У Педро затряслись руки. Он хотел рассказать Лоле о том, что произошло, но не успел — так быстро она убежала.

Педро Сиерра стал раздумывать, что же делать. Вдруг Торрадо действительно приведет жандармов? Что тогда? «Не найдут, — успокаивал он себя. — В голову им не придет рыться в мешках». И Педро пошел помочь Франсиско.

Не прошло и часа, как в дверях появился сеньор Торрадо. Тростниковой палкой он показал на Франсиско и Педро.

— Вот они, бунтари. Я требую арестовать их и предать суду. Республиканцы проклятые!

Крестьяне, опираясь на мешки, оторопело глядели на жандармов, которые подходили к ним с винтовками в руках. Мельница шумела, не переставая, и белая пыль садилась на темные мундиры.

— За хулу на генерала Франко и сеньора Торрадо вы арестованы, — прозвучал жесткий голос. — Следуйте за нами.

Франсиско выпрямился, спокойно разглядывая жандармов.

— Винтовками правде рта не заткнешь, — сказал он. — Не в ваших это силах, сеньоры. Этого не будет, даже если все ослы Испании станут жандармами. Но если за правду швыряют в тюрьму — берите меня одного. Педро Сиерра тут ни при чем.

— Это мы выясним, — сказал жандармский офицер и добавил, обращаясь к Педро: — Ссышь свою муку в закром сеньора Торрадо и следуй за нами.

Педро некогда было раздумывать. Он подошел к своей повозке, погладил теплую морду мула и, подняв крепкими руками мешок, взвалил его на спину. В дверях взгляд его встретился со взглядом Лолы, которая стояла на ступеньках лестницы и расширенными глазами глядела на происходящее. Только сейчас Педро сообразил все. Мешок стал вдруг тяжелым, словно в него подложили свинца. Педро пошатнулся. Нога его зацепилась за выбоину в полу, и он с размаху упал. Из мешка посыпалась белая, как снег, мука, и с ней вместе выпал бумажный пакетик. Сиерра попытался спрятать его, но офицер вырвал пакет у него из рук.

— Давай-ка сюда! Посмотрим, какой у тебя помол.

— Не трогай, — смело подняв голову, сказал Педро Сиерра. — Я нашел это на дороге.

Лола повернулась и тихонько, как мышь, побежала наверх.

— Жандармы, — шепнула она Амадео. — В мешке Педро нашли листовки...

— Они заметили тебя?

— Нет.

— Нам надо бежать!

Он открыл люк. Привязав конец длинной веревки к потолочной балке, Амадео заторопил Лолу:

— Спускайся первая.

Вскоре девушка ощутила под ногами твердую землю. Амадео последовал за ней. Прячась за оливковыми деревьями, они сбежали с холма.

Ночью загорелись дом и мельница сеньора Торрадо. Они пылали, как два огромных факела, бросая высоко в небо струи дыма и яркие искры. Жители Торренаево, сбежавшиеся на пожар, рассказывали, что по дороге на мельницу были разбросаны воззвания, а возле самой мельницы на верхушке кипариса развевалось трехцветное знамя республики.

артизанский лагерь в горах Леванта постепенно погружался в сон. Люди дремали в шалашах из ветвей, располагались вокруг догоравших костров. Не спали только те, кто стоял в секрете да патрулировал вблизи лагеря.

Группы, выполнявшие боевые задания, отошли уже далеко.

Из глубоких горных ложбин поднималась ночная темень, густая и теплая. Над верхушками сосен одна за другой загорались звезды. Скоро весь небосвод заблестел, словно расшитый драгоценными камнями различной величины и яркости.

Невдалеке от лагеря, на крутом склоне, по которому сбегал рокочущий ручей, к ветвям деревьев были прикреплены длинные навесы. То были конюшни для мулов. Возле деревьев сутились двое партизан — Мартын и Родриго.

Пока они навьючивали на мулов пустые корзины из-под маиса и лука, животные сонно отряхивались, фыркали, беспокойно приникали мордами к земле в поисках росистой травы. Когда все было закончено, партизаны прыгнули в седла и направили мулов по каменистой тропе, которая, извиваясь, как змея, сползала с горы в темную ложбину.

— Попутного ветра! — крикнул им на прощанье погонщик мулов, возвращаясь к себе в палатку досыпать.

Произнеся пароль и миновав сторожевые посты, оба партизана с автоматами наготове стали пробираться дальше. Надо было быть на-чеку: случалось, что франкисты незаметно подкрадывались к самому лагерю. Правда, это всегда кончалось для них печально.

Мартын, левантский крестьянин лет сорока, был родом из ближайшего к лагерю селения и поэтому лучше других знал все окрестные горы, леса и дороги. Почти во всех партизанских операциях он выполнял обязанности проводника и справлялся с этим неплохо.

В эту ночь ему вместе с Родриго, молодым валенсийским рабочим, предстояло совершить двадцатикилометровый поход за продовольствием. Один из друзей Мартына, крестьянин, постоянно снабжавший партизан вином, мясом и пшеничными лепешками, должен был спрятать все это в условленном месте.

Путь их лежал через степь, и ехать днем было бы слишком рискованно.

Родриго выполнял такое задание впервые. Он приехал сюда из Валенсии только несколько месяцев тому назад. Отстав на несколько шагов от Мартына, он внимательно наблюдал за тем, что делается по левую руку, и время от времени оглядывался назад.

Мартын, зорко следивший за правой стороной дороги, негромко расхваливал свой Левант. Он рассказывал об их деревенском доме, откуда карательная экспедиция Франко выселила его семью за сочувствие партизанам. Так как это было сделано по одному голому подозрению, Мартына и его близких не расстреляли, а только заставили покинуть Левант. Но Мартын вернулся в родное селение и, как тысячи других крестьян, примкнул к тем, кто борется за свободу Испании.

— Пусть проклятые франкисты не думают, что мы сдадимся, — горячо заключил Мартын. — Я знаю, что значит сдаться. Это — рабство, нищета, смерть. А мы должны победить! Святая Мария, вели приготовить для этих негодяев хорошую баню в пекле...

— Мария и пекло вряд ли помогут, — отозвался Родриго с усмешкой. — Уж лучше будем полагаться на нашу священную ненависть да на автомат! Не так ли, Мартын?

— Пусть будет так, — в свою очередь, усмехнулся пожилой крестьянин и стал ударами пяток подгонять мула: — Не пряди ушами, лентяй, а прибавь-ка шагу! Вот доедем, тогда и покорим тебя.

Разговор на время прервался. Хорошо было ехать в этой глубокой тишине. Изредка нежно и протяжно шумели под ветром деревья. Родриго вспомнилось его собственное недалекое прошлое. Работа в подполье, преследования, бегство из Вален-

сии — все это было словно только вчера. Если бы крестьяне не вывезли его из города на возу, спрятав глубоко в сено, сидел бы он теперь в каком-нибудь тюремном подвале, а то и лежал бы в земле.

Радость, большая радость охватила его при мысли, что он жив и может продолжать борьбу за дело коммунистической партии, за дело всего испанского народа...

Мартын и Родриго ехали уже несколько часов. Ложбина и лес кончились. Здесь была граница партизанской области Леванта. Перед всадниками раскинулась каменистая степь, поросшая высокой сухой травой. Кое-где попадались деревья.

Вдруг издали донеслись звуки тягучей заунывной мелодии: какой-то запоздалый крестьянин изливал свое горе в песне. Партизаны остановились, прислушиваясь.

Мартын чуть было не начал подтягивать, но во-время опомнился и, проведя рукой по лбу, стал смотреть на звездное небо. Среди множества мерцающих точек взгляд его мигом нашел Полярную звезду, светившуюся почти над самой его головой.

— Родриго, — сказал он, — поедem напрямик.

Родриго ответил кивком головы и тронул поводья. Под копытами мула слегка потрескивала степная трава. Казалось, невидимым пламенем была охвачена вся степь, вся ширь испанской земли.

«Да ведь и правда, — подумал Родриго, — Испания горит невидимым огнем народной борьбы. Настанет день, и пламя это взметнется высоко и поглотит всех угнетателей народа...»

Скоро они выехали к пересохшей реке и продолжали путь по ее руслу. Деревья попадались все чаще, река становилась уже, берега ее круче. Степь начинала переходить в предгорье.

— Теперь не так уж далеко, — заметил Мартын. — Но вот погляди, — он показал рукой на зеленоватый край неба на востоке, — утро тоже не за горами. Чертовски коротки в это время ночи, Родриго.

— Давай поторопимся, а? — предложил Родриго и, не дожидаясь ответа, стал подгонять своего мула.

По узкой тропе, извивавшейся между лишайников, низких кустов и камней, они поднимались все выше и выше. В утренних сумерках уже начали вырисовываться контуры гор и ближайшие предметы. Мартын, ехавший впереди, направил своего мула прямо на скалы, вершины которых торчали над деревьями.

В лесной чаще они спешили и повели мулов на поводу. Вскоре путь им преградила отвесная скала. Трава внизу была чуть примята.

— Здесь! — радостно воскликнул Мартын, подходя к серой каменной плите. — Помогите-ка мне!

Совместными усилиями они сдвинули плиту, прикрывавшую отверстие небольшой пещеры, какие десятками встречаются в скалистых горах. Родриго с трудом пробрался сквозь узкую щель. Внутри было просторно и прохладно. В полутьме он наткнулся на мешки с продовольствием. Тут же стояло несколько глиняных кувшинов с вином. Это богатство он стал торопливо выволакивать из пещеры, в то время как Мартын навьючивал поклажу на мокрые спины мулов.

— Хватит, — сказал, наконец, Мартын. — Остальное пусть останется до другого раза.

Они завалили вход в пещеру, а затем тщательно осмотрели окрестность. Убедившись, что все в порядке, партизаны пустились в обратный путь.

Заря занималась над горами. Ночная мгла медленно отступала к западу. Одна за другой гасли звезды. Только на востоке, почти в самой середине зардевшегося полукруга, все еще мерцала, дрожа, утренняя звезда Аврора.

В лесу было сумрачно, но когда оба всадника достигли берега реки, по степи уже разливалось прозрачное сияние утра.

— Мы можем ехать всю дорогу по руслу, — сказал Мартын. — Река приведет нас к нашим горам. Этот путь трудней, зато безопасней.

Они спустились на дно реки, продолжая наблюдать за обоими берегами. Там, где они были повыше, партизаны спешивались и шли поверху, чтобы лучше видеть, что делается кругом.

Солнечные лучи позолотили верхушки редких дубов. Ноги мулов вязли в мягком речном иле. Животные тяжело дышали от усталости и еле-еле продвигались вперед. Пар шел от их лоснящихся спин, пригретых лучами утреннего солнца.

Река долго извивалась по ровной местности, но вот впереди показался скалистый холм. Русло в этом месте превращалось в глубокую, наполненную водой каменную щель, круто сворачивавшую влево.

Партизаны остановили мулов. Мартын осторожно выбрался на берег.

— Родриго, ты жди здесь, а я проползу до холма, погляжу, все ли в порядке. Вброд здесь не пройти. Мулов придется вытаскивать на берег.

Мартын скрылся в высокой траве. Слышно было, как потрескивают, ломаясь, сухие стебли. Потом стало тихо. Только мулы сопели и фыркали, отбиваясь от слепней.

Вдруг из-за скал донеслись громкие голоса, плеск воды и смех. «Купальщики! — с досадой подумал Родриго. — Удастся ли нам проскользнуть незамеченными?»

Снова послышался треск сухой травы. Мартын возвращался с разведки.

— Что там такое? — нетерпеливо спросил Родриго.

Мартын приложил палец к губам. И, только приблизившись вплотную, сказал:

— Гражданская гвардия! Пять франкистов. Четверо купаются, пятый сидит на берегу с автоматом. Что делать?

Родриго наморщил лоб, напряженно обдумывая создавшееся положение. Их задача была — доставить в лагерь продовольствие и ни в коем случае не ввязываться в стычки с врагом. Но избежать столкновения здесь было, кажется, невозможно. А опыт партизанской борьбы учит, что при встрече с противником побеждает тот, кто смело и решительно нападает первым.

— Я думаю, выход у нас один, — прошептал, наконец, Родриго. — Мы должны уничтожить их.

— А не попытаться ли взять их живьем? — также шопотом ответил Мартын. — Ты ступай на тот берег, чтоб отрезать им путь к отступлению. Я пройду здесь и начну первым. Помни: без крайней нужды не стреляй. Договорились...

Они разошлись и стали осторожно продвигаться вперед каждый по своему берегу.

Не чувствуя никакой опасности, франкисты спокойно плескались в затененной воде.

Родриго занял выгодную позицию, с которой были хорошо видны оба берега. Секунды казались ему часами. Наконец на том берегу из густой травы поднялась мужественная фигура Мартына. Приложив к плечу автомат, он крикнул:

— Руки вверх!

Купальщики окаменели с поднятыми кверху руками. Они глядели друг на друга, растерянно улыбаясь. Но тот, на берегу, повернулся, чтоб ответить огнем.

Родриго прицелился. Короткая автоматная очередь, как кнутом, стегнула прозрачный утренний воздух. Франкист остался неподвижно лежать на месте. Снова наступила тишина. Только далеко за степью, в горах, отозвалось гулкое эхо.

Родриго вскочил и, держа автомат наготове, стал подходить к реке.

Из допроса пленных выяснилось, что это был один из многочисленных секретов, которые со всех сторон окружали партизанский район. В ожидании утренней смены франкисты решили немного освежиться.

Смена могла подойти каждую минуту, и партизаны, не мешкая, пустились в путь.

Родриго понукал мулов и пленных — они шли впереди, а Мартын время от времени взбирался на берег и в бинокль осматривал окрестности. Наконец он увидел небольшую группу

франкистов, спешивших по степной дороге. Вот они подошли к реке... Вот рассыпались цепью и свернули сюда... Вероятно, они услышали выстрелы, а теперь, найдя следы копыт на речном иле, окончательно убедились в том, что партизаны недалеко.

До лагеря был еще порядочный кусок пути. Партизаны посоветовались и решили, что Родриго попытается довести мулов с тяжелой поклажей и пленных до леса и скрыться там, а Мартын задержит неприятеля.

Из добытых трофеев Мартын взял ручные гранаты и несколько обойм патронов для автомата. Затем он занялся выбором позиции. Родриго вскоре исчез за речной излучиной, а враг подходил все ближе.

Несмотря на все предосторожности, франкисты не заметили, что в двухстах метрах от них блестит ствол автомата. Мартын нажал на спусковой крючок и дал по цепи врага длинную очередь. Двое франкистов были убиты наповал, остальные залегли в траве и открыли беспорядочную стрельбу.

Мартын спустился на дно рски и, отступая, пробежал несколько сот метров. Затем он опять вскарабкался на скалистый берег.

Враги сделали попытку окружить партизана. Несколько франкистов перешли на другой берег. Положение становилось серьезным. Они могли заметить Родриго с пленными, и тогда был бы конец всему.

Мартын решил на хитрость. Чтобы отвлечь все внимание противника на себя, он выскочил из-за камней и, отстреливаясь, стал короткими перебежками подбираться к невысокому холму, поросшему кустами и лишайником. В желтом море высохшей травы холм этот казался маленьким островком.

Хитрость удалась: франкисты последовали за Мартыном. Пули жужжали над головой, скашивая траву. Мартыну казалось, что не уйти ему живым отсюда. Наконец он добежал до холма и спрятался в кустах за камнями.

Противник развернулся широкой дугой и сомкнул кольцо вокруг зеленого островка. Одному из франкистов пришла в голову мысль поджечь степь с наветренной стороны.

Над высокой сухой травой взметнулись длинные языки пламени. Клубы дыма свивались в причудливые гирлянды. Огонь, потрескивая, полз вперед. Жар становился нестерпимым.

«Что делать?» — в отчаянии подумал Мартын.

И вдруг вспомнил он далекий Советский Союз, Сталина и тех героев, которые разорвали фашистское кольцо смерти, сомкнувшееся вокруг Сталинграда, и освободили мир.

Через несколько секунд от пламени отделился человек с автоматом и гранатой в руках. Он казался живым факелом. Он бежал в ту сторону, куда по степи катились клубы желтого ды-

ма. Сквозь дым он увидел черное от копоти лицо франкиста. Мартын размахнулся и бросил гранату. Раздался оглушительный взрыв, но Мартын даже не пригнулся к земле — он продолжал бежать.

Наконец у него перехватило дыхание, и он упал на траву, которая тут же загорелась. Только теперь Мартын заметил, что одежда на нем горит, и почувствовал нестерпимую боль...

Собрав остаток сил, он затушил огонь и стал медленно ползти к реке. Левое плечо ныло — в нем был, наверное, осколок гранаты.

Скатившись с отлогого берега, Мартын потерял сознание.

Вскоре партизаны-разведчики, во главе с Родриго спешившие к нему на помощь, нашли его там. Они застали и франкистов, все еще обстреливавших горевший холм, и обрушили на них огонь своих автоматов.

Когда товарищи делали в горах перевязку Мартыну, степь еще пылала огромным костром.

— Придется искать другую дорогу, — сказал, приоткрывая глаза, Мартын. — В выгоревшей траве трудно будет скрыть следы...

ЛЮДИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Висенте Биенавенте родился на самой окраине Мадрида. Отец с матерью работали на керамической фабрике, и неудивительно, что у маленького Висенте очень рано появился интерес к лепке.

Нищенский заработок родителей не позволил послать Висенте в школу, поэтому его начальным образованием занялся отец. Он научил сына читать и писать и вскоре с радостью заметил, что мальчик наблюдателен и одарен большими способностями к рисованию. Но самым любимым занятием Висенте была лепка. Он лепил из уличной грязи и вырезал из дерева разные фигурки, приносил их домой и выставлял на подоконнике. Отец тихонько наблюдал за этим и радовался, что у него растет достойный преемник, который скоро поступит на фабрику, и тогда — как знать! — быть может, семья их, наконец, перестанет нуждаться. Ни о чем большем старый Биенавенте не осмеливался мечтать. Сыну его нехватало начального образования, а он понимал, что без школы в жизни далеко не уйдешь.

Однажды, когда отец с матерью были на работе, Висенте взял ведро с водой, лопату и вышел из дому.

Посреди пыльной улочки, не покрытой асфальтом и не замощенной булыжником, мальчик стал рыть глубокую яму. Выкопав большие комья глины, Висенте размочил их в воде и принялся за работу. Когда к нему подбежал дворник, на краю ямы

уже сушились застывшие в беге лошади, старики с трубками в зубах, женщины, несущие на голове тяжелые корзины с углем, всякие фантастические звери и птицы. Вначале дворник бранился и грозил юному скульптору метлой, но потом сменил гнев на милость, погладил мальчика по голове и сказал:

— Вишь, какой мастер! А меня сделать сумеешь?

— Сумею, — ответил мальчуган, взяв в руки большой ком глины. — Только обещай ничто не говорить отцу!

— Ладно, — усмехнулся дворник, вынимая изо рта трубку. — А ты обещай мне, что не будешь больше ямы рыть посреди улицы. Глину можешь брать со двора.

Но Висентэ уже не слушал его. Прищурив глаз, он наблюдал за дворником, а пальцы его тем временем разминали глину. Опершись на длинную метлу, дворник глядел, как работает мальчуган, и посасывал свою трубочку. Висентэ был в восторге. Впервые перед ним стояла живая модель! Дворник' получился действительно на славу. Даже сам старик признал, что кусок красной глины принял форму по его образу и подобию. Кончилось все тем, что новый приятель Висентэ взял лопату и, пока скульптурное произведение мальчика подсыхало на солнце, закопал вырытую посреди улицы яму.

Висентэ собрал все, что вылепил, и отправился домой. В этот же вечер к отцу пришел дворник.

— Гляди-ка, — сказал он, показывая на свой глиняный двойник. — В школу надо бы послать! Мастер бы вышел.

— Мастер! — горько усмехнулся Биенавентэ. — Вон сотни таких мастеров бегают по улицам. А где денег взять? Ничего, подрастет — на фабрике будет работать. Доля-то наша такова...

Они проговорили до глубокой ночи, выкуривая трубку за трубкой и по-всякому рисуя друг другу будущее Висентэ. А на следующий день, придя с работы, Биенавентэ протянул сыну большой пакет белого порошка.

— На, чико, и не возись больше с грязью на улицах. Эта штука получше, чем красная глина. Только не трать все зараз: это дорого стоит.

Новый мир открылся для Висентэ. Отец научил его, как работать с гипсом, и вскоре фигурки из грязи и глины уступили на подоконнике место красивым белым фигуркам.

Как-то раз, при очередисй нехватке денег, мать тайком от Висентэ взяла несколько гипсовых фигурок и этнесла на рынок. Вернулась она, сияя от счастья и гордости: на дне корзинки лежал большой кусок белого хлеба, виноград и стручки зеленого перца

— Ешь, Висентэ! — весело сказала она. — Это ты зарабатал.

С этих пор Висентэ стал помогать семье зарабатывать на хлеб насущный. Отец откладывал пезету за пезетой и, когда пришла осень, подозвал мальчика к себе и сказал ему:

— Ну, сынок, пора в школу. Работать будешь по вечерам, как приготовишь уроки. Первое время как-нибудь перебежмся.

Новость эта не обрадовала Висентэ. Он даже пытался возразить.

— Почему же другие не учатся? — с удивлением спросил он и, закладывая пальцы, перечислил почти всех своих друзей.

Но отец был неумолим.

Так Висентэ начал ходить в школу. В свободное время он много читал и продолжал лепить свои фигурки.

Шли годы. С помощью отца в подвале, где складывали уголь, Висентэ устроил себе небольшую мастерскую. Однажды мать привела с базара какого-то пожилого человека, державшего подмышкой одну из фигурок Висентэ. Поглядев на маленького мастера и помещение, в котором тот работал, незнакомец грустно покачал головой:

— Бедновато. Так у тебя ничего не получится. У меня тоже есть мастерская. Если хочешь, пойдем покажу. Понравится — будешь работать у меня. Я бы помог тебе стать на правильный путь.

В черных больших глазах Висентэ сквозило некоторое недоверие. Но незнакомец держался так просто и сердечно, приглашал к себе с такой искренностью, что подозрения мальчика рассеялись. Он погасил коптивший светильник, немного приоделся и вышел из дому вместе с незнакомцем.

С того дня Висентэ перестал работать в темном подвале и все свободное время проводил в скульптурной мастерской своего нового друга, которая находилась почти в центре города.

Когда установилась республика, Висентэ сразу же поступил в художественную школу. Но вскоре вспыхнул преступный фашистский мятеж. Все пошли на фронт сражаться против генерала Франко. Защищать Мадрид ушел и отец Висентэ и даже старик-дворник. Висентэ считал себя уже взрослым. Он все понимал. Нападение фашистов омрачило его светлые мечты о будущем. И он не видел другого выхода, как взяться самому за оружие. Вместе с другими студентами он оставил школу и пошел на фронт.

Отец был тяжело ранен и после лечения в военном госпитале вернулся домой инвалидом. А Висентэ посчастливилось пройти целым и невредимым сквозь ряд кровавых боев. Через год его приняли в члены Испанской коммунистической партии и назначили комиссаром батальона.

Его часть, испытанную во многих сражениях, перебросили в Каталонию, где они форсировали Эбро. Висентэ защищал от франкистов Барселону, а позже под давлением превосходящих сил противника отошел со своей частью к границе Франции. В одном из последних боев пал командир, и Висентэ Биенавентэ принял на себя командование батальоном.

Когда республиканские части перешли французскую границу, Висентэ, как и все остальные республиканцы, был арестован и заключен в концентрационный лагерь: сперва здесь же, возле Средиземного моря, а потом их отправили на побережье Бискайского залива. Там, неподалеку от города Олорон, был расположен концентрационный лагерь, носивший название «Camp du Gurs».

В этом лагере находилось в заключении около сорока тысяч человек. Больше всего было здесь испанцев.

Темные и серые бараки были переполнены людьми. Сквозь дырявые крыши, покрытые обрывками толя, в дождливое время струями текла вода. Заключенные ходили полураздетыми, так как фронтовая одежда постепенно изнашивалась. Зимы многие не выдерживали. Мертвых зарывали на берегу реки, и вскоре там вырос целый лес крестов.

Побережье Бискайского залива справедливо считается одним из самых сырых мест в Европе. Здесь теплые испарения гольфстрема встречаются с потоками холодного воздуха, идущими от снеговых вершин Пиренеев. Плотные тяжелые облака непрерывно сползают с гор.

Низина, в которой располагался огромный, опутанный колючей проволокой лагерь, почти всегда была полна воды. В период дождей лагерь напоминал севший на мель караван барж.

Висентэ Биенавентэ в одном отношении повезло: вместе с ним в этот лагерь были направлены многие бойцы из его батальона. По привычке они, так же как на фронте, обращались по всякому делу к нему. Никем не назначенный, никем не выдвинутый, он стал руководителем своего батальона и в новых условиях — за колючей проволокой.

В первые же дни Висентэ обнаружил, что возле самой изгороди можно выкопать много красной глины. Он с товарищами взялся за работу. Глину смешали с болотной сухой осокой. Получился отличный материал для лепки. И Висентэ принялся лепить.

Вскоре перед бараком выросла большая фигура воина-республиканца. В левой руке он сжимал винтовку, а правую простирал к Пиренеям. Глядя на эту фигуру, дышавшую несокрушимой силой и бесстрашием, каждый невольно останавливался и

смотрел на синеющие вдали вершины Пиренеев, за которыми была родная страна, Испания, где было пролито столько крови, оставлено столько надежд, звала своих сыновей не забывать долга перед родиной и здесь, за колючей проволокой, думать о завтрашнем дне, о грядущих боях и победах, закаляться и готовиться к ним.

Как-то раз бойцы из батальона Висентэ собрались ехать на ближайшую станцию Олорон за свежей соломой для лагеря. Висентэ решил воспользоваться этим, чтобы завязать связь с внешним миром.

Ранним утром несколько автомашин выехало из лагеря в Олорон. На станции жандармы разбили заключенных на две группы: одна выгружала из вагонов большие кипы соломы, другая на машинах свозила солому в лагерь.

Висентэ остался с той группой, которая работала на станции. Улучив минуту, когда жандармы отправились в буфет хлебнуть вина, Висентэ выпрыгнул из вагона и, не замеченный никем, пробрался в депо. Железнодорожники возились около паровоза. Узнав, что Висентэ из концентрационного лагеря, они побросали работу и, закурив, начали расспрашивать его о последних боях в Испании, о том, почему республиканцы не победили, и о жизни в лагере.

— Нас можешь не опасаться, — сказал один из рабочих, показывая свой партийный билет. — Если бы все французы действовали так, как мы, коммунисты, вы не сидели бы здесь, а жили бы у себя на родине, в свободной Испании.

Железнодорожники обещали помочь заключенным продуктами и книгами. Были записаны имена товарищей, кому адресовать посылки.

— Когда получите, хорошенько проверьте их. Постараемся обвести цензуру вокруг пальца, — многозначительно улыбаясь, сказал тот железнодорожник, который показывал свой партийный билет. — А как сегодня? Сможешь захватить что-нибудь с собой? Например, книгу?

— Попробую, — ответил Висентэ. — Хотя у входа в лагерь жандармы обычно всех тщательно обыскивают.

— Ты уж как-нибудь! То, о чем я думаю, переслать по почте очень трудно. Иди к вагонам — я туда принесу.

Висентэ попрощался и вернулся к товарищам.

Вскоре вышли из буфета и жандармы. Они развалились на траве и подняли спор о том, на Францию или на Советский Союз нападет в первую очередь Гитлер.

Наконец железнодорожник, разговаривавший с Висентэ, пришел посмотреть, в порядке ли вагоны. Висентэ попросил у него закурить.

— Пожалуйста, — ответил рабочий и вместе с папиросой протянул Висентэ бумажный пакет. — Это история партии большевиков...

Спрятав пакет за пазуху, Висентэ закурил дрожащими руками и отошел за вагоны. Сердце его сильно билось, но не от страха — от глубокой, волнующей радости. С ним была теперь самая драгоценная в мире книга! И если бы даже у него отняли ее, он все равно жил бы только для борьбы, о которой она рассказывает. Мысли его и вся жизнь принадлежат партии и тому дорогому и любимому человеку, который выпестовал эту партию и руководил ею.

И Висентэ представил себе этого человека, его ласковые и умные глаза. В далеком северном городе, склонившись над рабочим столом, он думает о будущем своего народа и всего человечества. В те трудные дни, когда к Мадриду подходили разбойничьи полки генерала Франко, на весь мир прозвучали слова: «...освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, — а общее дело всего передового и прогрессивного человечества». Каждый республиканец хранил в сердце эти благородные слова, они горели там неугасимым пламенем, потушить которое могла только смерть. С большой гордостью и любовью простые люди на всем земном шаре произносили это имя, звучащее чисто и остро, как твердый металл, — С т а л и н. И теперь Висентэ держал в руках книгу, написанную этим великим человеком!

Он взглянул на Пиренеи. Как неприступная стена, синели они на фоне закатного неба. Там, за ними — родина, близкие люди... Но в глазах Висентэ не было тоски. Глядя на него в эту минуту, можно было поверить, что республиканцы станут еще крепче и, перейдя, наконец, через эти горы, снова окажутся по ту сторону Пиренеев и освободят свой томящийся в рабстве народ.

Только под вечер, когда на небе уже зажигались звезды, а из тумана выплыла луна, большая и красная, заключенные вернулись в лагерь. Ограду из колючей проволоки, серые бараки и фигуры людей окутывала густая мгла, подымавшаяся с болот. Ветра совсем не было. Словно чего-то устыдившись, поник на конце высокой мачты у входа в лагерь трехцветный французский флаг. У подножия мачты стоял часовой с винтовкой. Его синевато-серая шинель сливалась с вечерними сумерками и туманом, и было такое впечатление, что под обвислым флагом в воздухе непонятно как держалась одна винтовка.

Висентэ радовался густому туману и сумеркам. Стоявший у входа жандарм, поеживаясь от сырости, открыл ворота. Он

стал пересчитывать людей, сбился со счета, выругался и начал сначала. Тыча каждого пальцем в грудь, он громко считал:

«Шесть, семь, восемь...»

Когда он прокричал: «по баракам!», Висентэ облегченно вздохнул.

В темных бараках их ждали товарищи, наварившие полный жестяной бак черной, как деготь, чечевичной похлебки. Висентэ незаметно вынул пакет и спрятал его под тонкий слой соломы, на которой спал. Он налил в свой котелок пресную похлебку, но есть не хотелось. Радостное волнение все еще не улеглось. Он отодвинул котелок, обдумывая, кому бы это поручить: надо было перевести драгоценную книгу с французского на испанский язык и переписать в нескольких экземплярах.

Висентэ не пришлось долго думать. У него был здесь надежный человек, на которого он мог целиком положиться. Это был старик-учитель из города Тортоса, Изидоро Арконада.

После ужина заключенные, как обычно, уселись на соломе, и тут пошли разговоры: одни вспоминали военные эпизоды, другие рассказывали о доме или тихонько напевали фронтовые песни. Висентэ подозревал Изидоро Арконада и показал ему свое сокровище. Изидоро откинул со лба пышные седые волосы, поправил спустившиеся на нос очки и прочел заглавие книги. Руки его задрожали. Висентэ понял, что Изидоро переживает то же, что только что пережил он сам.

— Где ты ее взял, где нашел, Висентэ? — радостно спрашивал Изидоро и, словно не веря своим глазам, легко, кончиками пальцев, стал перелистывать страницу за страницей.

В тот вечер они долго сидели, обсуждая, как бы лучше организовать большое и опасное дело.

Когда каждая деталь была продумана и все было решено, Изидоро ушел спать. Висентэ спать не хотелось. Он вышел из барака.

Ночь была свежа. С колючей проволоки капала роса, поблескивая в тусклом свете фонарей. В сторожевой будке дремал солдат, зажав между коленями винтовку. Едва виднелись вдали зубчатые вершины Пиренеев. Луна сыпала легкое серебро: не достигая земли, оно задерживалось в мягком пухе тумана. Если бы фонари не освещали колючую проволоку и сторожевые будки за ней, можно было бы подумать, что это Испания с ее серебристым лунным светом и необъятной шириной дали.

Висентэ подошел к фигуре воина-республиканца, возвышавшейся перед бараком, прислонился к ее подножию и, глядя в сторону Пиренеев, тихо сказал:

— Мы освободим тебя.

Посторонний человек не заметил бы в жизни лагеря никаких перемен.

Все так же в будках за колючей проволокой в установленные часы менялась стража. Все так же сидели в проходах между секторами жандармы в черных накидках, с карабинами в руках. Время от времени они нагибались, поднимая с земли камень или кусок кирпича, чтобы швырнуть в смельчаков, переговаривавшихся через ограду. Иногда на асфальтированном шоссе, пересекавшем территорию лагеря, появлялся комендант этого странного городка: высокий худой майор жандармерии. На его кривых ногах блестели кожаные гетры. С ним рядом шагала громадная овчарка. Это были редкие минуты, когда жандармы отводили глаза от заключенных, вскакивали и, вытянувшись, стояли в стойке «смирно» до тех пор, пока гетры начальника и хвост его собаки не исчезали за поворотом. После этого жизнь продолжалась своим чередом.

Но так казалось только с поверхности. На самом же деле в лагере шла напряженная работа.

В бараке Висентэ с утра до вечера, с книгой в руке, расхаживал Изидоро Арконада и спокойным тихим голосом диктовал фразу за фразой. Сидевшие на полу товарищи тщательно записывали каждое слово. Через несколько месяцев перевод истории партии с французского на испанский близился к концу. Надо было торопиться — книгу с нетерпением ждали другие группы бойцов Интернациональной бригады.

Пока Изидоро работал со своими помощниками, у входа в барак дежурил бывший связной Висентэ Биенавентэ — Филиппэ Чапи. Он пришел в республиканскую армию в последние месяцы войны прямо со школьной скамьи. Мальчик показал себя на фронте настоящим бойцом — смелым и сообразительным. Когда Висентэ стал командовать батальоном, он взял его к себе в связные.

В лагере Филиппэ обычно давали задания, выполнение которых требовало ловкости, смекалки и отваги. Маленький Филиппэ очень гордился доверием товарищей.

Наконец настал день, когда перевод был закончен. Несмотря на то, что Изидоро все это время работал по многу часов в сутки, он словно помолодел. Порой ему казалось, что он находится не в лагерном бараке, а в своей школе, среди внимательных учеников, жадно ловящих каждое его слово. Продиктовав последнюю фразу, он поблагодарил своих помощников и сказал:

— Это была, пожалуй, самая трудная, но и самая приятная работа в моей жизни...

Переписанные экземпляры взяли на хранение Изидоро Арко-

нада, Висентэ Биенавентэ и Филиппэ Чапи. Висентэ вынул по-ловицу на том месте, где спал, и, раскопав немного землю, зарыл пачку синих тетрадей, завернутых в кусок толя. Это были резервные экземпляры на тот случай, если другие попадут в руки жандармов. Изидоро и Филиппэ тоже держали свои тетради в потайном месте, вынимая их только перед самыми занятиями.

В батальоне Висентэ случилось радостное событие: с почты сообщили, что на имя нескольких товарищей прибыли посылки. Собравшись в назначенное время у ворот, адресаты выстроились и под конвоем пошли к почтовому отделению.

— Изидоро Арконада!.. Висентэ Биенавентэ!.. Филиппэ Чапи!.. — выкликали через открытое окошко.

Почтовый чиновник в присутствии жандарма проверил содержимое посылок, но ничего подозрительного не обнаружил. Изидоро получил книги — историю Франции в твердом массивном переплете, романы Ги де Мопассана и... стихи Верлена. В посылке Филиппэ лежали тюбики зубной пасты, мыло и одеколон. Больше всех повезло Висентэ: олонские друзья прислали ему консервы, сахар, масло и копченое мясо. В отдельном маленьком свертке были сигареты и табак.

Весь батальон высypал из баракoв, чтобы встретить товарищей. Посылки приходили не часто. А так как неписанный закон лагеря требовал делиться всем поровну, то большой интерес к посылкам был вполне понятен. Особенно ребята обрадовались табаку и сигаретам: в лагере их не выдавали.

Войдя в барак, Висентэ тщательно обследовал посылки, — намного тщательнее, чем это сделал почтовый чиновник. Его внимание прежде всего привлекла «История Франции». Он надрезал переплет и нашел наклеенное на картон воззвание французской коммунистической партии. Открыв нижний глухой конец тюбика с зубной пастой, он иголкой проверил содержимое и наткнулся на что-то твердое. Это было завернутое в станно-левый листочек письмо, напечатанное на папиросной бумаге. Рабочие депо станции Олон сердечно приветствовали заключенных и выражали уверенность в том, что общая борьба французского и испанского народов увенчается победой и доблестные республиканцы смогут, наконец, вернуться к себе на родину.

Как стемнело, все заключенные собрались в бараке Висентэ и, покурив после ужина, хором начали петь фронтовые песни. Из серого барака в полуночную тьму голоса поднимались, как стая беспокойных птиц. Они облетели весь лагерь, перепорхнули через колючую ограду и понеслись к Пиренеям. Стража в будках заволновалась, жандармы закрыли уши своими черными капюшонами, мрачно глядя в слепую ночь. Так могли петь

только люди, которых ничем не запугаешь: ни холодом, ни голодом, ни карцером, ни террором. Страх мучил охранников, они с нетерпением ждали прихода смены, чтобы поскорее уйти туда, где не слышно песен этих непонятных людей.

Надвигавшаяся на мир гроза, наконец, разразилась. Гитлеровская Германия, поглотившая Саарскую область, Австрию и Чехословакию, запустившая свои острые когти в Испанию, неожиданно напала на Польшу. Англия и Франция под напором общественного мнения были вынуждены вступить в войну с Германией.

В эти дни в концентрационном лагере чувствовалось большое оживление. Опять начали строить пулеметные гнезда. Гарнизон пополнили, и теперь повсюду виднелись синевато-серые мундиры и черные жандармские накидки. Частым явлением стали обыски и аресты.

Как-то Висентэ был вызван к начальнику лагеря. Несколько конвоиров повели его. У дверей кабинета ждали своей очереди многие республиканцы. К начальнику выпускали по одному. Никто из вошедших не возвращался. Наконец настала очередь Висентэ Биенавентэ.

За дубовым письменным столом в кабинете сидел, скрестив кривые ноги и уткнув нос в исписанный лист бумаги, худощавый майор. Он долго делал вид, словно вовсе не замечает вошедшего, потом притянул к себе плеть, лежавшую на столе, и, не глядя на Висентэ, спросил:

— Висентэ Биенавентэ? Бывший командир батальона?

— Да, — спокойно и гордо ответил Висентэ. — Что нужно вам от меня?

— Лично мне, — сказал начальник лагеря, — лично мне от вас ничего не нужно! Но Франции, но французскому народу... — постукивая твердым кондом плети по столу, он пытливо взглянул в лицо Висентэ и продолжал таким тоном, будто сам не верил своим словам: — Франция оказала вам гостеприимство, дала вам пищу и кров. Пришло время отблагодарить нашу страну, помочь ей... Мы снаряжаем экспедиционный корпус, который поедет на финляндский фронт для борьбы с Советским Союзом. Вместе с финской армией этот корпус должен будет занять Ленинград. Одновременно армия генерала Вейгана, которая в полной боевой готовности ждет на Ближнем Востоке, займет Кавказ и вонзится в советскую землю, как нож в сало...

Когда майор говорил своим сухим, трескучим голосом, было такое впечатление, будто под столом ломают лучины.

— Но вы ведь находитесь в состоянии войны с гитлеровской Германией? — прервал его Висентэ. — Почему Франция не

открывает военных действий на германском фронте, а хочет напасть на Советский Союз?

— Это стратегия, — не сразу ответил майор. — Когда мы разобьем Советский Союз, Германия будет окружена, и мы легко справимся с нею. Вы командир. Вам должно быть понятно, что борьба против Советского Союза является частью плана, разработанного нашим генеральным штабом против гитлеровской Германии...

— Я все-таки не понимаю, зачем я вам понадобился.

— Нам нужна ваша помощь. Конституция Франции не позволяет призывать в армию иностранцев. Но вы вместе со своим батальоном можете подать прошение о том, чтобы вас зачислили в экспедиционный корпус, который отправится в Финляндию. После победы вы станете французским подданным и будете пользоваться всеми нашими свободами, как любой француз. Ну, что вы об этом думаете?

— Что я об этом думаю? — с удивлением переспросил Висентэ Биенавентэ. — Мы, испанские республиканцы, думаем так же, как французский народ.

— Означает ли это, что вы согласны?

— Это значит, что никогда, ни при каких обстоятельствах мы не будем воевать против Советского Союза! Это все, — сухо закончил Висентэ. — Могу идти?

Опираясь на ручки кресла, майор стал медленно приподниматься.

— Это измена! — закричал он. — Вы предаете Францию!

— Уж если мы будем искать предательство, — спокойно возразил Биенавентэ, — то найдем его здесь, в плане вашего генерального штаба.

В воздухе просвистела плеть. В ту же секунду с шумом распахнулась дверь и вбежало несколько жандармов. Они схватили Висентэ, скрутили ему руки и поволокли в темный коридор. Его втолкнули в комнату с решетками на окнах. Здесь уже было полно людей. Лица их, со следами побоев, говорили о том, что они прошли тот же путь, что и Висентэ.

Когда комната была переполнена доотказа, за окнами загудела автомашина. Жандармы предложили арестованным покинуть помещение.

Все шли с гордо поднятыми головами. Ни окрики, ни удары не могли разрушить молчаливой сплоченности этих людей.

В окружении жандармов арестованные сели на грузовики. Загудели моторы, и машины выехали на асфальт. Они направились, повидимому, в сторону карцера.

И тут произошло нечто неожиданное. Один из арестованных запел «Интернационал». Над его головой взлетели резиновые дубинки, но песня не оборвалась, ее подхватили другие.

К ограде из колючей проволоки сбегались заключенные, поднимая руки в знак международного антифашистского приветствия. Гимн звучал все шире, к поющим постепенно присоединился весь лагерь. Весь лагерь пел, продолжал петь и тогда, когда машины уже исчезли за бараками карцера...

Первые три дня арестованным не приносили ни воды, ни пищи. Люди сидели на неструганом грязном полу неподвижно, чтобы сохранить остаток сил. Над их головами в темной двускатной крыше светились щели, сквозь которые, как лезвия шпаг, пробивались тонкие лучи солнца.

Труднее всего было обойтись без воды. К вечеру второго дня многие потеряли сознание. Арестованные стучали кулаками в стены и в дверь, просили воды, но никто им не отвечал. Наконец дверь открылась, и в карцере появились жандармы с дубинками. Они начали избивать заключенных за нарушение тишины. Они били даже тех, кто не был в состоянии подняться.

Через некоторое время после того, как они ушли, солнечные шпаги, пронизывавшие крышу, исчезли и по сухим доскам застучал дождь.

Сколько раз эти люди, отрезанные от всего мира, проклинали серые тучи, которые, проливаясь дождем, превращали болотную трясику в непроходимую топь! Сегодня же арестованные с надеждой поднимали свои воспаленные от жажды глаза к широким серым щелям. Крупные капли, задерживаясь на краях досок, долго блестели и медленно тянулись книзу, словно боясь упасть и затеряться в этой толпе жаждущих. Но все же, одна за другой, они отрывались от крыши и, пропитанные запахом смолы, падали в протянутые ладони.

Медленно подошел вечер. Дождь все лил, как из ведра. Пол, на котором спали арестованные, насквозь промок.

Около полуночи звякнули ключи. В карцер вошли жандармы. Их командир сказал:

— Вы, кажется, пить хотели? Следуйте за мной.

Их вывели в темноту, где хлестал дождь, и поставили под водосток. Мощная ледяная струя лилась на непокрытые головы. Через минуту все промокли до нитки.

— Пейте скорей, — ворчал командир. — В вашем распоряжении только полчаса.

Прикрываясь накидкой от дождя, он вынул часы и посветил на них карманным фонариком.

Поздно ночью, когда измученные люди задремали в бараке, недалеко раздались выстрелы и крики. Снова загремели ключи, и в карцер ворвались жандармы. Всех выстроили в ряд и проверили: недоставало пяти заключенных.

Осмотрев барак, жандармы обнаружили, что пол в одном из углов взломан и в болотистой земле выкопан ход. Через него-то и бежали те пятеро, решившие либо умереть, либо вернуть себе свободу. Троице из них удалось сделать подкоп под колючей проволокой и скрыться, четвертого ранили, а пятого убили.

С утра в карцер прибыли саперы — исправить попорченную ограду и пол в бараке. То были простые люди, в прошлом рабочие и батраки. Они с малых лет привыкли к тяжелому труду. Поглядев на повреждения, старший из них — сержант — лукаво улыбнулся, говоря:

— Крепко забивать не станем, не беспокойтесь.

Завязалась непринужденная беседа. Узнав от арестованных о событиях последних дней, сержант задумчиво покачал головой.

— Да, они на это способны, — он показал рукой на дверь, за которой время от времени гремели по камням сапоги жандармов. — Но не думайте, что этого хотим мы, что этого хочет наш народ.

В знак дружбы он приказал своим саперам незаметно доставить сюда только что полученный завтрак. Солдаты передали его через дыру в полу. Потом вместе со строительными материалами были принесены еще хлеб и вода.

Пока Висентэ сидел в карцере, его заменял Изидоро Арконада. Старый учитель не прекращал занятий по изучению истории большевистской партии.

Висентэ Биенавентэ вернулся в свой барак через месяц. Он еле держался на ногах. Бледный, со впалыми щеками, целыми днями лежал он на жесткой соломе. Товарищи отдавали ему все лучшее из того, что получали сами, но и это лучшее было почти несъедобно.

Биенавентэ хирел. Он редко вставал, а гулял по лагерю, только опираясь на чью-нибудь руку.

Пришла и прошла весна. За колючей проволокой зашумело лето, жаркое и плодородное. Однажды Филиппэ Чапи и Изидоро Арконада долго думали вдвоем, чем бы помочь Висентэ.

— Надо рискнуть, — сказал, наконец, Филиппэ. — Я сегодня выберусь из лагеря, дойду до ближайшего селения и попытаюсь достать у добрых людей хлеба.

— А если поймают?

— Ну что ж, просижу месяц в карцере, как Висентэ, или в тюрьме. Это неважно. А Висентэ надо поддержать.

— Лучше пойду я, — сказал старик, подняв белую, как цветущий миндаль, голову.

— Нет, я моложе, да и ростом поменьше. Мне легче будет

пролезть через колючую проволоку. Да потом это и мой прямой долг — я ведь его связной!

Филиппэ тщательно готовился к ночному походу. Всю вторую половину дня он бродил возле колючей ограды, пока не нашел место, через которое легче всего было выбраться. Набрав полные карманы камней, он стал швырять ими в фонарный столб. Разбить лампочку было не так уж просто. Он бросал больше часа, рука начала уставать. Наконец что-то хлопнуло, и на землю посыпались осколки стекла. Выглянувший из будки часовой так ничего и не понял.

Вечером товарищи Филиппэ собрались неподалеку от этого места, стали петь испанские песни и плясать. Двое охранников подошли к ограде и закурили, с удовольствием глядя на бесплатное зрелище.

Филиппэ заткнул за пояс пустой мешок.

— Проводишь меня, Изидоро?

— А как же иначе? — ответил Изидоро, поправляя сползавшие на нос очки. — Хоть бы все сошло благополучно!

Висентэ ничего не знал об опасном походе Филиппэ. Он лежал на полу и спокойно слушал, как в другом конце барака ребята пели фронтовые песни.

Филиппэ и Изидоро вышли и еще раз осмотрели все кругом. Электрическая лампочка не горела, ограда в этом месте была погружена в темноту. Филиппэ протянул другу руку.

— Будешь меня ждать?

— Буду, — сказал Изидоро. — Буду ждать всю ночь. Постарайся вернуться до рассвета.

Филиппэ не пошел по шоссе, где можно было столкнуться с конными жандармскими патрулями. Он пробирался полем. Трава была мокрая от росы, и цветы пахли так сильно, что ему вспоминались долины Каталонии, ее разукрашенные цветами пригорки.

Ветер дул со стороны Пиренеев прямо в лицо Филиппэ. Стоило ли возвращаться в этот вонючий лагерь, в топкое болото, в голод и холод, где каждый не знал, что с ним будет завтра? Ведь когда-нибудь все оставшиеся в живых снова перейдут Пиренеи и присоединятся к тем, кто с оружием в руках борется за свободу Испании. Так не лучше ли сегодня же, раз уж ему посчастливилось выбраться из лагеря, пойти напрямик — через синюю стену гор, через границу, навстречу борьбе и победе?

Но он вспомнил своих товарищей, старого учителя Арконада, который не сомкнет нынче глаз, дожидаясь его возвраще-

ния, вспомнил Висентэ Биенавентэ, чью жизнь необходимо было спасти...

Филиппэ присел на минуту на край канавы отдохнуть. Он сидел и думал, глядя то в сторону Пиренеев, то через поля в низину, где находился лагерь.

Стук копыт вернул его к действительности. Филиппэ прижался ко дну канавы и замер. Патруль проехал мимо. Когда топот затих, Филиппэ намочил руки росой, обтер горячий лоб и поднялся. Решение было принято — об этом говорила его уверенная походка.

Была глубокая ночь, когда Филиппэ подошел, наконец, к селению. По сторонам появились первые дома. Ни одно окно не светилось. Он свернул в узкую улочку и вдруг остановился: в темноте сквозь густые ветви акации блеснул луч света. Филиппэ раздвинул ветви и за освещенным окном увидел сидевшего у стола человека средних лет, по всей видимости крестьянина. Тот ужинал, время от времени заглядывая в газету. Филиппэ тихо постучал в окно. Прижавшись лбом к стеклу, человек посмотрел в ночь. Он увидел маленькую, почти детскую голову Филиппэ и открыл окно.

— Чего ты хочешь, паренек?

Филиппэ коротко рассказал незнакомому крестьянину, что он пришел из лагеря за хлебом, что опасно болен его командир и что в эту же ночь ему надо попасть обратно.

Пробормотав что-то под нос себе, крестьянин открыл дверь.

— Подожди меня здесь. Я постараюсь достать побольше. Жена! — он обернулся к тонкой занавеске, разгораживавшей комнату. — Вставай и накорми гостя ужином!..

Он взял мешок Филиппэ и ушел, заперев дверь на ключ. Из-за занавески вышла женщина в поношенной одежде. Она приветливо поздоровалась, в свою очередь обо всем расспросила Филиппэ и поставила на стол ужин.

— Тяжело вам, беднягам, приходится, — сказала она, вздохнув и присаживаясь рядом с Филиппэ. — Нам тоже нелегко. Гитлер нападает на Францию, а наши генералы посылают солдат воевать против России.

Хозяйка рассказала Филиппэ, что ее сын Пьер зачислен в экспедиционный корпус. В порту мобилизованные отказались сесть на пароход и были все арестованы...

Она расплакалась. Вытирая кондом платка свои мокрые щеки, она глядела на незнакомого гостя с такой задушевностью, будто тот был ее сыном.

Чувствуя на себе этот сурдобольный взгляд, Филиппэ живо вспомнил свою мать, с таким трудом определившую его в школу. Где-то она теперь? Может быть, вот так же сидит за сто-

лом и плачет о своем сыне? А может быть, она в концентрационном лагере? Может быть, даже... умерла?

Ключ повернулся в замке. В комнату вошел хозяин. Он сбросил с плеч мешок, вытер вспотевший лоб и сказал:

— Тяжело. Не донесешь. Жена, положи еще чего-нибудь ребятам на закуску. Я пойду запрягу лошадь.

Ночь подходила к концу, когда они добрались до окрестностей лагеря. Дальше ехать было нельзя. Филиппэ должен был слезть и исчезнуть.

— Будет нужно, приходи опять, — сказал на прощанье угрюмый крестьянин, проехал еще несколько шагов рядом с Филиппэ, затем круто повернул и пустил лошадь рысью.

Филиппэ скрылся в высоких хлебах. Согнувшись под ношей, он шел в сторону лагеря. Предстояло самое трудное: попасть в него.

Недалеко от цели Филиппэ остановился перевести дух. Вокруг была тишина. Темные бараки за колючей проволокой еле виднелись в рассветной мгле. Свивавшийся на болотах туман густел и вот уже начинал окутывать поле, где отяжелевшие от росы колосья умывали смелого паренька.

Филиппэ не медлил. Он быстро перебежал через дорогу, принял к земле и пополз, одной рукой волоча за собой мешок. Он легко пробрался через первое заграждение и очутился в «мертвой зоне». Совсем слившись с землей, Филиппэ с минуту прислушивался. Из травы перед самым его носом выпорхнул жаворонок и стрелой взлетел к посветлевшему небу.

С мешком на спине Филиппэ, как улитка, полз вперед по мокрой траве к тому самому месту в ограде, через которое он несколько часов тому назад покинул лагерь. Наконец руки его прикоснулись к холодной, влажной от росы колючей проволоке.

Два нижних ее ряда были перерезаны, а острые концы отогнуты. Филиппэ сразу догадался, чья это работа. Он протолкнул в отверстие мешок. В ту же минуту из-за барака выполз Изидоро. На его седых волосах блестела роса. Пожав руку Филиппэ, он подхватил мешок. Еще несколько мгновений, и оба исчезли в бараке.

Здоровье Висентэ быстро улучшалось. Скоро он уже сам руководил своей группой, изучавшей историю партии. Эту работу приходилось проводить все осторожнее, так как в бараки часто врываются жандармы, производя обыски и аресты. Мало того: к заключенным засылали теперь предателей.

Однажды в сектор батальона Висентэ прибыли двое испанцев в потрепанной фашистской военной форме. По справкам это были беженцы из франкистской Испании. Они рассказали

про жизнь по ту сторону Пиренеев, про тамошние концентрационные лагеря. Рассказали, что заключенные там разбиты на рабочие батальоны и отправлены в горы — строить укрепления на французской границе. Им двоим удалось в темную дождливую ночь оставить свой батальон и бежать во Францию. Французские пограничники задержали их и направили сюда. Рассказ этот не возбудил никаких подозрений.

Вновь прибывших несколько раз вызывали к коменданту. Возвращаясь, они жаловались на французских жандармов и даже довольно громко проклинали их, чем завоевали еще большее доверие товарищей.

Начало лета было дождливым и серым. Только когда ветер приподнимал клубы тумана, под ними вырисовывались горбатые спины Пиренеев.

Вода наполнила реки. Коричневый от глины поток яростно катился вперед, поддерживая желтоватую пену, кое-где выходя из берегов и оставляя после спада воды на зеленой траве красноватый ил.

Глинистые болота и луга, сжатые продолговатыми пригорками, стали похожи на озера. Везде журчали ручьи, а земля дымилась, как после пожара. Пар, поднимаясь в воздух, сливался с низкими облаками, которые тихо скользя над седыми болотами, задевая верхушки деревьев и крыши домов.

В то утро лагерь был закутан желто-серым туманом так плотно, что его не было видно даже с дороги. Стража дремала в своих сторожевых будках. Кругом была непролазная грязь, и заключенные не выходили из бараков.

Люди батальона Висентэ, закончив изучение истории партии, собрались для заключительной беседы. Изидоро, как обычно, шагал взад и вперед по бараку, выслушивая вопросы и давая немногословные, но исчерпывающие ответы. Двое беженцев тоже сидели тут, внимательно наблюдая за ходом занятий.

Вдруг на шоссе раздались глухие шаги. По стуку сапог можно было определить, что это идут строем жандармы. Филиппэ Чапи приоткрыл дверь, но ничего не смог разглядеть сквозь густой туман.

Колонна остановилась перед сектором батальона Висентэ. Послышалась отрывистая команда, и жандармы, сорвав с плеч короткие карабины, стали бегом окружать бараки. Захлопнув дулами карабинов оконные люки и оставив постовых у дверей, они ворвались к заключенным. В это же время несколько жандармов снаружи ударами каблуков и прикладами разбивали в куски статуи республиканца.

Дверь ближайшего барака стремительно распахнулась, и на

пороге со связанными за спиной руками показался Изидоро Арконада. Старика вытолкнули с такой силой, что он упал в грязь и не мог подняться. Один из жандармов схватил Изидоро за руку, другой — за седые волосы. Так его и погасили по камням и грязи к выходу из сектора, где уже стояли наготове автомашины.

Изю всех барачков вытаскивали связанных республиканцев. Среди них был и Висентэ Биенавентэ.

Но тут произошло то, чего не ожидали ни заключенные, ни жандармы. В бараках соседних секторов почти одновременно раскрылись двери, и наружу хлынули сотни республиканцев и бойцов Интернациональной бригады. Они хватали камни, вырывали жерди из ограды, разделявшей сектора, и спешили на помощь.

В воздухе мелькали камни, комья грязи, палки. То и дело в тумане раздавались выстрелы.

Ожесточенный бой скоро прекратился. Жандармы в изодранных накидках спешили вскарабкаться на автомашины. На одну из машин втащили Изидоро Арконада. Старый учитель был уже мертв. Он лежал на грязном полу грузовика, а из-под его разорванной рубахи выглядывала тетрадь в синей обложке. Жандармы выхватили ее и изорвали в клочья.

В суматохе из батальона Висентэ исчезли оба испанских беженца. Никто не заметил, куда они девались.

Скоро на шоссе показалась вооруженная колонна, во много раз больше первой. Это шла рота солдат, возглавляемая командиром. Колонну сопровождал священник. Она остановилась напротив сектора батальона Висентэ и построилась в две шеренги. После краткой речи командир предоставил слово священнику. Тот благословил смелых защитников отечества и свободы и призвал солдат выполнить приказы командира и быть героями при уничтожении врагов.

Он кончил. Раздалась команда зарядить винтовки.

Все заключенные столпились у колючей проволоки. Висентэ Биенавентэ, которого отбили в схватке, поднятый на руках над толпой, обратился к солдатам: «Да здравствует французский народ! Солдаты с нами!» Заключенные запели «Марсельезу».

Солдаты стояли как вкопанные, ни одна винтовка не поднималась. Командир роты вместе со священником метался вдоль рядов, то бранясь, то уговаривая. Но солдаты не двигались, крепко прижимая к себе винтовки.

Видя, что все кончилось позорным провалом, командир подал команду об уходе роты. Ему пришлось повторить ее несколько раз. Только когда затихли последние звуки «Марсельезы», солдаты повернулись, вскинули на плечи винтовки и ушли.

После этого лагерь ожидал дальнейших репрессий. Учас­тись побегу. Часовые начали открыто проявлять сочувствие к заключенным: заметив ночью беглеца, запутавшегося в густых заграждениях, они поднимали проволоку и помогали ему вы­браться из лагеря. Среди бела дня открыто переговаривались с республиканцами через колючую ограду, угощали их сига­ретами.

Охрану через несколько дней сменила новая воинская часть. Она состояла из ополченцев — усатых французских рабочих, крестьян и ремесленников. Первое время они смотрели на заклю­ченных с некоторым недоверием, но оно скоро исчезло.

Присланные саперы принялись за восстановление разру­шенной ограды. Теперь на них не полагались, каждую сапер­ную группу сопровождал жандарм. Но восстановить ограду между секторами так и не удалось: в проволочных переплете­ниях каждый день появлялись новые ходы. В секторе батальо­на Висентэ Биенавентэ вместо разломанной жандармами фигу­ры республиканского бойца выросла другая. Она все так же призывала не забывать Испанию, помнить о продолжающейся борьбе.

Республиканцы чувствовали свою силу, а жандармов трево­жила собственная слабость. Они боялись даже солдат: как знать, что скрывается под этим сине-серым армейским мунди­ром? Опыт последнего столкновения был слишком горек, чтобы пытаться повторить его еще раз. Видимо, поэтому ожидаемых репрессий пока не было.

Причиной тому в известной степени явилось и катастрофи­ческое положение на фронте. Гитлеровские танки и моторизи­ванные дивизии прошли Арденнские горы, форсировали реку Маас и, глубоко вклинившись в Северную Францию, старались окружить английские и французские военные соединения во Франции.

Тяжелое положение на фронте порождало, с одной стороны, настроение капитуляции и твердое желание сопротивляться — с другой.

Народ во главе с коммунистической партией открыто и ост­ро критиковал политику правящих кругов.

Часть французской и английской армии во Фландрии бы­ла разбита, другой части удалось эвакуироваться в Англию. Очистив тыл, фашистская армия с еще большим ожесточением рванулась к центру Франции и в середине июня достигла Па­рижа.

В эти трагические дни испанским республиканцам, находив­шимся в концентрационном лагере, роздали лопаты и отправили их в сопровождении жандармов на разные участки фронта — строить укрепления. На их место привезли арестованных комму­

нистов Бельгии и Голландии, политических эмигрантов и множество женщин и детей.

Но строители укреплений скоро вернулись в лагерь. Не встретив организованного сопротивления со стороны французской армии, гитлеровцы стремительно продвигались вперед и приближались к Бордо, где находилось капитулировавшее французское правительство. Из лагеря можно было ежедневно наблюдать в небе немецкие самолеты. Все признаки говорили о том, что враг недалеко.

— Что делать? — этот вопрос волновал каждого заключенного.

Висентэ Биенавентэ получил указание коммунистической партии — в критическую минуту выбраться вместе с надежными людьми из лагеря и соединиться с французским движением Сопротивления или же перейти Пиренеи и влиться в ряды испанских партизан. И Висентэ начал действовать.

Разбив бойцов на группы, он для каждой наметил командира. Днем сушили хлеб и готовили карты пограничных районов. Каждую ночь лагерь покидала очередная группа, направлявшаяся в сторону Пиренеев. Наконец пришел черед Филиппэ Чапи и Висентэ Биенавентэ. Они решили бежать в одну ночь, только по разным дорогам, и встретиться близ городка Олорон, чтобы дальше идти вместе.

К закату на шоссе показалось много беженцев. Тысячи французов — те, кто не хотел оставаться в гитлеровской неволе, — бросали свои насиженные места и спешили к Пиренеям, словно надеясь, что на последней пяди французской земли их сможет спасти какое-то чудо. Они шли запыленные и усталые. Мужчины несли на плечах большие узлы, а женщины прижимали к груди маленьких детей, накрывая их платками. Порой толпу пешеходов расшвыривали тяжело нагруженные лимузины. Проклятья неслись им вслед.

Лагерная стража с тревогой вглядывалась в эту живую лавину, стремившуюся к Пиренеям. Охранники не замечали, что время от времени от колючей ограды отделяется тень, теряющаяся в людском потоке. Они думали о своих городах и селах, о женах и детях, оставленных там.

Филиппэ Чапи со своей группой был уже на свободе. Висентэ собирался последовать его примеру. Приподняв половицу, он вынул из тайника пачку синих тетрадей и спрятал под одежду. Там же, заботливо прикрытый, лежал его полевой бинокль. Он повесил его на шею, как делал всегда перед боем, и вышел к бойцам:

— За мной, товарищи!

Темнота сгушалась. Облака почти лежали на крышах барakov. На мгновение Висентэ остановился у фигуры республи-

канца, как всегда показывавшего рукой на Пиренеи. А гор сейчас не было видно. Они погрузились в густую непроглядную тьму.

Висентэ снова подумал о своей родине. Она тоже была погружена в темноту глубокой ночи. Эта ночь опускалась и над Францией — ночь, несущая с собой рабство и уничтожение, ночь, не дававшая дышать и жить. Единственно возможная жизнь теперь была в борьбе за свободу испанского и французского народа. Другой жизни Висентэ не представлял себе.

На станции Олсрон было полно народу. Тысячи людей толпились на железнодорожных путях, запруженных длинными составами. С открытых платформ в темноту глядели стволы оружий, грузовые автомашины, походные кухни; за платформами стояли запломбированные вагоны с боеприпасами, винтовками и пулеметами. Все, что было так необходимо фронту, находилось здесь, в глубоком тылу, неведомо когда и откуда привезенное. Возле некоторых вагонов сгибались и разгибались фигуры железнодорожников, но никто не интересовался, что они делают. Часть жандармов охраняла билетную кассу и здание вокзала от возбужденной людской толпы, остальные окружили пассажирский состав, впереди которого пыхтел паровоз. Вагоны были переполнены доотказа, люди сидели даже на крышах. Через цепь жандармов то и дело прорывались новые пассажиры, бросали вещи, которые пронесли на своих плечах десятки километров, и старались ухватиться за подножки вагонов.

Висентэ, отделившись от толпы, пошел к железнодорожникам, возившимся у запломбированных вагонов. Ему хотелось разыскать своих олонских друзей или хотя бы узнать про их судьбу... Но он не мог задерживаться, за городом ждали его бойцы, надо было спешить, чтобы успеть в этой суматохе скрыться в горах и начать новую жизнь.

Из одного вагона через дверную щель пробивался тусклый свет железнодорожного фонаря. Висентэ остановился.

— Товарищ! — тихо сказал он, прильнув к двери вагона.

Фонарь потух. Глядя в ночную тьму, железнодорожник встревоженно спросил:

— Кто там? Что нужно?

Висентэ узнал этот голос! Он принадлежал человеку, который дал ему когда-то книгу, спрятанную и сейчас у него на груди. Висентэ назвал свое имя.

— Как? — радостно отозвался все тот же голос. — Из лагеря?

Железнодорожник прыгнул на землю и обнял Висентэ.

— Хорошо, что не остались. Хорошо! — И, точно угадав

мысли Висентэ, добавил: — Маршалы предают, генералы бездействуют. Ничего не поделаешь, надо воевать самим.

Он показал на полный оружия вагон.

— На фронте нехватало, солдаты выпускали последние патроны, а здесь, у Пиренеев, бери сколько хочешь. Дивизии можно вооружить. Но теперь мы за это возьмемся, брат. Гитлеру ничего не оставим. И Петэну тоже. Ты слышал уже, что случилось?

— Что? Я ничего не знаю!..

— В Бордо заключили перемирие. Они хотят отдать французский народ в фашистскую кабалу! Но это им не удастся! Народ еще не сказал своего слова. Он его скажет — вот с этим оружием в руках... А ты теперь куда — в Испанию?

— В Испанию. Группа ждет за городом, остальные уже в горах.

— Нам не хотите помочь! — с упреком сказал старый железнодорожник.

— Здесь будете действовать вы сами.

— Сами-то сами. Мы, конечно, будем действовать. Но у нас маловато командиров. Люди есть, оружия хватает, а вот хороших руководителей маловато. А у вас их больше, чем нужно...

Висентэ задумался. Нелегко ему было решиться на это — оставить друзей и боевых товарищей, идущих через горы на родину. Наконец он протянул старому железнодорожнику руку.

— Ладно. Пойду провожу своих, а там вернусь. Уговорились?

— Уговорились!

И старик крепко пожал руку Висентэ.

Группа Висентэ, получив винтовки, ушла в горы, где ее ждал уже Филиппэ Чапи. Они встретились на рассвете в лесной чаще, куда не раз приезжали из лагеря рубить дрова. Увидев, что бойцы Висентэ вооружены с головы до ног, Филиппэ просиял от счастья.

Принесенного оружия хватило на всех. Филиппэ роздал его, затем разложил костер и стал готовить завтрак.

На вершине горы, на ветвях большого дуба была охотничья будочка, в которой сидели два наблюдателя, следя за дорогами. Дым от костра медленно поднимался вверх и рассеивался среди пышных верхушек деревьев. Висентэ Биенавентэ взобрался на дуб.

— Ступайте завтракать, — сказал он наблюдателям. — Вам скоро в путь. Я тут побуду.

Он поднес к глазам бинокль. Над окрестными дорогами стояла пыль. По ним все еще лился поток беженцев. Франция была отдана без боя, предатели в Бордо бросили к ногам Гитлера всю страну! Только французский народ они не могли сло-

мать. Народ поднимался. Поднимался, смелый и гордый, для новой борьбы.

Висентэ посмотрел в другую сторону. Там находился окутанный колючей проволокой, осевший в трясины его бывший концлагерь. Вон сектор его батальона... Вон виднеется статуя, изваянная им. Там, на болоте, за колючей проволокой остались самые тяжелые дни Висентэ, остался его друг Изидоро Арконада.

В прозрачных стеклах бинокля опять появилась фигура республиканца с винтовкой и поднятой рукой, и Висентэ подумал: «Прощай, Изидоро Арконада, и все, все, кому не суждено идти вместе с нами! Мы уходим, чтобы винтовками, геройством и кровью изваять другую статую — свободу испанского и французского народа...»

Группа Филиппэ Чапи уже готова была выступить. Висентэ Биенавентэ спустился с дуба и пожал руки всем товарищам.

— До свиданья по ту сторону Пиренеев, в свободной Испании! Счастливо, Филиппэ!

Партизаны скрылись в лесу. Висентэ несколько минут смотрел вслед им, затем повернулся и твердыми шагами направился к Олорону.

В траве сверкала утренняя роса. На ветках деревьев прыгали, распевая, птицы. Сизые тучи постепенно окутывали вершины гор.

ПО ТУ СТОРОНУ ПИРЕНЕЕВ

*Посвящается
памяти замученного франкистами
партизана
Кристино Гарсия.*

Весь вечер они шли вверх по южному склону Сиерра Невады. Слева поднимался самый высокий пик этого горного хребта — Пико дель Муласэн. Сдвинув на свой снежный затылок мохнатую шапку облаков, он как бы злорадствовал: «Эх вы, рожденные ползать, напрасно мучаетесь! Где вам добраться до моих величественных высот!»

Люди карабкались и соскальзывали, хватались за выступы скал, подавали друг другу руки и снова карабкались вверх. Не останавливаясь, час за часом поднимались они все выше и выше.

Впереди шел вооруженный отряд. Одежда на бойцах была изорвана о камни и колючий кустарник; головы их были покрыты синими беретами или зелеными сомбрерос.

Отыскивая себе дорогу в крутых ущельях среди скал, следом за ними медленно тянулась вереница погонщиков мулов со своими навьюченными поклажей четвероногими друзьями. Затем шли женщины и дети, а все шестые замыкал такой же вооруженный отряд, как и в авангарде.

Горная вершина придвигалась все ближе. Словно устыдившись своей несправедливой иронии, Пико дель Муласэн закутался в облачное покрывало. Сквозь серую мглу луна осыпала скалы легким серебряным блеском.

Далеко внизу все еще слышалась стрельба. Эхо повторяло выстрелы в горах. Женщины и дети вздрагивали и с тревогой

оглядывались. Иногда казалось, что пулемет трещит тут же, над их головами.

Звуки выстрелов постепенно удалялись и, наконец, стихли. Долины наполнились черными ночными тенями и тишиной, той тишиной, от которой клонит ко сну бойцов, утомленных в сражении, и которая на несколько часов заставляет забыть смертельную опасность и тяготы завтрашнего дня.

Люди шли и засыпали на ходу, падая на острые камни. Шаги их становились все тяжелее, продвижение вперед — все медленнее. Старших детей матери крепко прижимали к себе, чтобы те в полусне не свалились в темную бездну. Младших сажали на мулов и привязывали к вьючным корзинам. Самых же маленьких мужчины несли на своих широких плечах. Нашупывая копытами неровную горную тропу, спотыкались и фыркали усталые мулы, а погонщики тихо понукали и бранили их.

Стало холодно. Земля покрылась белыми кристаллами инея. Горные ручьи уже не шумели, не грохотали, как днем, а переливались отчетливо и ритмично.

Полоща ноги в прохладных водах Рио Насимэнта, а головой упираясь в цветущие сады Гренады, как грозное сказочное чудовище, лежала гряда Сиерра Невады. Изнеможенные люди сделали привал в гуще сумрачных елей, недалеко от полосы снегов. Мулов развьючили и пустили пастись: между деревьями росла сочная трава. Мужчины набрали сухого валежника, развели небольшие костры и расселись кругом. Из вьючных корзин вынули краюхи черствого хлеба, соленые маслины, а для детей достали сушеный инжир. Пламя жадно пожирало сухие ветви. Его теплое дыхание, как ласковая ладонь, касалось усталых век. После скромного ужина почти все заснуло.

Положив головы на материнские колени, казавшиеся им мягче подушек, дети засыпали с медовыми винными ягодами во рту. Сон бывает иногда слаще самого вкусного на свете лакомства, но сладость его может узнать только тот, кто смертельно устал.

От массивного серого камня, глубоко вросшего в землю у самого костра, порывисто отделился человек невысокого роста, с большими беспокойными глазами.

— Макарио! — положил он руку на плечо одного из мужчин. — Эй, Макарио Родригес! Ты что, тоже уснул?

Тот, к кому он обращался, вздрогнул и поглядел на него.

— Нет, Александро Ортэга. Глаза щемит, но что-то не спится. Сажу и думаю.

— Ладно, подумаем потом вместе. А сейчас надо расставить посты. Кто знает...

— Трудное дело, товарищ командир. Уж очень все устали.

— Возьми погонщиков мулов. Они не участвовали сегодня в бою.

— Единственный выход, Алехсандро.

Макарио Родригес пошел будить погонщиков, давно уже крепко спавших. Алехсандро Ортеха снова уселся на твердую спину камня.

Прямо перед ним в лесу открывалась широкая просека — след пронесшейся здесь когда-то снежной лавины. Отсюда был виден западный склон горы. Глядя вдаль, Алехсандро напевал тихонько:

Дай приют борцам, Сиерра Невада,
Скалы настужь распахни, как двери!
Вражеские пули не настигнут
Тех, кого укроешь ты в пещере.

Выставив часовых, Макарио вернулся к костру.

— Товарищ командир, все в порядке... Теперь и тебе пора отдохнуть.

— Нет, я не усну сейчас. Нынче день для меня не обычный...

— День рождения?

— Нет, Макарио, ты не отгадаешь. Вот в такую же ночь, ровно шесть лет тому назад, я оставил свою родную Астурию, темную хижину моего отца-углекопа. Я был тогда совсем еще молод. Никто не поверил бы, что мой партизанский отряд, состоявший из таких же юнцов, как я, не давал покоя фалангистам в течение целого года. Но потом они напали на мой след. Отца моего и мать расстреляли, было схвачено много товарищей, а мне удалось бежать. Долгое время я скрывался там же, в горах, несколько раз заглядывал в опустевшую лачугу углекопа... Наконец однажды ночью срубил два деревца, инжирное и гранатное, — они росли у нас в саду возле колодца, — поджег нашу хибару, чтобы ничего не досталось врагам, и ушел из тех краев. В Сантандерских горах я нарвался на фалангистов, преследовавших большой партизанский отряд басков. Сначала меня хотели расстрелять. Но так как я выглядел совершенным мальчишкой и упорно твердил, что не имею никакого отношения к партизанам, мне поверили наполовину и заменили смертный приговор концентрационным лагерем. Тех, кто не был расстрелян, кто не умер с голоду и вынес все истязания, через полгода отправили на Пиренеи — строить укрепления вдоль французской границы. В одну из грозовых ночей мы целой группой перешли границу. Во Франции нас арестовали и снова заключили в концентрационный лагерь, недалеко от Бискайского залива. Там находились тысячи бойцов бывшей республиканской армии и Интернациональной бригады...

Макарио слушал, не спуская глаз со своего командира. Алехандро впервые рассказывал о себе. Никто из партизан их отряда до сих пор не знал, откуда родом этот невысокого роста, выносливый и строгий человек. Макарио познакомился с ним около года тому назад в партизанском штабе. Их обоих направили в Андалузию руководить этим отрядом. Много раз они глядели смерти в глаза, добивались побед, терпели неудачи и преодолевали невероятные трудности. Подкрепляясь прохладным вином у костра в промежутках между боями, партизаны рассказывали о своей жизни, о родной стороне, о близких. Алехандро был отзывчив, радовался со всеми или мрачнел, если речь шла о чьей-нибудь беде, но о себе никогда не говорил ни слова.

— Как же ты снова попал в Испанию, Алехандро?

— Это долгая история. Во французском концентрационном лагере товарищи обучили меня грамоте и письму. Я прочел много замечательных книг, которые написали великие вожди революции Ленин и Сталин. Это приходилось делать тайком, чтобы не пронюхали жандармы. Вскоре я стал членом коммунистической партии. Мы учились и готовились к новым боям. Да, сидя за колючей проволокой... Когда гитлеровские войска оккупировали Францию, нас послали углубами в шахты. Я попал в департамент Гар. Нас заставляли работать от зари до зари, с нами обращались, как с рабами. Мы не покорились, мы взорвали несколько шахт и ушли в горы. Там мы присоединились к свободным сынам Франции и вместе с ними начали борьбу не на жизнь, а на смерть с фашистскими оккупантами. Победа под Сталинградом была и нашей победой. Мы стали еще смелее. Редкому железнодорожному составу удавалось уйти из департамента Гар на восточный фронт. Не знаю, как это случилось, но мне доверили руководство всем партизанским движением в департаменте. И когда пришла победа, добытая в жестоких боях, я, конечно, радовался, но понимал, что еще не все наши враги побеждены. По ту сторону Пиренеев скрывались те, кто бежал от справедливого суда свободолюбивых народов. Наша родина стала змеиным логовом европейской реакции... Не удивляйся поэтому, Макарио, что сегодня я с вами. Я снова перешел Пиренеи и поклялся отложить в сторону мою винтовку только тогда, когда Испания будет свободна. Вот как, старина!.. В эту ночь исполняется ровно шесть лет, как я не был в родных местах. Шесть лет!.. Asturias, tierra querida... *

Алехандро поднял руку, на которой светился кружок коммюна, и показал на северо-запад.

— Гляди, Макарио, вон там Астурия, мой родной край. Че-

* «Астурия, любимая земля» — слова партизанской песни.

человек чем-то похож на иглу компаса. Та стремится к северу, человек же — к своей родине. Но ты, может быть, не так остро переживаешь это? Ты ведь здешний. Тебе не приходилось покидать места, где ты родился и вырос...

— Как ты можешь так говорить, Александро? — горячо воскликнул Макарио. — Правда, я простой крестьянин, я не умею как следует писать и читать, но разве мысли и чувства у нас с тобой не общие? Будь это иначе, я бы не сидел этой ночью в горах Сиерра Невады с винтовкой в руках, а спокойно спал бы в своей хижине, а с первыми лучами солнца отправлялся рыться в виноградниках ненасытного тьерратьенэнта *. Нет, Александро! Я оставил дома жену, детей, свой бедный скарб и пришел сюда, где я каждую минуту могу умереть. Я так же, как и ты, люблю свою родину и свободу! Вспомни, Александро: несколько месяцев тому назад мы проходили по горам Сиерра Морены и по знойным степям Андалузии. Как-то вечером я глядел на пересохшую долину, и сердце у меня сжалось. За одну единственную каплю воды там расплачиваются потом и слезами. Крестьяне тысячами умирают с голоду и работают, как невольники, чтобы у нескольких сеньоров были закрома, полные пшеницы, хлеба, полные свиней, и карманы, полные звонкого серебра. Сеньоры и пальцем не пошевелинут для того, чтобы наша земля стала плодородной, чтобы каждый мог положить себе в рот кусок хлеба, заедая его сладкой винной ягодой! Но когда мы победим, Александро, эти степи превратятся в сады. Мы отнимем землю у тьерратьенэнта и отдадим ее тем, кто век свой взрыхлял и перекапывал чужую землю, у кого сейчас нет ничего, кроме сгорбленных спин и мозолистых рук. Когда закончится борьба с угнетателями и народ станет свободным, мы начнем борьбу с природой. Мы запрудим горные реки и по каналам доставим влагу к жаждущим полям. Там, где сейчас козы и овцы с трудом отыскивают чахлый стебелек травы, будут гнуться виноградные лозы, зашумят рощи оливковых, персиковых и инжирных деревьев. На огородных грядках будут зреть земляные орехи. Рабочие пришлют нам массу разных машин... Александро, я не читал умных книг. Я не знаю, может быть, жизнь станет тогда еще прекрасней, чем я могу вообразить... Но только так, как сейчас, оно не останется. Вот о чем я думаю день и ночь, Александро. Об этом думают и все наши, здесь, в горах, и там — в скупых, неплодородных долинах...

Макарио умолк и мрачно глядел на красные угли костра. Александро обнял своего друга за плечи.

— Это не пустые мечты, Макарио, это наше будущее. Я тоже часто задумываюсь о нем. Придет время, и мечты наши ста-

* Тьерратьенэнтэ — крупный землевладелец в Испании.

нут явью... Может быть, ты и я этого не увидим, но испанский народ увидит!..

Макарио поглядел на Александро своими ясными глазами.
— Ты герой, Александро.

— Не надо так говорить. Я только стараюсь выполнять свой долг. Героизм — когда совершают больше, чем требует долг.

— А разве ты не делаешь этого?

— Нет. Мы должны освободить Испанию от фашистского гнета, а мы еще не освободили ее...

Наступило молчание. Вышла из облаков луна, все кругом посветлело. Александро взглянул на часы.

— Отдохнем немного, и снова в путь. До рассвета нам надо перевалить через хребет и выбраться на западный склон Сиерра Невады. Разместим в нашей базе женщин и детей и выработаем план новой операции. Ляг пока вздремнуть, Макарио. Я тебя разбужу. Буэнас ночес!

Они разошлись.

Стояла глубокая тишина. Только горные ручьи, сбегая в долины, пели свои полночные песни.

Этой ночью штаб фалангистов в Гренаде напоминал муравьиную кучу, в которую бросили камень. Из городка Орхива, расположенного на южном склоне Сиерра Морены, километрах в пятидесяти от Гренады, пришли взбудоражившие всех вести.

Среди бела дня большая группа партизан окружила городок, уничтожила почти весь местный гарнизон фалангистов, взорвала копи и спокойно удалилась в горы. Вместе с партизанами, захватив с собой скот и пожитки, ушло несколько десятков крестьянских семей.

За последние месяцы такие набеги партизан в окрестностях Гренады были не редкостью, но на сей раз это произошло в необычайной обстановке, днем, и нанесло фалангистам огромный ущерб.

— С рассветом послать в горы два самолета на разведку и два батальона фалангистов с горными мортирами. Уничтожать всех поголовно... и детей!.. Слышите? А главаря, если возможно, захватить живьем. Мы используем его для других целей. Понятно? Ну, действуйте и докладывайте о ходе операции.

Коронэль * Морсильо, побагровевший от злости, швырнул телефонную трубку и нервно зашагал по комнате.

* Коронэль — одно из высших офицерских званий.

— Адъютант! Усилить охрану штаба, выслать в город патрули! Ступайте.

Адъютант выскочил за дверь.

Возле письменного стола в мягком клубном кресле сидел человек с совершенно голым черепом и тяжелым подбородком; глаза его бегали из стороны в сторону. Он молчал и только безостановочно барабанил короткими пальцами по столу. Взглянув на взволнованного коронэля, он спросил его:

— Это ваше окончательное решение?

Говорил он с сильным иностранным акцентом.

— Да, барон фон Эйсберг... простите, сеньор Чичаро хотел я сказать...

Чичаро вскинул подбородок, как коза, занозившая себе язык острым шипом.

— Мой коронэль, вы все никак не можете запомнить моей теперешней фамилии. Извините, что я указываю вам на это. Но ваша забывчивость может доставить нам большие неприятности. Если б вы читали заграничные газеты, вы бы это поняли. Они там почти все раскрыли. И то, что армию Франко обучают бывшие гитлеровские генералы. И то, что в военной промышленности и лабораториях работают немецкие специалисты, что в Испании скрываются тысячи национал-социалистов из руководящих кадров нашей партии. Теперь может появиться новая сенсация. Вообразите, что сказал бы каудильо *, если бы коммунисты подняли крик, и не без основания, что у фалангистов работают советниками бывшие гестаповцы. Надо быть осторожней, мой коронэль! Всякая оплошность может повредить нашей политике.

Сеньор Чичаро сделал особое ударение на последней фразе.

— Я это понимаю, сеньор, — начал оправдываться коронэль Морсильо. — Постараюсь не допускать в будущем подобной ошибки...

Сеньор Чичаро успокоился и подошел к большой карте Испании, висевшей на стене. Синими флажками на ней были отмечены районы, где действовали партизаны. Сеньор Чичаро коснулся кончиком карандаша, окрашенного в коричневый цвет, места, на котором чернели буквы: Сьерра Невада.

— Видите ли, мой коронэль, мне кажется, что ваш план недостаточно продуман. У меня большой опыт в борьбе с белорусскими партизанами. Надо, во-первых, распорядиться, чтобы карательные отряды сожгли возле Сьерра Невады все деревни, поддерживающие партизан. Мужчин расстрелять, женщин и детей отправить в концентрационные лагеря и ликвидировать их там без шума. Против партизан развернуть энергичное на-

* Так фалангисты называют Франко.

ступление, поддержанное артиллерией и самолетами. Одновременно использовать и ловушки. Для этого надо подыскать настоящих людей. У вас, наверное, найдутся еще кое-какие остатки «толубой дивизии». В боях под Ленинградом они многому научились... Что вы скажете о моем предложении?

— Ясно, ясно. Это неплохая идея! Но, скажу откровенно, это потребует массы хлопот. И к тому же... не знаю, насколько дело серьезно.

— Как, вы еще сомневаетесь, мой коронэль? Да эти деревенские жучки исподволь подточат все основы вашего государства! А трудностей бояться не надо. «Черная работа — белый хлеб!» — так нас учил когда-то фюрер.

Сеньор Чичаро тяжело вздохнул и прикрыл свои круглые глазки, словно предаваясь далеким и приятным воспоминаниям.

Коронэль Морсильо посмотрел на него, выпрямился и, взяв со стола красный карандаш, обвел на карте район Сиерра Невады и перечеркнул крестами все деревни, оказавшиеся внутри красной черты.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Иначе ваша «голубая империя» рухнет в один неприятный для нас день, как обрушилась наша «третья империя». Все эти поселки я велю уничтожить. Хотел бы я знать, откуда эти проклятые геррильерос возьмут теперь продовольствие и пополнение... Но слушайте, сеньор Чичаро! Блестящая мысль!..

Он пригнулся к уху сеньора Чичаро и стал что-то нашептывать. Под конец оба расхохотались.

— Ну, что вы скажете?

Сеньор Чичаро резким движением вскочил на ноги и с явной завистью пожал руку коронэля.

— Вы — гений! И отлично, должен я сказать, разбираетесь в нашем деле. Сразу видно, что когда-то вы прошли хорошую школу в Германии. Идея великолепная, мой коронэль... Только, учтите, нужна строжайшая тайна.

Коронэль Морсильо уселся за письменный стол. Кончив писать приказ, он вызвал адъютанта.

— Приготовить завтрак! Достаньте вина... самого лучшего — из гренадских подвалов!..

— Понятно, господин коронэль. Разрешите идти?

— Ступайте!

С самого утра дул южный ветер. Горячее дыхание Сахары, перелетавшее через Гибралтарский пролив, обжигало кожу. Высохший горный лишайник выставлял свои ежовые иглы и жалил партизан сквозь веревочные подошвы алпаргатос. С неимо-

верными усилиями люди продвигались вперед. На берегу ручья они сделали короткий привал, чтобы утолить жажду, но через несколько минут двинулись дальше. Каждый шаг был дорог. Третьи сутки они не знали ни сна, ни отдыха. Надо было миновать центральную долину Сиерра Невады, чтобы выйти из окружения. Позади все время была слышна канонада и сухая трескотня пулеметов. От взрывов снарядов разрушались вдали скалы Муласэна. Люди короноэля Морсильо старались выполнить приказ своего начальника.

В вечерних сумерках загорались в долине сухие кровли крестьянских лачуг, огонь пожирал маленькие деревни.

Крестьяне уходили в горы. Они брели от одного холма к другому, собирались в кучки и мрачно смотрели на пламя, бушевавшее внизу.

Те, у кого еще с гражданской войны были припрятаны винтовки, доставали их из тайников и перекидывали через плечо. Хотя патронов было немного, но оружие сразу внушало их владельцам особенное чувство ответственности. Они отдавали распоряжения, организовывали людей, а сами появлялись неизменно там, где грозила наибольшая опасность. Никогда еще скалы Сиерра Невады не скрывали столько преследуемых. На преследователей обрушивались сверху каменные лавины, и не одна жизнь фалангиста прервалась от метко пущенной партизанской пули.

Отряд, которым руководили Александро Ортэга и Макарио Родригес, быстро увеличивался. Новых партизан тщательно испытывали, чтобы в отряд не пробрались люди случайные или, чего надо было опасаться, шпионы и предатели. Для новичков надо было доставать оружие.

Многие спускались в долины, откапывали зарытые во дворах винтовки и вооружались ими. Большей же частью оружие было спрятано в расщелинах окрестных скал.

К вечеру партизаны выбрали для ночлега небольшую котловину в горах, с краев которой можно было обозревать все окрестности. Вокруг котловины расставили часовых, а на горные тропы выслали патрули. Александро и Макарио расположились в прохладной пещере, развели костер и, склонившись над картой, стали обдумывать дальнейший план действий.

Вдруг послышались быстрые шаги. Кто-то приближался в сумраке, спотыкаясь об осколки гранита. Александро и Макарио переглянулись.

— Кто идет? — строго спросил часовой у входа.

— Командир патруля Мигуэль Морено. Надо срочно поговорить с командиром. Очень срочно. Можете его разбудить?

— Он не спит. Подождите, я доложу.

Часовой прошел в пещеру через вход, прикрытый снизу брезентом, чтобы не был замечен огонь.

— Товарищ Ортэга, с вами хочет поговорить командир патруля Мигуэль Морено.

— Пусть войдет.

Когда Мигуэль Морено присел у костра, откинув широкий шерстяной плащ, стало видно, что это еще совсем подросток. Он положил винтовку на колени и вытер ладонью вспотевший лоб, продолжая часто дышать.

— Товарищ командир, в нескольких километрах от лагеря мы встретили партизанский отряд, который хочет к нам присоединиться.

— Ладно, почему ты не привел их сюда, Мигуэль?

— Их много, человек шестьдесят. Все они на мулах и хорошо вооружены.

— Что же они говорят?

— Ми хефэ *, они заладили только одно: отведи да отведи их к самому командиру.

— Где же они остались?

— Там, возле нашего патруля. Ждут вас для переговоров.

— Что скажешь, Макарио? — спросил Александро у своего заместителя.

Макарио сосредоточенно глядел на огонь костра и ответил не сразу:

— Шестьдесят хорошо вооруженных людей были бы неплохим пополнением для нас. Должно быть, это опытные партизаны. Естественно, что они не хотят довериться нашему патрулю. Александро, я пойду и все улажу.

— Но они сказали, что будут говорить только с командиром, — вмешался Мигуэль Морено.

— Ладно, схожу сам, — решил Александро Ортэга.

Он накинул на плечи плащ, автомат повесил на шею и надел берет.

— Посмотрим, что за люди. Если окажутся хорошими ребятами, Макарио, примем их к себе.

— Не ходи один, Александро! Возьми с собой бойцов. Я сейчас позову...

— Нет, не нужно. Пусть отдохнут. Там ведь наш патруль. Пошли, Мигуэль!

Мигуэль поднялся с озабоченным видом. Юноша только недавно начал партизанить, но успел уже выполнить ряд ответственных заданий. Он был родом из Гренады и ушел в горы после того, как фалангисты арестовали его отца и мать, рабо-

* — Мой начальник.

тавших в подполье. В Гренаде у него оставался дядя и несколько друзей. Отправляясь в город на разведку, он останавливался у кого-нибудь из них. После таких его походов в отряде всегда появлялись свежие газеты и масса новостей.

Александр Ортэга вышел из пещеры. Мигуэль замедлил шаги, как бы собираясь что-то добавить, но ничего не сказал и последовал за командиром. Его мучило одно подозрение, но он решил не говорить об этом, чтоб его не сочли трусом.

— Я пойду вперед, товарищ Ортэга. Тропинка узкая. Не отставайте от меня.

— Ладно, Мигуэль. Ступай вперед. Ты смелый парень. Подрастешь немного — назначу тебя командиром разведчиков. Ты хотел бы?

— Да, товарищ Ортэга. Мне это дело по душе.

Они довольно долго спускались по склону горы. Вокруг была непроглядная ночная темень. Ветер доносил из долины запахи гари. Наконец возле скалы Мигуэль остановился.

— Товарищ Ортэга, они совсем близко. Не пойти ли мне одному? Я скажу, пусть несколько человек придет к вам сюда.

— Да, так вернее. Я буду ждать вон на той ели.

Александр Ортэга присел на ствол поваленного дерева, отломил еловую веточку и принялся медленно, по одной, обрывать острые иглы.

В лесу затрепала сучья. Глаза Александра, привыкшие к темноте, различили на фоне неба силуэты людей, которые мелькали между стволами. Не показалось ли это? Нет, шаги приближались. Возле большой скалы, за которой исчез Мигуэль, посыпался вниз щебень. Было такое впечатление, что там происходит борьба. Вдруг тишину прорезал звонкий крик Мигуэля Морено.

— Назад! Товарищ командир, назад! Патруль... перебит...

Короткая автоматная очередь заглушила его голос. Александр схватился за автомат. Но в тот же момент со всех сторон на него налетели вооруженные люди. Сильные руки сжали горло. Удар по голове — и горы, деревья, движущиеся человеческие фигуры — все смешалось, потеряло для него форму и смысл.

Когда Александр Ортэга пришел в сознание, он долго не мог понять, что же произошло. Он лежал на глиняном зловонном полу в маленьком помещении, похожем на гроб. В углу в куче гнилой соломы возились крысы. У самого потолка светлело узкое прямоугольное отверстие, затянутое железной решеткой.

«Тюрьма!» — промелькнуло в голове Александро. Он начинал постепенно припоминать случившееся. «Проклятые негодяи!»

Звякнул ключ. С визгом приоткрылась тяжелая дверь. В темной щели показались два вооруженных фалангиста.

— Встать! На допрос! — раздался резкий голос.

Александро с трудом поднялся и шагнул к двери. Голова кружилась и болела. Было такое ощущение, что горло все еще сжимают железные пальцы.

— Проворней! — произнес все тот же скрипучий голос.

Они прошли несколько коридоров и, наконец, остановились у ярко освещенного входа.

— Сеньор коронэль, разрешите? — подобострастно спросил один из охранников, просунувшись в дверь.

Ответом было небрежное движение руки. Дверь распахнулась, и Александро втокнули в большую светлую комнату.

За столом сидел худощавый человек в офицерской форме фаланги. Черные дужки очков еле держались на его обвислых ушах. Лоб резко выступал вперед, темные, беспокойно бегающие глаза глубоко западали. Револьвер и плеть лежали у него под рукой на столе.

Под столом, уткнувшись мордой в передние лапы, дремал огромный лохматый пес. Когда вошел Александро, он поднял голову, втянул широкими ноздрями воздух, лениво зевнул и снова положил морду на лапы.

— Садитесь, сеньор Александро, — сказал фалангист, показывая на стул. — Будем знакомы — коронэль Морсильо.

Он протянул руку, но Александро сделал вид, что не заметил этого. Он сел на стул и спокойно посмотрел в лицо коронэля, которое было все в мелких морщинах, словно увядший капустный лист.

— Знаете ли вы, что весь ваш отряд захвачен сегодня ночью? Все, до единого человека... И это благодаря моим партизанам! — Коронэль усмехнулся. — Скажите, как они вам понравились? Разве не молодцы?

«Неужели это правда, все схвачены? И Макарио... Нет, нет, этого не должно было случиться!» Александро стиснул зубы, чтобы подавить крик, и закрыл глаза ладонью. Почему не мог умереть только он один, отдать свою жизнь за них?..

Коронэль внимательно наблюдал за Александро.

— Да, так оно бывает всегда, если люди хотят прошибить стену головой. Скажите, сеньор Ортэга, неужели в Испании так уж плохо живется, что вы сами лезете в петлю? Говорите, прошу вас. Что же вы молчите? Мне вы можете смело довериться.

Александро ответил не сразу.

— Не понимаю, почему вы спрашиваете меня об этом. О моих взглядах вы можете судить по моим действиям.

— Но взгляды людей меняются. Я сам был когда-то убежденным республиканцем, а сейчас...

— Стали палачом республики, — подсказал Александро.

— Вы взволнованы и не соображаете, что говорите. Решается вопрос о вашей жизни и смерти, — строго произнес король. — Понятно ли вам, что выход у вас...

— Только один, — прервал его Александро. — Меня убьют. Что ж, я готов к этому.

— Есть и другой выход — в том случае, если вы захотите стать нам полезным... полезным своей родине... Если вас не удовлетворяет настоящее положение, помогите нам...

— Грабить крестьян, сжигать их жилища? Преследовать каждую свободную мысль, угнетать миллионы людей в интересах маленькой горстки?!

— Но разве такой порядок только в Испании? Повсюду ведь так: в Америке, Англии, Африке, Индии... Так было и так будет. Это закон истории. А вы еще верите в чудеса, что генерал Франко может быть свергнут... Дурачье! Да если он уйдет, то не по желанию народа, а с нашего ведома. Мы-то останемся! Сколько государств поддерживает нас! И почему бы им поступать иначе? Где еще найдут они такие богатые залежи свинца? А наши ртутные копи! А железная руда, леса пробкового дуба, апельсины, оливки... Все это сейчас в руках иностранных монополий. Естественно, что они поддерживают нашу политику. И волки сыты, и овцы целы.

— Эти овцы мечтают со временем прибрать к рукам всю Европу и Латинскую Америку! — добавил Александро.

— Вы хорошо разбираетесь в нашей политике. Только поэтому я так долго разговариваю с вами.

— Хорошо разбираться не значит поддерживать.

— Англия и Америка нас великолепно понимают и поддерживают. Режимом Франко они весьма довольны. Они прекрасно понимают, что с установлением республики все богатства страны перейдут в руки народа. Пропадут концессии, которые принадлежат англичанам и американцам, пропадет возможность устраивать воздушные и морские базы для войны против Советского Союза и государств народной демократии. Франция? Без ее тогдашнего нейтралитета мы бы не выиграли гражданской войны. Генерал Франко в большом долгу перед Блюмом и Даладье. Так вот — все против вас. Здравый смысл видит жизнь и будущее именно такими, какими я их рисую вам. Я предлагаю вам работать с нами, помочь очистить нашу про-

винцию от партизан. Мы все простим и дадим вам все, что вы только пожелаете.

— Существует две Франции, две Америки, две Англии, — стараясь сдержат себя, сказал Александро. — Также существуют и две Испании. Мы и вы. Народ и его угнетатели. Вам не победить народ...

— Молчать, негодяй! — прогремел голос коронэля. Собака вскочила на все четыре лапы, ошетинившись и свирепо глядя на врага своего господина. В воздухе мелькнула плеть. Острая боль ожгла Александро.

Он схватил было стул, замахнулся, но в руку его вцепился пес.

Боковая дверь, приоткрытая в продолжение всего разговора, распахнулась настежь, и на пороге появилась плотная фигура барона фон Эйсберга.

— Сеньор Чичаро! — обратился к нему разъяренный коронэль. — Я не желаю разговаривать с камнями Сиерра Невады! Начнем?

— С удовольствием, мой коронэль.

Коронэль нажал небольшую кнопку возле стола. Вошли два охранника.

— Связать руки! — крикнул коронэль, повернувшись к Александро. — Если ты готов забыть народ, свободу и республику и решаешься служить нам, раскрой свой рот.

— Не бывать этому.

— Тогда умрешь.

— Пусть. Народ бессмертен, он отомстит вам.

Снова просвистела в воздухе плеть. Удар следовал за ударом, и вскоре Александро лишился памяти.

Он очнулся от переполненного кошмарами сна в той же самой камере, где провел первую ночь.

Нельзя было определить, как долго он спал. Крысы в углу грызли гнилую солому. Через окно пробивался далекий рассвет.

Александро попытался приподняться, но не смог. В голове гудело, каждое движение вызывало невыносимую боль в израненных ногах и спине. Он вытянулся на сыром глиняном полу и стал наблюдать за огромным пауком, который ткал у потолка серую паутину.

Шаги... Кто-то приближается к двери... Зазвенел ключ, и в камеру вошел овященный в сутане, с крестом и евангелием в широко разведенных руках. Рукава сутаны делали его похожим на коршуна.

— Грешник, не спишь ли ты? — спросил он. — Обратимся

к господу с молитвой, чтоб сатана не бросил твою душу после смерти в адский огонь.

Александр равнодушно глядел на незваного гостя. Святой отец выставил указательный палец, как незажженную церковную свечку, и продолжал:

— Грешник, покайся! Если ты совершил преступление против государства и генерала Франко, этим самым ты согрешил и перед господом. Ибо в священном писании сказано, что наши правители — божьи наместники здесь, на земле. Молись и кайся перед лицом всевышнего. Для тех, кто унижится, раскроются врата царства небесного.

— Я верю в мой народ, свободу, республику. Нет у меня другого бога!

— Грешник, не богохульствуй! Народ полон греха, его ждут адские мучения. А свобода и республика — это слова, которые нашептывает тебе на ухо сатана...

Александр не мог больше выдержать. Превозмогая боль, он оперся на руки и сел на полу.

Священник отступил, захопнул евангелие и перекрестился.

— Чорт бы тебя побрал с твоими адскими муками, несносный ханжа! — гулко прозвучал в камере полный ненависти голос Александрo.

Святой отец поспешил выскользнуть в коридор.

Оставшись один, Александрo снова забылся.

Разбудила его чья-то сильная рука, теревившая его за плечo:

— Александрo Ортэга!

— Да, я готов...

— Говори тише, Ортэга. Вот письмо. — Тюремный надзиратель сунул в руку Александрo небольшой орешек, добавив: — Это передал мне вчера вечером сын покойного брата, Мигуэль Морено. Он ждет ответа. Торопись, они скоро придут, — он махнул на дверь.

Надзиратель ушел. Александрo осторожно надкусил орех. Скорлупа легко распалась на две половины. Александрo развернул тонкую папиросную бумажку, намотанную на графитный стерженек. Глаза жадно проглатывали еле заметные буквы.

Что-то застлало ему глаза. Первый раз в жизни Александрo заплакал, заплакал, как ребенок, припав лицом к сырому тюремному полу. Сквозь густые облака и мрак неизвестности пробился солнечный луч, озаривший весь мир. Они были живы! Все! И Макарио и Мигуэль... Они клялись продолжать борьбу до полной победы.

Александрo схватил графит и написал на обратной стороне записки:

«Твердость моя неизменна. Они убьют меня — через час, может быть раньше. Это меня не страшит. Не одну, а тысячу жизней отдал бы я за свободу Испании. Продолжайте бороться, друзья! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Да здравствует коммунистическая партия! Мы победим!»

Александр свернул бумажку и положил ее в пустой орех. Липкие края скорлупы плотно прижались друг к другу. Александр подполз к дверям камеры и тихо постучал. Надзиратель приоткрыл дверь и взял орех.

В другом конце коридора слышались гулкие шаги.

Александр Ортэга в последний раз взглянул на светлую полосу неба.

ЖАН ГРИВА

Жан Грива (псевдоним Жана Карловича Фолманиса) родился в 1910 году в Курземе (б. Курляндской губернии), в семье батрака.

От своих родителей маленький Жан впервые слышит о событиях 1905 года. Его отец и мать не стояли в стороне от этих событий, они пострадали от царской карательной экспедиции. В душе впечатлительного Жана с детства зреет ненависть к притеснителям трудового люда. Окончив волостную школу, будущий писатель батрачит у кулаков, затем переезжает в Ригу.

В городе он поступает в ремесленную школу учеником-печатником. Условия в этой школе характерны для буржуазной Латвии: в мастерских нет ни вентиляции, ни мыла, ни кипятка; ученики нещадно эксплуатируются как подсобная рабочая сила. В результате всего этого вспыхивает первая в буржуазной Латвии ученическая забастовка. Руководит ею Жан. Его вызывают даже к министру просвещения, который обещаниями и угрозами пытается сорвать забастовку. Чтобы сломить упорство юношей, правительство ликвидирует ремесленную школу, выбрасывает на улицу молодых печатников. Жану Фолманису, как вожаку забастовщиков, всюду отказывают в работе по специальности. В 22-летнем возрасте он вынужден поступить в типографию на должность... рассыльного мальчика. Этот эпизод из своей жизни Жан Грива отразил в очерке «Стачка».

В 1930 году Жан Грива вступает в нелегальную комсомольскую организацию, а в 1933 году вместе с одним товарищем работает в подпольной типографии. В 1934 году Жан Грива становится членом коммунистической партии.

В 1937 году он вместе с другими добровольцами едет в Испанию, чтобы помочь республиканцам в их благородной борьбе против Франко.

Жан Грива, как артиллерист батареи имени Коларова в 1-й Славянской группе тяжелой артиллерии, участвует во многих боях от Пиренеев до Пособланко, Талаверы и Алмадены, в боях за Мадрид и в последних боях на каталонском фронте. Тут же, на передовой линии, создавался фронтовой журнал «Фуэго» («Огонь»), печатавшийся затем в одной из тыловых типографий. Жан Грива принимает участие в работе редакции этого журнала.

Свой первый рассказ на испанскую тему — «Максильо» — Жан Грива пишет на артиллерийской позиции около Пособланко, в промежутках между артиллерийскими дуэлями, у своего 152-миллиметрового орудия.

Затем Жану Грива приходится испытать жизнь заключенного в огромном французском концентрационном лагере под Перпиньяном, куда помещали бывших бойцов испанской республиканской армии. Марсельские рабочие тайком доставили в лагерь книгу Сталина — «Краткий курс истории ВКП(б)» на французском языке. Коммунисты организовали перевод этой книги, чтобы все заключенные могли с ней познакомиться. Труд товарища Сталина был переведен и на латышский язык.

Жизни бывших бойцов испанской республиканской армии во французском концлагере посвящен рассказ Грива «Люди за колючей проволокой».

Осенью 1940 года Жан Грива в числе других бойцов Интернациональной бригады — уроженцев Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины — приобретает советское гражданство и возвращается на родину.

С первых дней Великой Отечественной войны Жан Грива принимает в ней активное участие. Командиром отряда истребителей он борется с парашютными десантами врага, защищает переправы на Даугаве, участвует в боях под Таллином, в боях под Ленинградом. Когда сформировалась латышская стрелковая дивизия, Жан Грива был переведен туда и стал командиром разведчиков. В одном из боев под Старой Руссой он получил тяжелое ранение.

В 1946 году в периодической печати Советской Латвии появляются рассказы Жана Грива: «Эстремадурский пастух», «Максильо» и «Маленький продавец вина». Они сразу же обратили на себя внимание латышской литературной общественности. Написанные с большой искренностью, со знанием жизни и быта Испании, ее национального своеобразия и исторических особенностей, проникнутые тонким чувством природы, эти рассказы согреты горячей любовью к героическому испанскому народу, живейшим сочувствием к его мужественной борьбе против режима фашистского палача Франко.

Первый сборник рассказов Жана Грива об Испании — «По ту сторону Пиренеев» — вышел почти одновременно на латышском языке в Латгосиздате и в русском переводе в Лениздате в 1948 году.

В настоящем издании этот сборник дополнен тремя новыми рассказами: «В огненном кольце», «Добровольцы» и «Люди за колючей проволокой».

Ян Шуман

СОДЕРЖАНИЕ

Эстремадурский пастух. Перевод Милды Заламан	3
Кузнец Богатырь. Перевод Милды Заламан	9
Максильо. Перевод Яна Шумана	15
Маленький продавец вина. Перевод Нелли Вестерман	28
Слуга господень. Перевод Милды Егер	38
Добровольцы. Перевод Яна Шумана	42
Пепе. Перевод Ольги Якобсон	52
Рыбаки Паламоссы. Перевод Яна Шумана и Катэ Егер	69
Марк Сантьяго ищет винтовку. Перевод Лидии Паже	87
У Белого колодца. Перевод Катэ Егер	104
Динамитерос. Перевод Милды Егер	121
На родине Дон-Кихота. Перевод Милды Заламан	126
В огненном кольце. Перевод Яна Шумана	134
Люди за колючей проволокой. Перевод Яна Шумана	141
По ту сторону Пиренеев. Перевод Яна Шумана	164
Жан Грива	181

Художник *С. Бродский*

Редактор *Т. Бретаницкая*
Худож. редактор *Э. Ильинская*
Техн. редактор *Г. Клодт*

■

А05776. Подп. к печати 2/IX 1950 г.
Уч.-изд. лист. 11,25. Бумага 60×92¹/₄
= 5,75 бум. л. = 11,5 печ. л.

Тираж 75 000, массовое издание.

Цена 6 р. 50 к. Заказ 1174.

■

Типография «Красное знамя»,
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, Суцьевская, 21.

Цена 6 руб. 50 коп.

6.5